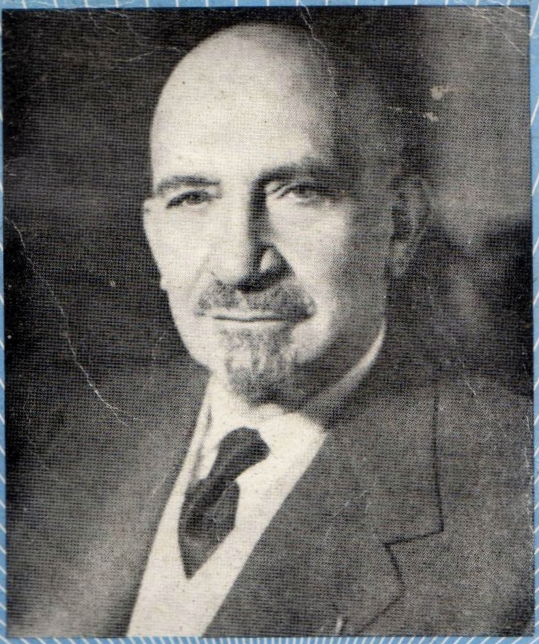
ХАИМ ВЕЙЦМАН • В ПОИСКАХ ПУТИ

П

101



ХАИМ ВЕЙЦМАН

В ПОИСКАХ ПУТИ

Хаим Вейцман

В ПОИСКАХ ПУТИ

ХАИМ ВЕЙЦМАН

В ПОИСКАХ ПУТИ

II

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1983
Printed in Israel

חיים וייצמן
מסה ומעש

Trial and Error
Chaim Weizmann

Перевел с английского *Р. Нудельман*
Научный консультант *Я. Цур*

Редактор *М. Шкловская*

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין – ספריה
מס. מלאי.....

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.
אגף לתרבות השכלה ואמנות, המחי לספריות
הספריה העבורית ע"ש ש. פבזנר
מס' 70129/1

©
All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה
ת.ד. 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהדית, ניו-יורק
OCR Давид Титиевский, август 2021 г., Хайфа

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. *Яаков Цур.*

Книга первая

Глава 1. Детство 3
Глава 2. Школьные годы в Пинске 14
Глава 3. На Запад 26
Глава 4. Герцль 37
Глава 5. Женева 50
Глава 6. Конец женевского периода 63
Глава 7. Первые шаги в Англии 89
Глава 8. Манчестер 106
Глава 9. "Синтетический сионизм" 120
Глава 10. Канун войны 134
Глава 11. Война 143
Глава 12. Ассимиляторы и сионисты 154
Глава 13. Раздоры в сионистской среде 161
Глава 14. На правительственной службе 169
Глава 15. К Декларации Бальфура 174
Глава 16. От теории к действию 184
Глава 17. Политический курьез 197
Глава 18. Бальфурская декларация 202

Книга вторая

Глава 19. Сионистская комиссия. Надежды и действительность 214
Глава 20. Сионистская комиссия и еврейство халукки 228
Глава 21. Еще о сионистской комиссии 235

Глава 22. Послевоенный период 243
Глава 23. Палестина – Европа – Америка 255
Глава 24. Кливленд и Карлсбад 267
Глава 25. Борьба вокруг мандата на Палестину 282
Глава 26. В поисках пути 294
Глава 27. Еврейское Агентство 303
Глава 28. Еврейский Национальный очаг 311
Глава 29. Отражение ударов 326
Глава 30. Моя отставка 334
Глава 31. Ученые – и другие 343
Глава 32. Возвращение в должность 353
Глава 33. Политические интриги в районе Средиземноморья 357
Глава 34. Постоянная мандатная комиссия 365
Глава 35. Арабские беспорядки 367
Глава 36. Угроза аннулирования Бальфурской декларации 378
Глава 37. "Белая книга" 1939 года 384
Глава 38. Вторая мировая война 396
Глава 39. Первые военные годы 399
Глава 40. Америка в войне 406
Глава 41. Мир – и утрата иллюзий 411
Глава 42. Наука и сионизм 422
Глава 43. Историческое решение 428
Глава 44. На пороге великих свершений 436
Эпилог 445

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 19

СИОНИСТСКАЯ КОМИССИЯ

Надежды и действительность

С тех пор, как Бальфурская декларация стала историей, сменилось целое поколение. Нелегко сегодня восстановить то ощущение радостного подъема, которое было вызвано опубликованием этого документа, – ощущение, равно испытанное как евреями, так и неевреями: с еврейской стороны то было предчувствие близкого освобождения, с нееврейской – глубокое удовлетворение этим актом исторической справедливости. Разумеется, не было недостатка в скептических голосах с обеих сторон, но они уступали оптимистическим и в численности, и в моральной силе: ведь Декларация была детищем самых выдающихся государственных деятелей того времени. Бальфур позднее говорил, что считает ее важнейшим делом своей жизни, а Роберт Сесил полагал, что создание еврейского Национального очага имеет не меньшее значение, чем создание Лиги Наций. И, несмотря на некоторую туманность формулировок, цель Декларации была очевидна. Как заявил президент Вильсон, "...союзные державы, при полной поддержке американского правительства и народа, согласились, что в Палестине должны быть заложены основы еврейской государственности". А Ллойд Джордж пишет в своих воспоминаниях: "Что касается смысла выражения "Национальный очаг, которому сионисты придавали такое значение, то он (Бальфур) понимал это как некую форму британского, аме-

риканского или иного протектората, при котором евреям будут предоставлены все возможности добиваться своего освобождения и создавать посредством развития образования, сельского хозяйства и промышленности подлинный центр национальной культуры и очаг национальной жизни... Совершенно очевидно, что имел в виду здесь кабинет. Члены кабинета вовсе не думали, что еврейское государство должно быть создано немедленно, по условиям мирного договора, без учета пожеланий большинства населения. С другой стороны, предполагалось, что если евреи сумеют воспользоваться предоставленными им возможностями и будут составлять большинство населения страны к тому времени, когда созреют условия для создания соответствующих представительных учреждений в Палестине, Палестина превратится в еврейское государство. Мысль о том, что следует ограничивать еврейскую иммиграцию так, чтобы евреи всегда составляли меньшинство, никогда не приходила в голову тем, кто разрабатывал основные направления британской политики. Это было бы несправедливо и бесчестно по отношению к тем самым людям, к которым мы обращались".

Увы, мне придется, среди прочего, выполнить и горькую обязанность проследить с самого начала, как возникла пропасть между обещаниями, содержавшимися в Декларации, и их реализацией. И началось это, как ни грустно, с первых же попыток претворения политических решений в действительность.

В начале 1918 года британское правительство решило направить в Палестину сионистскую комиссию, которой предстояло ознакомиться с положением на месте и разработать планы реализации Бальфурской декларации. В комиссию должны были входить представители от еврейских общин всех важнейших союзных держав. Но так как Соединенные Штаты не находились в состоянии войны с Турцией, американцы не сочли возможным назначить своих представителей. Русские же делегаты, хотя и назначенные вовремя, не смогли

присоединиться к нам "по политическим причинам". Таким образом, к англичанам присоединились лишь итальянцы и французы.

Итальянское правительство направило в комиссию коммендаторе Леви Бьянкини, который оказался самоотверженным человеком, вникавшим буквально во все аспекты нашей работы в Палестине. Вскоре, однако, стало очевидным, что его самоотверженность была продиктована скорее итальянскими, нежели палестинскими интересами. В свете последующих событий легко понять этот глубокий интерес, проявленный итальянцами к сионистской деятельности в Палестине в те годы. Они и тогда уже питали определенную зависть к Англии и подозрение, что создание еврейского Национального очага рассчитано на укрепление британского влияния в районе Средиземного моря, и потому старались предотвратить такое развитие событий путем максимального увеличения собственного участия в экономическом развитии Палестины. Нам то и дело напоминали, что мы можем воспользоваться услугами итальянских фирм, итальянских рабочих и итальянских поставщиков.

Французы направили к нам профессора Сильвана Леви... заядлого антисиониста! Его навязало нам французское правительство, сделавшее по этому поводу решительное заявление англичанам, а также барон Эдмон де Ротшильд, который полагал, что присутствие Леви в комиссии, вопреки (или благодаря) его хорошо известным антисионистским взглядам, поможет нам преодолеть враждебные настроения в еврейском общественном мнении Франции – в частности, оппозицию антисионистского "Альянс Израэлит"*, досточтимым президентом которого был не кто иной, как сам месье

*"Альянс Израэлит" – первая международная еврейская организация, созданная в 1860 году в Париже для оказания помощи евреям во всем мире. Впоследствии ее деятельность сосредоточилась главным образом в области образования.

Леви. Подобно Бьянкини, Леви оказался весьма самоотверженным сотрудником – и в том же духе. Он, видимо, считал, что его задача – защищать французские интересы. И, разумеется, он проявлял повышенное внимание к поселениям Палестинского еврейского колонизационного общества (ПИКА), основанного бароном Ротшильдом задолго до того, как Сионистская организация сумела приступить к работе в Палестине. Трудно было порой отделаться от впечатления, что месье Леви с явной настороженностью взирал на рост сионистского влияния, видя в нем некое посягательство на фактическую монополию, до сей поры принадлежавшую ПИКА.

Сын барона Эдмона Джеймс де Ротшильд играл роль своего рода посредника между нами и ПИКА и, естественно, питал определенную слабость к поселениям, созданным его отцом. Он и был и не был членом Комиссии: посещал все наши заседания, но официально к нам не присоединялся. По временам это создавало затруднительные ситуации, которые удавалось разрешить только благодаря дипломатическим талантам майора Ормсби-Гора (позднее лорда Харлика), представителя британских военных властей.

Английское еврейство в комиссии представляли, помимо меня, Джозеф Коуэн, Давид Эдер, Леон Саймон и Израэл Зиф (секретарь комиссии).

Наше отправление было назначено на 8 марта 1918 года. Сухопутная часть маршрута пролегала из Парижа через Рим в Таранто. Отсюда нам предстояло добраться через кишащие немецкими подводными лодками воды в Александрию. В Таранто мы провели неделю в ожидании военного эскорта. Затем началось наше кружное, зигзагообразное девятидневное путешествие в Александрию. Мы прибыли туда как раз накануне праздника Песах и провели там три недели. Это было мое первое знакомство с многочисленной сефардской общиной Египта, а также с бесчисленным множеством

арабских союзов и группировок, которыми Египет изобиловал в те времена. Они были объединены, если можно так выразиться, в отдельные политические группы, и каждая из них изо всех сил старалась наладить контакты с кем только можно. Каир времен войны представлял собой огромный лабиринт мелких интриг, и мы наверняка потерялись бы в нем, если бы не наставления майора Ормсби-Гора и сэра Реджиналда Вингейта, хорошо знавшего арабов, их ментальность и к тому же весьма щедрого на советы.

Странно, но мы не почувствовали никакой враждебности, даже в тех кругах, где тон задавали люди, подобные Нимру, знаменитому редактору "Мокаттам". Возможно, причиной тому была наша неискушенность: мы еще не умели тогда читать между строк. Наши коллеги и те немногие члены еврейской общины, которые нам помогали (должен сказать, что, к сожалению, большинство каирских евреев, на которых мы надеялись, как на связующее звено между Западом и Востоком, держались не менее отчужденно, чем арабы), постоянно предупреждали нас, что здесь нельзя ставить вопросы прямо. Арабы – изощренные спорщики и полемисты (куда изощреннее, чем средний образованный европеец), и тот, кто не владеет их приемами, всегда оказывается в невыгодном положении. Они, например, обладают замечательной способностью излагать взгляды, абсолютно противоположные вашим, так витиевато и с такой изысканной вежливостью, что могут показаться вам единомышленниками, готовыми немедленно протянуть вам руку дружбы. Разговоры и переговоры с арабами подобны погоне за миражем в пустыне. При прямой постановке вопроса араб искусно уходит от ответа и совершенно меняет тему разговора. К интересующей вас проблеме приходится добираться обходными тропами, и, чтобы дойти до сути, требуется неистощимое терпение. Лишь к концу нашего пребывания в Египте мы начали мало-помалу проникать за эту завесу слов и порой улавливать содержание в том,

что, на первый взгляд, казалось потоком ничего не значащих фраз.

Члены комиссии один за другим покидали Каир, направляясь в Палестину. Прошла неделя, прежде чем мы все собрались в Тель-Авиве, в доме Давида Левонтина*, тогда отсутствовавшего. Тель-Авив в то время был маленьким прибрежным городком, насчитывавшим, быть может, сотню зданий и всего несколько сот жителей. Это было тихое, почти пустынное место, затерянное среди песчаных дюн, но не лишенное привлекательности, несмотря на то, что в течение последних четырех лет оно было отрезано от всего света и пострадало от турецкой и немецкой оккупации.

Штаб-квартира британских войск размещалась в Рамле, точнее, в Бир-Салеме, в здании бывшего немецкого приюта, расположенном на окруженном апельсиновой рощей холме. Это было скромное, но по тем временам вполне удобное здание. Военная обстановка резко и разительно отличалась от каирской. В первое же утро за завтраком я очутился между генералами Алленби и Болсом, которые через мою голову обсуждали различные военные вопросы – потери, атаки, отступления, так что я не мог не ощутить определенной напряженности, висящей в воздухе. И действительно, мы прибыли в самый неподходящий момент. С Западного фронта приходили тревожные сообщения. Основные европейские силы, находившиеся в Палестине, были переброшены во Францию. Состав, доставивший меня из Каира, тут же заполнили офицеры и солдаты, торопившиеся на Запад. Наступление Алленби было приостановлено; в его распоряжении оставался лишь небольшой индусско-мусульманский корпус, и арабы, сразу почуявшие слабость британских позиций, начали проявлять признаки растущей активности. Наше появление нисколько не облегчило ситуации, тем более, что арабские пропагандисты немедленно объявили, что

*Директор Англо-Палестинского банка (теперь банк "Леуми").

"англичане вызвали евреев, чтобы передать им страну".

Но это было лишь начало. Вскоре я обнаружил, что Бальфурская декларация, наделавшая столько шума во всем мире, осталась тайной за семью печатями для многих офицеров Британского корпуса в Палестине, даже самых высокопоставленных. Они понятия не имели ни о ней самой, ни о том сочувствии, которое выразили нашим целям и стремлениям самые выдающиеся представители всех слоев английского общества. Они были отрезаны от Европы, их мысли были сосредоточены на стоявшей перед ними непосредственной задаче – выиграть войну, а точнее, в данный момент – удержать фронт и не откатиться под натиском турок. Но и это, к сожалению, было не все: гораздо более глубокие и, если можно так сказать, органические причины определенного поведения коренились в самой психологии многих из этих офицеров. Скудное еврейское население, изнуренное годами лишений и изоляции от мира, едва говорящее по-английски, представлялось им отбросами польских и русских гетто. Россия же в ту пору была не на самом лучшем счету у англичан, поскольку только что пережила большевистскую революцию, которую они – опять же – связывали с русским еврейством: в глазах большинства британских офицеров слова "русские", "евреи", "большевики" были синонимами в те дни. И даже если они немного ориентировались в событиях, они все равно не видели особого смысла стараться ради евреев – так что плевать им на всякие там декларации!

Эта специфическая ситуация не возникла, однако, сама собой. Одну из причин наших неприятностей мне удалось выяснить в результате беседы с генералом Дидсом (он принадлежал к числу тех немногих, кто понимал наше положение). Однажды он вручил мне безо всяких пояснений несколько машинописных страниц и попросил ознакомиться с ними внимательно. Я прочел первую страницу и в недоумении поинтересовался, что означает вся эта галиматья. Он ответил мне

спокойно, даже несколько сурово: "Лучше прочтите все, это еще может причинить вам большие неприятности в будущем". Так состоялось мое первое знакомство с выдержками из печально знаменитых "Протоколов сионских мудрецов".

Совершенно обескураженный, я спросил Дидса, как это к нему попало и что все это означает. Он ответил – медленно и с сожалением: "Вы можете найти это в вещмешках большинства наших офицеров – и они верят этому! Это привезла британская военная миссия, побывавшая на Кавказе в армии великого князя Николая Николаевича".

Было бы ошибкой думать, что вся британская армия была поголовно заражена бредовыми идеями, изложенными в пресловутых "Протоколах", но в те времена, когда ужасы большевистской революции были еще свежи у всех в памяти, самые фантастические слухи и наветы попадали на подготовленную почву. Что касается выдержек из "Протоколов", которые я прочел, то они к тому же были явно подобраны с расчетом на вкусы читателя определенного типа.

Наше положение было достаточно тяжелым и без этого. При первом свидании с Алленби я вручил ему свои верительные грамоты и рекомендательные письма от Бальфура, Ллойд Джорджа и других; но все их содержание явно не произвело на Алленби особого впечатления. Чуть ли не первая его фраза была: "Все это так, но вы, конечно, понимаете, что сейчас ничего нельзя сделать. Мы обязаны соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не задеть чувств местного населения". Он вел себя вежливо, можно сказать, благожелательно, но отнюдь не спешил нам помочь. Ведь это был армейский мир, и считались здесь только с военными, все прочие представляли собой досадную помеху. А тут еще мы – пестрая группа штатских, явно инородное тело в армейском организме. Мессианские надежды, воспламененные в нас Бальфурской декларацией,

быстро меркли в столкновении с суровой реальностью армейской штаб-квартиры.

Первые три дня были весьма напряженными. Приходилось взвешивать каждое слово и оставлять при себе свои мысли. Джеймс де Ротшильд, который был в более близких (иногда даже дружеских) отношениях со многими штабными офицерами, не очень-то помогал поднятию моего духа своими постоянными предостережениями поменьше говорить и поменьше вмешиваться: "Помните, и у стен есть уши!"

На третье утро, выйдя из палатки, я увидел проезжавшего мимо меня в машине Алленби. Он остановился и, дружески поздоровавшись, пригласил меня поехать с ним: он направлялся в Иерусалим и полагал, что я захочу к нему присоединиться. Он не ошибся: меня не покидало желание "взойти в Иерусалим". Но что-то меня удержало. Помолчав, я сказал: "Я бы очень хотел присоединиться к вам, но не кажется ли вам самому, что в нынешних обстоятельствах лучше мне сделать это несколько позднее и одному? Если увидят, что вы въезжаете в столицу вместе со мной, это может поставить вас в неловкое положение". Алленби вышел из машины, постоял глубоко задумавшись, потом улыбнулся и протянул мне руку: "Вы абсолютно правы – и мне кажется, что мы сойдемся". Я почувствовал, что лед сломан. В конце концов мы с ним посетили Иерусалим, но это было уже в июле, как раз перед закладкой первого камня Еврейского университета.

На четвертый день я был, так сказать, выпущен из штаб-квартиры: нам дали пропуска, предоставили в наше распоряжение машину и горючее, а также – верх любезности – личный телефон. Я думаю, мы были единственными штатскими в Палестине, удостоившимися подобных привилегий. Я был решительно настроен ни единым неосторожным действием не нарушать ту тонкую нить доверия, которая протянулась между нами и командованием. К счастью, я не знал тогда, что

вступаю на тернистый путь, по которому мне суждено идти практически всю остальную жизнь. Таким образом, я оказался между молотом и наковальней – между медлительной, лишенной воображения, консервативной и часто недружелюбной британской военной и гражданской администрацией и нетерпеливым, страстным еврейским народом, который видел в Бальфурской декларации залог своего возвращения в страну и возмущенно сравнивал ее содержание с действительными событиями в Палестине.

Эти времена для Палестины были достаточно тяжелыми. Еврейская община была ослаблена потерями, лишена руководства и дезорганизована. Большинство ее лидеров было выслано турецкими властями в Дамаск или в Константинополь. В Константинополе находился Руппин, наш лучший эксперт по вопросам поселений. Нам не хватало и Меира Дизенгофа, замечательного тель-авивского мэра. Это был умеренный, практичный, уравновешенный человек, впоследствии прослуживший на своем посту еще три десятилетия. Он с исключительной добросовестностью относился к нуждам города и всего ишува, не поддаваясь никаким партийным пристрастиям. Его умнение пользовалось всеобщим доверием и всеми уважалось. Без него, и еще нескольких ему подобных, евреи захваченной войной Палестины не могли бы решить, что предпринять. Немецко-турецкая оккупация подорвала и истощила экономическую базу поселений, и многие евреи бежали – или были изгнаны турецкими властями – в Египет. После прихода британской армии некоторые из них начали возвращаться. В стране недоставало основных продуктов питания, и как только открылась дорога на Каир, многие стали добиваться разрешения отправиться туда, чтобы пополнить свои запасы. Это обстоятельство было предметом постоянных забот нашей комиссии, поскольку она являлась официальным посредником между еврейским населением и военными властями. Палестину

связывала с Египтом единственная железная дорога, поезд по ней шел только раз в сутки. Этот скудный транспорт служил в первую очередь срочным армейским нуждам, и получить разрешение на поездки гражданских лиц, за исключением крайних случаев, было практически невозможно. С большой неохотой я вынужден был согласиться время от времени подавать прошения ответственному за перевозки офицеру, стараясь свести количество этих просьб до минимума.

В этой напряженной обстановке к разумным ограничениям зачастую прибавлялись абсолютно бессмысленные, пустяки превращались чуть ли не в дела государственной важности; происходили случаи дискриминации. Я делал все возможное, чтобы сгладить самые резкие конфликты, но сколько я ни объяснял евреям ишува, что подобные трения и недоразумения неизбежны в переходный период, они забывали об этом, сталкиваясь с повседневной реальностью. Стоило ли убеждать их не делать далеко идущих выводов из поведения того или иного офицера и доказывать, что люди, от которых действительно зависят решения, понимают наши трудности и стоят на нашей стороне, если печальный факт состоял в том, что, несмотря на все старания и дипломатические таланты генералов Дидса и Клейтона, отношения между еврейским населением и местными британскими властями становились все более напряженными, а дружелюбие и благожелательность проявлялись буквально в считанных случаях.

Затем произошло событие, которое вынудило меня обратиться со всем этим ворохом проблем к генералу Алленби.

В мае 1918 года нам стало известно, что колония Петах-Тиква (одно из первых поселений, основанных в конце 70-х годов) должна быть эвакуирована по военным соображениям. Как ни огорчительно это было для поселенцев, ни один здравомыслящий человек не мог, разумеется, возражать против требований, связанных с военной необходимостью. Военные власти на месте

обещали мне заблаговременно известить комиссию о времени предполагаемой эвакуации, чтобы мы могли помочь подготовить жилье для эвакуируемых в Тель-Авиве и его окрестностях, обеспечить охрану их посевов и плантаций и так далее. Я известил поселенцев об этом договоре с властями, и они, естественно, согласились с ним. Внезапно, в самый канун праздника Шавуот, к нам прибыл запыхавшийся посыльный, который сообщил, что эвакуация назначена на следующее же утро. Таким образом, все наши предварительные приготовления пошли насмарку. Но еще непонятнее было то, что две арабские деревни, расположенные ближе к линии фронта, чем Петах-Тиква, не получили приказа эвакуироваться. Возможно, на то были какие-то стратегические соображения, но постичь это все равно было трудно. Напрашивался естественный – и не очень приятный – вывод, что евреям не доверяют и потому хотят убрать их подальше; арабов же, которые, как всем было известно, постоянно ходят за вражеские позиции, оставляют на месте. Однако при нашей неопытности мы могли неправильно оценить ситуацию; поэтому после долгих колебаний я решил попросить аудиенцию у генерала Алленби.

В тот же вечер генерал пригласил меня на ужин. Я начал с рассказа о Петах-Тикве. Алленби не был в курсе дела, потому что приказ был отдан дивизионным командованием, и штаб-квартира об этом еще не знала. Тем не менее он согласился, что вопрос заслуживает внимания и попросил дежурного офицера навести необходимые справки и немедленно ему доложить. В результате эвакуация была отложена на несколько дней, и наш предшествующий договор был восстановлен в силе.

Но наш разговор с Алленби на этом не закончился. Он попросил меня дать ему более подробный отчет о взаимоотношениях между еврейским населением и британской администрацией. Я воспользовался предоставившейся возможностью и сказал, что хотя мы по-

нимаем, что сейчас не время для претворения в жизнь крупных политических решений и что Бальфурской декларации придется ждать до окончания войны, мы убеждены, что продолжение нынешних натянутых отношений между еврейским населением и британской администрацией никому не приносит пользы в настоящем и может породить серьезные осложнения в будущем. Дело тут не просто в личных отношениях между евреями и англичанами, не в том или ином частном затруднении или несправедливом отказе. Создается впечатление, что местная администрация вообще склонна игнорировать сочувственное отношение британского правительства к нашим стремлениям или же, того хуже, готова на все, чтобы продемонстрировать свое враждебное отношение к политике, принятой в Лондоне. В таких условиях перспективы будущих отношений между евреями и арабами нельзя назвать обнадеживающими.

Это был первый случай, когда я мог так подробно обсудить с Алленби вопросы политики и нашего будущего. Подобно большинству находившихся тогда в Палестине англичан, он был настроен хотя и не враждебно, но довольно скептически: не потому, что опасался препятствий со стороны арабов, но просто из-за того, что Палестина, по его мнению, ничего не сулила в будущем для евреев. Мне предстояло переубедить его.

Я сказал ему, что в еврейском народе дремлют непочатые запасы энергии и инициативы, которые можно пробудить благодаря открывающимся сейчас новым возможностям. Я был убежден, что эта энергия способна преобразить даже такую заброшенную страну, как Палестина. Я напомнил ему о поселениях барона Ротшильда, которые даже в те дни были оазисами плодородия среди окружающих их пустынных песков – резкий контраст с арабскими деревнями с их глиняными хижинами и навозными кучами. Я изо всех сил пытался передать Алленби хотя бы крупицу той уверенности, которую ощущал сам, – частично потому, что

испытывал к нему большое личное уважение, частично же потому, что понимал, что его позиция может сыграть решающую роль в будущем, когда мы подойдем к решению практических проблем. Помню, что к концу этого долгого разговора, когда я почувствовал, что он мало-помалу поддается моим убеждениям, я сказал что-то вроде следующего: "Вы завоевали большую часть Палестины и можете измерять свои завоевания двумя мерками: либо в квадратных милях, и тогда ваша победа, хоть и значительная, не покажется столь уж великой; либо меркой исторической – в столетиях традиции, которой освящена каждая пядь этой земли, – и тогда ваша победа окажется одной из величайших в истории. И эта традиция, которая делает вашу победу столь великой, связана, в основном, с историей моего народа. Наступит, быть может, день, когда мы сумеем увековечить вашу победу, запечатлев ее в чем-то более долговечном, чем даже камень, – в судьбах людей и народов. Будет горько, если сегодняшние мелочи – например, неверные действия нескольких офицеров или администраторов – омрачат эту победу".

После нашего разговора отношения между комиссией и британской администрацией несколько улучшились. В целом, однако, дух, царивший среди чиновников, по-прежнему не способствовал сотрудничеству между англичанами и евреями или евреями и арабами. Весь период военной оккупации продолжалась замена одного губернатора другим, и все это сопровождалось постоянными заминками. Не знаю, в какой мере тот или иной британский чиновник впрямую подстрекал арабов чинить препятствия союзнической политике, а в какой они сами делали надлежащие выводы из повседневной практики этих чиновников, но это и не столь важно. Важно, что с каждым днем враждебность арабов возрастала, и к моменту прихода гражданской администрации во главе с Гербертом Сэмюэлом противоречия между двумя народами уже трудно было устранить.

Глава 20

СИОНИСТСКАЯ КОМИССИЯ И ЕВРЕЙСТВО ХАЛУККИ

В Палестине существовала еще одна еврейская община, также составлявшая предмет забот сионистской комиссии, – старая, причудливая, живописная и отталкивающая, появившаяся задолго до прибытия в страну людей, посвятивших себя возрождению еврейского Национального очага. Вероятно, ее следовало бы назвать "первой", ибо именно таковой она была – по времени возникновения и уж подавно по численности. То было еврейство *халукки*, община, которая в течение поколений существовала исключительно за счет пожертвований, собираемых среди ортодоксальных набожных евреев в больших общинах Польши, России, Германии и Соединенных Штатов.

Эту общину составляли в основном пожилые, глубоко религиозные мужчины и женщины, которые посвятили остаток жизни молитвам, изучению священных книг и другим добродетельным занятиям. Они жили в своем особом, странном мире, абсолютно далеком от повседневной реальности, и большинство из них вряд ли понимало, какой катаклизм переживает мир и что это означает для их собственного будущего и будущего их народа. О войне они знали только то, что она лишила их источников дохода (поскольку европейские благотворители не могли больше переводить им деньги). Даже та жалкая, нищенская жизнь, к которой они уже привыкли, угрожала оборваться. Но тут им на помощь пришел Американо-еврейский объединенный благотво-

рительный комитет ("Джойнт"), который поручил сионистской комиссии распределять деньги среди различных организаций и отдельных людей, которые ранее были получателями *халукки.* Это привело нас к более близкому знакомству со старым ишувом, о существовании которого большинство членов комиссии до тех пор даже не подозревало.

Мы обнаружили, что в этом ишуве есть множество разнообразных учреждений -- школы, больницы, дома для престарелых и тому подобное. Одни из них существовали только по названию да на фирменных бланках, но некоторые были действующими, хотя и довольно примитивными организациями, занимающимися благотворительной работой. Способы управления в них и условия, там царившие, привели в ужас членов комиссии, привыкших к стандартам Западной Европы, и они тотчас запротестовали против передачи денег "Джойнта" учреждениям, в которых постановка работы и гигиена находились на средневековом уровне. Однако первые же попытки ввести некоторые разумные новшества натолкнулись на каменную стену сопротивления и вызвали бурю возмущения и негодования; наши предложения были не только преданы анафеме, но и объявлены языческими, кощунственными, бессердечными, невежественными и злонамеренными. Мы прилагали все мыслимые усилия, пытаясь убедить этих евреев, что у нас и в мыслях не было вмешиваться в их религиозные традиции и обычаи, мы заверяли "администраторов", что хотим всего лишь сделать условия чуть более современными и комфортабельными. Наши благие намерения повлекли за собой ожесточенные и нескончаемые споры, в которых мы, замученные талмудической казуистикой и противоречиями, неизменно оказывались побежденными. Единственный эффективный аргумент, который мы могли выдвинуть, сводился к тому, что деньги-то "Джойнт" поручил распределять нам; но этот аргумент мы вынуждены были использовать весьма осмотрительно из-за двух обстоя-

тельств. Во-первых, мы отвергали мысль о навязывании нашей точки зрения другим. Мы предпочитали действовать убеждением и могли лишь сожалеть, что приходится иметь дело с такими упрямыми.

Во-вторых, наши оппоненты могли в любой момент обратиться к военным властям, и те, всегда питавшие слабость к их живописной беспомощности, поставленные перед выбором между величественным, подобным древнему жрецу в развевающейся одежде рабби X, из Хеврона и прозаичным, лишенным романтичности, практичным доктором Y из комиссии, всегда предпочитали первого. Он казался им (и в этом, возможно, таилась разгадка) еврейским подобием арабского шейха! И мы не сомневались, что в любом нашем конфликте с таким старцем, администрация военного губернатора нам, мягко говоря, "утрет нос".

Все бремя этой части нашей работы – и бремя тяжелое – легло почти целиком на плечи доктора Эдера. На первый взгляд, трудно было найти кандидатуру, менее пригодную для такой миссии. Он был западным человеком по рождению и воспитанию, западным по мировоззрению ученым, левым в политике и абсолютно (или почти абсолютно) не знал ни одного из языков, которые были в ходу в старом ишуве. Но все эти недостатки были второстепенными, и он их преодолел. Куда важнее были его искренняя доброта, его терпимость и человечность, его желание понять точку зрения оппонента. И эти его качества вскоре завоевали ему уважение и симпатии даже самых упрямых из жителей ишува. Только с ним они вели доверительные разговоры; казалось, он обладал какой-то удивительной магической силой, которая рассеивала их страхи и подозрения. В его конторе постоянно толпились "клиенты", тут же присутствовал и переводчик, но все разговоры велись скорее на самой удивительной смеси языков, которую мне когда-либо доводилось слышать: ломаный немецкий и идиш, несколько слов на иврите, которые Эдер успел запомнить за время пребывания в

Палестине, и еще меньше английских слов, усвоенных почтенными старцами, – все это, с примесью ладино*, создавало диалект, зачастую непонятный даже переводчику, но достаточный не только для общения, но и

После моего отъезда из Палестины, в сентябре того же года, доктор Эдер возглавил нашу комиссию. Хотя номинально нашими отношениями с военной администрацией руководил Жаботинский, в своих действиях комиссия опиралась на авторитет Эдера, которого приглашали в случае любого конфликта. Любопытно, что будучи в личных отношениях довольно темпераментным и даже грубоватым, в обращении с чужими людьми он был воплощением терпеливости и предупредительности. Он всегда добивался своего убеждением, никогда не прибегая к угрозам или крикам.

К сожалению, этого нельзя сказать о его младшем сотруднике. Жаботинский, в отличие от Эдера, бегло говорил на французском, английском, немецком и иврите, был весьма красноречив и высоко образован, но, увы, был совершенно лишен уравновешенности и объективности и – что еще хуже – способности к тем зрелым, спокойным суждениям, которая была так необходима в этом маленьком, но таком сложном мирке. Ведь, по существу, каждый член комиссии должен был служить мостом между двумя бесконечно различными мирами. Это весьма трудная роль, если мост не покоится на прочных опорах и не обладает достаточной гибкостью, чтобы устоять под натиском враждующих.

Формально Жаботинский заменил меня уже за несколько дней до моего отъезда, так что я имел возможность наблюдать со стороны его пыл и рвение, первой жертвой которых оказался генерал Клейтон. Когда я пришел к Клейтону прощаться, он сдержанно заметил, что было бы неплохо намекнуть Жаботинскому,

---

* Ладино (или иудео-испанский) – разговорный и письменный язык испанских евреев.

чтобы тот дал себе труд установить какие-то определенные часы для обсуждения их совместных дел, а не вваливался к нему в палатку в любое время дня и ночи! В устах Клейтона это замечание не сулило ничего хорошего моему преемнику. Я попытался внушить Жаботинскому представление о минимальной тактичности и, естественно, предупредил Эдера, который понял мое беспокойство. Эдер пообещал за этим проследить и, как всегда, выполнил свое обещание с обычной для него добросовестностью.

Западному человеку трудно понять, как бесконечно далек был старый палестинский ишув от реальной жизни. Его обитатели были отделены от мира стенами средневекового гетто, которыми они окружили себя сами; эти стены были прочнее любых других, которыми их могли бы окружить враги. Мы пытались пробиться сквозь эти стены, сознавая, что вряд ли сумеем добиться многого. Но даже мы были поражены, когда узнали, в какой малой степени мы в этом преуспели, несмотря на полгода терпеливого труда. Случилось так, что Оливер Харвей, тогда главный цензор Палестины, как-то попросил меня помочь ему процензуровать письма на иврите, которых у него собрался целый мешок. Почти все эти письма были от евреев старого ишува благотворителям в Америку и другие доступные страны. Чуть ли не 90% из них были посвящены мучениям, которые причиняет авторам сионистская комиссия, и содержали намеки на то, что она (Комиссия) злоупотребляет денежными фондами. Военные цензоры предложили нам встретиться с авторами – большинство из них были нам хорошо известны – и опровергнуть их обвинения, но мы решили, что лучше просто пропустить письма, поскольку адресаты наверняка давно знакомы с повадками своих подопечных. И мы оказались правы.

В моей памяти сохранился забавный эпизод, очень типичный для всей нашей тогдашней работы. Он произошел в день моего отбытия из Палестины, в конце

сентября 1918 года. Поезд отходил с узловой станции Лод через несколько часов, багаж мой был упакован и вынесен на улицу для погрузки в машину. Я вышел следом и вдруг увидел двух почтенных старцев – их общий возраст наверняка превосходил сто восемьдесят лет, – направлявшихся прямо ко мне. Не говоря уж о возрасте, меня поразило, что я никогда их раньше не видел. К тому времени мне казалось, что я уже перевидал всех мужчин, женщин и детей пятидесятитысячного ишува, и притом каждого по нескольку раз. Медленно и с достоинством старцы приблизились и остановились, чтобы обозреть багаж, машину и все прочее. Затем повернулись в мою сторону и сказали: "Но вы ведь еще не уезжаете, не так ли? Вы ведь не можете уехать – нужно еще уладить очень важное дело".

Мне ли было не знать, как много важных дел я оставлял неулаженными (многие из них так и остались неулаженными до сих пор)! Но тут я не сразу понял, о чем идет речь. Заметив мое замешательство, старший из двух решил меня просветить:

"Разве вы не знаете, что приближается праздник Суккот, а у нас нет мирта?" (В этот праздник ортодоксальные евреи произносят определенные молитвы, держа в одной руке пальмовую ветвь с миртом, а в другой "этрог"*.)

Конечно, я знал, что в Суккот нужен мирт, но это как-то выскользнуло из моей памяти. Подумать только, я не позаботился включить добывание мирта в список своих обязанностей как председателя сионистской комиссии, прибывшей в Палестину в разгар кровавой войны!

Слегка ошарашенный, я ответил: "Но разве мирт нельзя доставить из Египта?"

Старцы были глубоко уязвлены. "Для Суккот, – укоризненно заметил один из них, – нужен мирт самого высокого качества. Мы получаем его из Триеста.

*Вид цитрусовых плодов.

Поскольку это вопрос высшего религиозного значения, мы не сомневаемся, что генерал Алленби пошлет распоряжение в Триест доставить нам мирт".

Я осторожно попытался объяснить им, что идет война, а Триест находится на вражеской территории.

"Мы понимаем – война. Но ведь это чисто религиозный вопрос, он не имеет отношения к войне. Мирт, если хотите, это символ мира".

Разговор затягивался. Я подумал, что поезд из Лода идет один раз в сутки, и решил проявить твердость.

"Вам придется на этот раз обойтись египетским миртом", – сказал я.

И тут мои собеседники открыли свою козырную карту:

"Но ведь объявлен карантин на доставку растений из Египта! Военные власти нам не разрешат!"

Я оказался в тупике. Время поджимало, и мне пришлось с извинениями переправить своих старцев к коллегам, заверив их, что будет сделано все возможное, чтобы обеспечить их миртом к Суккот (хорошо, что они не спросили, что именно, – я бы затруднился объяснить).

Всю дорогу до Египта мои мысли были заняты миртом и карантином; и еще больше – размышлениями о нашей ответственности за судьбы тысяч людей, живущих, подобно этим старцам, в мире, столь далеком от нас, что он казался нам таким же нереальным, какой наша война казалась им. Засыпая, я уже не вполне понимал, что явь, а что сон: война или праздник Кущей.

В Каире дела – а их было так много! – вытеснили мирт из моей памяти. Перед отъездом я зашел к генералу Алленби попрощаться. Мы уже заканчивали наш разговор, как вдруг он спохватился: "Кстати, насчет этого мирта!" Он вытащил из кармана письмо, пробежал его глазами и сказал: "Вы знаете, это очень важная религиозная церемония, она описана в Библии, я как раз сегодня ночью перечитывал книгу Нехемии. Могу вас утешить: мы сняли карантин, и посылка с миртом поспеет в Палестину еще до праздника Кущей..."

Глава 21

ЕЩЕ О СИОНИСТСКОЙ КОМИССИИ

Я полагаю, что в актив сионистской комиссии можно записать два серьезных достижения. Первое – это установление взаимопонимания между мной и королем Фейсалом, и второе – закладка здания Еврейского университета.

Месяца три спустя после прибытия комиссии в Палестину генерал Алленби предложил нам попытаться добиться у короля Фейсала хотя бы условного согласия на осуществление сионистской программы. По мнению Алленби, да и других сведущих лиц, Фейсал был единственным представителем арабов, влияние которого не ограничивалось чисто местными масштабами. Личные качества и звание командующего арабской армией обеспечили ему уважение среди арабов (восставших тогда против Турции) и англичан. Мы с готовностью согласились на это предложение, которое восприняли как свидетельство искреннего желания Алленби содействовать установлению добрососедских отношений между нами и арабами. Высказанное британским главнокомандующим в Палестине, это предложение хоть частично компенсировало те неприятности, которые доставляли нам его подчиненные.

Была достигнута договоренность, что я отправлюсь с майором Ормсби-Гором в Акабу, а оттуда через вади* Араба в Трансиорданию. Долина Иордана все еще находилась в руках турок; единственный путь в распо-

*Вади – пересохшее русло реки.

ложение штаб-квартиры Фейсала лежал по железной дороге в Суэц, оттуда на корабле, в обход Синайского полуострова, в Акабу, а уже из Акабы на север, в Амман, – как придется. Путешествие из Иерусалима в Амман, которое сегодня можно совершить на машине за два часа, заняло у нас почти десять дней и в разгар июньской жары мало походило на приятную прогулку.

То ли от несвежей пищи и жары, то ли от инфекции, майор слег с дизентерией еще до нашего прибытия в Акабу, и я вздохнул с облегчением только тогда, когда мы доставили его на берег и оставили на попечение английского врача. В Акабе я встретил Герберта Янга, который нашел мне сопровождающих – британского офицера и араба-проводника. Мы отправились в машине вдоль вади Муса. В тот день дорога не очень-то отличалась от пресловутой "огненной пещи", упоминаемой в Библии. Нигде не было ни признака растительности, ни полоски тени, ни следов воды, ни деревни, где можно было бы остановиться передохнуть; одни лишь Синайские горы на горизонте и бесконечное однообразие раскаленных скал и песка. Машина продержалась часа три; потом мотор отказал. Мы продолжили наш путь на верблюдах, а под конец пешком, пока не достигли аэродрома у подножия гор Негева, где и нашли приют. На следующий день английские друзья дали нам новую машину и шофера, который взялся доставить нас наверх по наскоро сооруженной дороге, проложенной для армейских грузовиков. На полпути и эта машина отказала, и мы опять продолжали свой путь пешком, пока, измученные и раздраженные, не поднялись наконец на Трансиорданское плоскогорье.

Здесь нам показалось, что мы попали в другой мир. Свежий ветер сменил знойное дыхание пустыни; местность, хотя и засушливая в отдельных местах, оживлялась полосами зелени, прорезанными речушками и ручейками. Одна-две деревни, видневшиеся вдали, окружены были деревьями и кустами. На вершине горы расположился английский лагерь, где нам дали третью

по счету машину. Отсюда в глубину плоскогорья шло шоссе, и уже через несколько часов мы подъезжали к штаб-квартире арабской армии.

Нас встретили арабские офицеры на верблюдах, угостили водой и фруктами и приветствовали от имени эмира Фейсала, приглашавшего нас в свой лагерь. В самом лагере я встретил полковника Джонса, который посоветовал мне как следует отдохнуть и не пытаться еще сегодня встретиться с эмиром. Вечером того же дня я бродил по арабскому лагерю. Стояла изумительная лунная ночь – палестинская лунная ночь! – и с высот Моава открывался вид на всю Иорданскую долину, Мертвое море и холмы Иудеи. У меня, наверное, слегка кружилась голова от смены давления, и мне вдруг показалось, что тысячелетия, отделявшие меня от прошлого, исчезли. Я стоял на том же месте и лелеял те же надежды, что и мои предки на заре нашей истории, когда они пришли просить правителя этой земли разрешить им пройти через его владения, чтобы вернуться на свою родину... Сон наяву, галлюцинация... но меня вернул к действительности грубоватый голос английского солдата: "Извините, сэр, мне кажется, вы вышли за границу лагеря".

Встреча с эмиром состоялась на следующий день. С помощью переводчика мы провели довольно длительные и подробные переговоры. После обычного обмена любезностями я объяснил ему цель нашего приезда в Палестину, уверил в нашем желании сделать все возможное, чтобы развеять страхи и настороженность арабов, и выразил надежду, что он, эмир, окажет нам серьезную моральную поддержку. Он задал мне множество вопросов о сионизме и обнаружил при этом солидную осведомленность. Не следует забывать, что в то время Палестина и Трансиордания еще составляли одно целое, и я старался особенно подчеркнуть то обстоятельство, что при условии интенсивного развития в стране найдется достаточно места как для арабов, так и для евреев и что арабы значительно выиграют, если евреи

приложат здесь свои силы. Как позднее сообщил мне Лоренс, эти соображения нашли полное сочувствие у эмира.

Наша беседа продолжалась более двух часов и, расставаясь, я предложил сфотографироваться вместе. Эта первая встреча в пустыне заложила основу длительной дружбы. Позднее я несколько раз встречался с эмиром в Европе, и результаты наших переговоров отразились в Соглашении, выработанном Лоренсом и подписанном эмиром и мною, которое было затем опубликовано в британской и французской печати. Оно свидетельствовало о том, что вождь арабского восстания против турок пришел к полному взаимопониманию с сионистами. Если бы жизнь Фейсала сложилась так, как мы того ожидали, это взаимопонимание, несомненно, претворилось бы и в практические дела. К несчастью, по не зависящим от него причинам, эмир не сумел достичь своих целей. Ему не удалось объединить арабский мир, и более того, он был изгнан из Сирии и занял иракский трон. Затем последовало возвышение Ибн Сауда и практически истребление Хашимитского королевского рода. Мечта об арабском единстве в очередной раз осталась неосуществленной.

Забегая вперед, я должен заметить, что это обстоятельство неблагоприятно сказалось на наших отношениях с арабами. Среди многих трудностей, вероятно, одной из самых главных является отсутствие одного человека или группы людей, способных представлять весь арабский мир и говорить от его имени. Из моего последующего рассказа о Парижской мирной конференции, на которой Фейсал был признан именно таким лидером, будет ясно, какую важную роль сыграло бы достигнутое с ним взаимопонимание. Однако развитие событий оказалось неблагоприятным, а политические деятели впоследствии словно сговорились против арабо-еврейского согласия. Но хотелось бы напомнить: явления основополагающего порядка – а к ним я, конечно, отношу единство еврейских и арабских интере-

сов – обладают способностью утверждаться в жизни несмотря ни на что; и я убежден, что необходимость этого единства рано или поздно будет понята и признана.

В этой связи мне хотелось бы воздать должное полковнику Лоренсу и сказать несколько слов об этом примечательном человеке. Я встретился с ним мельком в Египте, у Алленби, а затем в Палестине. Но мне предстояло еще часто встречаться с ним, и в Лондоне он иногда навещал наш дом. К сионизму он относился весьма положительно, невзирая на свои решительно проарабские взгляды, из-за которых его ошибочно считали антисионистом. Он, как и Фейсал, был убежден, что евреи могут во многом помочь арабам и что арабский мир только выиграет от создания в Палестине еврейского Национального очага.

Это был человек сложного и трудного характера. Он старался держаться в тени и уклонялся от серьезных разговоров. Ему был присущ особый, оксфордский, едкий юмор. Но когда его удавалось разговорить, он оказывался откровенным и дружелюбным собеседником, а его суждения, в особенности о ближневосточных делах, были по-настоящему ценными.

...Вторая важная заслуга сионистской комиссии могла в те времена показаться несущественной, но сегодня уже никто не оспаривает ее значения. Перед отъездом из Лондона я заручился согласием Бальфура на закладку здания Еврейского университета на участке земли, приобретенном нами для этой цели на горе Скопус. Там-то, в июле 1918 года, и состоялась скромная, но глубоко памятная церемония. Вечером 24 июля, в присутствии генерала Алленби и членов его штаба, представителей союзных армий, мусульманских, христианских и еврейских представителей из Иерусалима и представителей ишува, был заложен первый камень Еврейского университета.

Это была незабываемая и величественная церемония. Заходящее солнце золотило холмы Иудеи, и мне

казалось, что горы смотрят на нас недоумевая, но смутно сознавая, что это начало возвращения жившего некогда на их склонах народа из многовекового рассеяния. Под нами, блистая как жемчужина, лежал Иерусалим.

Церемония продолжалась не больше часа. Когда она закончилась, мы спели "Ха-Тикву" и английский гимн. Никто, однако, не проявлял желания побыстрее разойтись, и мы долго стояли в сгущавшихся сумерках вокруг небольшого круга камней.

Чувства, которые в этот момент испытывал я и другие члены Комитета Еврейского университета, лучше всего может передать письмо, которое я получил несколько недель спустя от Ахад-ха-Ама, поддержавшего нас в наши студенческие годы в Швейцарии, когда мы только впервые загорелись идеей создания Еврейского университета в Палестине. Он писал: "Я считаю своей обязанностью выразить свое глубокое удовлетворение и искреннюю радость по поводу этого исторического события. Я знаю, что нынешние обстоятельства заставляют пока отложить постройку здания, и потому закладка университета еще надолго – кто знает, на сколько – останется отдельным эпизодом без последствий. И все же я считаю ее историческим событием..."

С самого зарождения нашего национального движения, направленного на освоение Палестины, мы всегда ощущали (порой, быть может, подсознательно), что возрождение возможно лишь на прочном духовном фундаменте и что закладка этого фундамента должна развертываться наряду с нашей поселенческой работой. В тот начальный период, когда масштабы всей нашей работы в Палестине были еще весьма скромными и все начинание – невероятно хрупким, наши духовные усилия сосредоточивались на популярной тогда иврит-ской школе в Яффе. В последующий период, вместе с расширением и улучшением колонизационной работы, потребность в закладке духовного фундамента стала

ощущаться все более настойчиво и нашла выражение в создании Еврейской гимназии в Яффе, намного превосходившей по уровню свою предшественницу. Теперь перед нами открывается новый этап нашей национальной работы в Палестине, который, видимо, даст нам возможности иного размаха. Мы не знаем, что сулит нам будущее, но одно мы знаем наверняка: чем грандиознее будут перспективы возрождения нашего национального дома в Палестине, тем необходимее будет укрепление и развитие духовных основ этого дома, а это может быть воплощено только в виде создания Еврейского университета. Под этим я – и уверен, что вы также – понимаю не просто имитацию европейских университетов, отличающуюся от них лишь введением иврита как главного языка преподавания, но университет, который с самого начала будет стремиться стать подлинным воплощением еврейского духа прежних времен и позволит преодолеть ту интеллектуальную и моральную зависимость, в которой наш народ так долго находился в диаспоре. Только так сможем мы реализовать наши возвышенные надежды на будущее вияние "света", который "выйдет из Сиона"...

...Мне довольно быстро стало ясно, что в настоящее время сионистская комиссия мало что может сделать в Палестине. Страной управляли военные власти, армия готовилась к новому наступлению, царило ощущение, что война приближается к переломному моменту. Я понял, что нужно возвращаться в Лондон. Обратившись за советом к Алленби, я услышал те же соображения. Он добавил, что мое возвращение в Лондон может принести и политическую пользу, если я объясню там, что оставил Палестину, разочарованный тем, что не могу сделать ничего конструктивного, пока исход военных операций в Палестине остается неопределенным. Он пожелал мне удачи и быстрого возвращения.

В октябре 1918 года я вернулся в Лондон, где доложил о результатах поездки в Палестину властям, а так-

же нашим английским и американским друзьям. Сообщив премьер-министру Ллойд Джорджу о своем возвращении, я вскоре получил от него приглашение на ленч. Мы должны были встретиться 11 ноября – дата, которая в тот момент еще никому ничего не говорила. Но наступил этот день, и с ним пришла весть об окончании войны. Я застал Ллойд Джорджа за чтением псалмов. Он был сильно взволнован и чуть не плакал. Первые его слова были: "Мы только что отправили семь эшелонов хлеба и продуктов для распределения среди жителей Кельна".

Когда начался ленч, мне представилась возможность рассказать ему о своей поездке в Палестину. Но обстановка была суетливой и суматошной. Я понимал, что мысли его сейчас совсем в другом месте и мне не следует отвлекать его. В три часа ему предстояло отстоять благодарственный молебен в Вестминстерском аббатстве, и за четверть часа до этого времени я видел, как он вышел из дверей особняка на Даунинг-стрит, 10, чтобы тотчас быть поглощенным ликующей толпой и, мгновение спустя, снова появиться над нею на плечах людей, которые понесли его к Аббатству – все дальше и дальше, пока я не потерял его из виду.

Глава 22

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Завершение войны повлекло за собой такие изменения в политической структуре мира, что первое время мы замечали одни лишь трудности, громоздившиеся на нашем пути. Разумеется, в сравнении с катаклизмом Второй мировой войны изменения, наступившие в положении еврейского народа в результате Первой, могут показаться не столь уж великими. Но и они были достаточно велики и — для своего времени — беспрецедентны.

Те же причины, которые привели к появлению Бальфурской декларации, обусловили резкое ухудшение положения евреев. Прежде всего следует указать на сепаратный мир Германии с Россией и большевистскую революцию, которая фактически зачеркнула русское еврейство как силу, на которую мы могли бы рассчитывать в наших планах. В промежутке между принятием Бальфурской декларации и приходом большевиков к власти русское еврейство внесло в Палестинский сельскохозяйственный банк огромную сумму в тридцать миллионов рублей, но теперь на его помощь нельзя было больше рассчитывать, и хотя небольшое число беженцев пробралось со временем в Палестину, их было слишком мало, чтобы серьезно повлиять на развитие страны. Польское еврейство так сильно пострадало во время мировой войны из-за постоянных наступлений и отступлений враждующих армий через польскую территорию, а затем во время русско-польской войны, что неспособно было участвовать в реше-

нии стоявших перед ним задач. Поэтому наши главные надежды мы связывали теперь с Западом, с той единственной большой еврейской общиной, которая оказалась незатронутой войной, хотя мы и знали, что американские евреи далеко не так сильно воодушевлены сионистскими идеалами, как европейские.

В первые несколько послевоенных месяцев в мире недоставало всего: продовольствия, денег, одежды, жилья, лекарств. Земля была охвачена эпидемиями, которые в иных местах унесли каждого десятого. Даже в высокоорганизованных и относительно благополучных Соединенных Штатах задача реконструкции страны была тяжелейшей проблемой. Насколько же тяжелее была проблема маленького и рассеянного народа, не имевшего ни своей страны, ни правительства, ни исполнительной власти, ни армии, ни денег! И ко всему этому нам предстояло проводить поселенческую работу на дряхлой, истощенной земле с малочисленным еврейским населением, социальная структура которого ни в коей мере не соответствовала этой задаче.

К тому же в наших собственных рядах обнаружилось непонимание остроты ситуации. Наши трудности в Палестине с каждым месяцем не уменьшались, а возрастали, однако сионисты на континенте пребывали в блаженном убеждении, что все их политические проблемы уже решены принятием Бальфурской декларации! Мой собственный палестинский опыт 1918 года и контакты с британскими военными властями и арабами преподали мне суровый урок: я осознал, что мы стоим в самом начале пути как в экономическом, так и в политическом смысле. Тем более меня удивляло, что американские сионисты, прекрасно разбираясь в том, что происходит в Европе и Палестине, тем не менее разделяли иллюзии своих континентальных друзей: они тоже думали, что наши политические проблемы раз и навсегда разрешены, и единственная оставшаяся задача состоит в экономическом развитии ишува.

Нам предстояло действовать в этой обстановке,

считаясь с суровой реальностью и поддерживая в себе уверенность, что наши действия дадут плоды, достойные многовековых надежд нашего народа. Прежде всего необходимо было реорганизовать и укрепить Сионистскую комиссию в Иерусалиме. Затем нужно было разъяснить британскому правительству, какой вред причиняет нашему делу враждебное отношение к сионизму местной палестинской администрации, и попросить вмешаться в ее действия. Кроме того, мы должны были подготовить меморандум для Парижской конференции. Предварительный текст меморандума был выработан специальной комиссией во главе с Гербертом Сэмюэлом, в которую входили Мэйнард Кейнс, Лайонел Абрахамс и Джеймс де Ротшильд. Саймон Маркс отправился с этим текстом в Париж проконсультироваться с Ормсби-Гором и вернулся весьма обескураженный: Ормсби-Гор дружелюбно, но резко посоветовал нам "вернуться к реальности", "пересмотреть наши позиции" и тому подобное. Тем не менее этот текст лег в основу того меморандума, который мы в конце концов вручили Мирной конференции в Париже 23 февраля 1919 года.

Я отправился в Париж, где присоединился к Соколову и другим членам нашей делегации, которой предстояло предстать перед Советом Десяти*, куда входили Бальфур и лорд Мильнер от Великобритании, Тардье и Пишон от Франции, Лансинг и Уайт от Америки и барон Соннино от Италии. Клемансо присутствовал только в начале заседаний. Мы были вызваны в зал во второй половине дня в четверг. Соколов произнес короткую, исчерпывающую речь по первому вопросу – об исторических правах еврейского народа на Палестину и напомнил о сочувственных заявлениях, сделанных различными правительствами по этому поводу. Он описал многовековую привязанность еврейского

*Совет Десяти – руководящий орган Парижской мирной конференции 1919 – 1920 годов.

народа к Эрец-Исраэль и объяснил, почему "еврейский вопрос" в различных странах в сущности связан с "палестинским вопросом". Учитывая все изложенное, завершил он, мы требуем создания еврейского Национального очага в Палестине. Со своего места я хорошо видел Соколова и без лишней сентиментальности могу сказать, что на лице его словно отразились два тысячелетия еврейских страданий. Его полное достоинства выступление произвело глубокое впечатление на собравшихся.

После выступления Соколова я доложил об экономическом положении еврейского народа. Я отметил, что евреи как этническая группа пострадали от войны сильнее, чем любой другой народ; еврейство и иудаизм находятся в ужасающих условиях, и задача их спасения чрезвычайно трудна. Она вообще неразрешима без создания еврейского Национального очага, поскольку связана, в конечном счете, с бездомностью еврейского народа. Третьим и четвертым выступавшими были Усышкин, говоривший на иврите, и Андре Спир, говоривший по-французски. Нам было разрешено пять выступлений, и последним выступил Сильван Леви. Его речь можно было бы разделить на две части. Он начал с описания первых шагов еврейских колоний в Палестине, возрождения иврита, работы Ховевей Цион, барона Ротшильда и "Альянс Израэлит"; он заявил, что работа сионистов имела огромное моральное значение, потому что они подняли еврейские массы и обратили их взгляды к Палестине. Но вторая часть его речи звучала ошеломительно. Прежде всего, сказал он, Палестина – небольшая страна, где к тому же уже проживают шестьсот тысяч арабов, и так как евреи имеют более высокий уровень жизни, то существует угроза, что арабы будут вообще обездолены. Далее, те евреи, которые, скорее всего, отправятся в Палестину – это русские евреи, известные своими "подрывными" тенденциями. В-третьих, создание еврейского Национального очага приведет к опасному прецеденту "двойного граждан-

ства" для евреев, что особенно опасно для Франции как главной средиземноморской державы.

Когда он кончил свою речь, мы были совершенно потрясены: нас поразили его неожиданные выводы, представлявшие собой своего рода *хиллул-ха-Шем,* публичное святотатство. Мы наскоро посовещались. Каждый из нас говорил пять-шесть минут, речь Леви заняла двадцать – почти столько же, сколько все наши вместе взятые. Если мы попросим слово для ответного выступления, мы рискуем превратить заседание в спор между нами и Леви – абсолютно недостойное зрелище.

И тут своего рода чудо пришло нам на помощь. Мистер Лансинг, американский государственный секретарь, обратился ко мне. "Что вы понимаете под еврейским Национальным очагом?" – спросил он. Он оказал нам огромную услугу, выведя нас из затруднительного положения и дав повод начать говорить. Я определил еврейский Национальный очаг как явление, которое должно возникнуть из органических условий самой страны – при безусловном учете интересов нееврейского населения – и способствовать еврейской иммиграции в Палестину, чтобы она в конце концов, стала такой же еврейской страной, как Англия является страной английской. Я спросил Лансинга, удовлетворяет ли его мой ответ, и он ответил: "Полностью удовлетворяет". Тогда я перешел к выводам месье Леви и сказал, что задачи сионистов действительно сложны, но не более, чем нынешнее положение еврейского народа; вопрос в том, выполнимы ли они. Я коротко охарактеризовал все трудности и привел в пример блестящие успехи, достигнутые Францией в Тунисе. То, что Франция сделала в Тунисе, сказал я, евреи могут сделать в Палестине – своим трудом, своими средствами, своим энтузиазмом. Что касается опасности двойного гражданства, то в наших предложениях нет ничего, что могло бы создать такую опасность. Есть евреи, для которых это больной вопрос, но они составляют не более 5% еврейского народа в целом. Верно, что русские ев-

реи живут в условиях господства радикальных идей, но не они в том повинны, и те достижения, о которых месье Леви так убедительно говорил в первой части своей речи, принадлежат, в основном, именно русским евреям в Палестине. Позже Бальфур сказал, что моя речь напоминала "выпад рапирой".

На этом заседание закончилось, и мы вышли. Бальфур послал за нами вдогонку своего секретаря поздравить нас с успехом. Когда мы вышли из здания, Леви подошел ко мне и протянул руку. Я непроизвольно отдернул свою и сказал: "Вы пытались нас предать". Соколов тоже не подал ему руки.

Я больше никогда не видел Сильвана Леви. Конечно, мы и раньше знали, что он не сионист, но в Палестине он держался вполне лояльно и не давал нам никакого повода думать, что он так поведет себя на Парижской мирной конференции. Я до сих пор не могу понять, почему барон Ротшильд, настоящий сионист, поддержал его кандидатуру в сионистскую комиссию; может быть, он хотел, чтобы там были представлены и другие голоса, кроме определенно сионистских? Во всяком случае, он, наверно, и не подозревал, на что способен месье Сильван Леви.

Французская печать (за исключением "Journal des débats") широко освещала наше выступление. В тот же вечер французский представитель в Совете Десяти, Тардье, сделал официальное заявление, в котором указал, что Франция не будет возражать против передачи Палестины под опеку Великобритании и создания там еврейского государства. Выражение "еврейское государство" было многозначительным; сами мы воздерживались его употреблять. Единственным диссонансом прозвучало неожиданное интервью с эмиром Фейсалом, появившееся в "Матен" и выдержанное в откровенно враждебных тонах. Но секретарь Фейсала немедленно опроверг его, и, кроме того, была организована встреча между эмиром и представителем американской сионистской делегации Феликсом Франкфуртером в при-

сутствии Лоренса. Результатом этой встречи было письмо, которое эмир через несколько дней направил Франкфуртеру:

"Дорогой мистер Франкфуртер,
пользуясь предоставившейся мне впервые возможностью познакомиться с американскими сионистами, я хотел бы повторить Вам то, что я неоднократно высказывал доктору Вейцману в Аравии и в Европе.

Мы считаем, что арабы и евреи – двоюродные братья по крови, одинаково страдающие под властью превосходящих сил и по счастливому совпадению одновременно получившие возможность сделать первые шаги к осуществлению своих национальных идеалов.

Мы, арабы, в особенности наш просвещенный слой, с глубокой симпатией относимся к сионистскому движению. Наша делегация в Париже ознакомилась с предложениями, сделанными Сионистской организацией на Мирной конференции, и считает их умеренными и разумными. Со своей стороны, мы сделаем все возможное, чтобы эти предложения были приняты; мы будем рады приветствовать евреев на их родине.

У нас установились тесные отношения с руководителями вашего движения, в особенности с доктором Вейцманом. Он много сделал для нас, и я надеюсь, что арабы скоро смогут хотя бы частично отблагодарить евреев за их поддержку. И Вы, и мы работаем на благо преобразования и возрождения Ближнего Востока, и наши движения взаимно дополняют друг друга. Еврейское движение является национальным, а не империалистическим. Наше движение тоже является национальным и не империалистическим. В Сирии достаточно места для обоих народов. Более того, я думаю, что успех одного из наших народов немыслим без успеха другого.

Люди малопросвещенные и безответственные, игнорируя необходимость сотрудничества между арабами и сионистами, пытаются использовать в своих интересах местные противоречия, которые неизбежны в Палести-

не на ранних этапах наших движений. Некоторые из них неверно представили ваши цели арабским крестьянам и наши цели еврейским крестьянам.

Я хотел бы твердо заверить Вас, что рассматриваю эти противоречия не как принципиальные, а как второстепенные, неизбежно возникающие в отношениях между соседями и преодолимые при наличии доброй воли. Я убежден, что почти все они исчезнут, когда мы будем лучше знать друг друга.

Вместе с моим народом я мечтаю о будущем, когда Вы с нашей помощью и мы с Вашей сумеем вернуть наши страны в сообщество цивилизованных народов мира.

Искренне Ваш Фейсал".

Это замечательное письмо следовало бы внимательно прочесть всем тем, кто обвиняет нас в том, что мы начали сионистскую деятельность в Палестине, не задумываясь об интересах арабов. Не забудем, что это письмо написано признанным тогда лидером арабов, выразителем их национальных чаяний, и в каком-то смысле является результатом наших продолжительных встреч и дискуссий. Критикам не менее поучительно было бы вчитаться и в Соглашение, заключенное Фейсалом со мной 3 января того же года, еще до нашего выступления на Мирной конференции. Я полагаю, что это Соглашение было одной из причин положительного отношения ведущих западных стран к сионистским предложениям. Я приведу здесь только третий и четвертый параграфы этого Соглашения:

"При выработке конституции и создания администрации Палестины будут приняты все меры, чтобы гарантировать осуществление британской (Бальфурской) декларации от 2 ноября 1917 года.

Будут приняты все необходимые меры, чтобы поощрять и стимулировать массовую еврейскую иммиграцию в Палестину и возможно скорейшее расселение иммигрантов на земле посредством создания поселе-

ний и интенсивной обработки почвы. Эти меры предусмотрят защиту прав арабских крестьян и арендаторов и помощь им в их экономическом развитии".

К этому Соглашению Фейсал добавил вполне понятное условие: "Если арабы будут организованы так, как я это предлагал в своем Манифесте от 4 января, адресованном министру иностранных дел Великобритании, я обязуюсь выполнить данное соглашение. В противном случае я снимаю с себя ответственность за его провал".

Увы, все пошло не так, и дальнейшее пришлось расхлебывать сионистам. Но в то время, в Париже, всем казалось, что наше дело выиграно и осталось уточнить только незначительные детали. "Теперь все зависит от нас самих", – доложил я Исполнительному комитету в Лондоне.

Спустя четыре месяца, в июне 1919 года, Исполнительный комитет снова собрался в Лондоне, на этот раз при участии американской делегации, возглавляемой судьей Брандайзом, которого я тогда встретил лично впервые. Брандайза часто сравнивали с Авраамом Линкольном; действительно, он походил на него и правильными чертами лица, и мохнатыми бровями. Он походил на него также и тем, что тоже был пуританином: прямым, суровым, скрупулезно честным и неуязвимым. Эти особенности порой затрудняли общение с ним. Подобно Вильсону, он склонен был развивать теории, базирующиеся на высоких моральных принципах, следуя при этом одному только своему внутреннему голосу и ожидая, что факты будут укладываться в эти теории. А если нет, то тем хуже для фактов. Поэтому наши конфликты с ним немногим отличались от тех, которые омрачали отношения Вильсона с его европейскими коллегами.

Наставник Брандайза по сионизму де Гаас уже и раньше выказывал признаки недовольства тем руководящим положением в Сионистской организации, которое занимали я и мои коллеги. Я почти не встречался с

ним раньше – он жил в Штатах – и не мог припомнить каких-либо наших стычек с ним, поэтому мне оставалось приписать его враждебность только старому, еще времен Герцля, конфликту между "практиками" и "политиками". Но любопытно было, что на сей раз де Гаас выступал в роли "практического" сиониста. Подобно Брандайзу, он считал, что "политический сионизм" почти – если не совсем – изжил себя. Иными словами, политический этап нашего движения следовало считать законченным. Тщетно я пытался понять этот феномен; и часто думал, не порожден ли он просто завистью де Гааса к тому, что лидер "практических" (в подлинном смысле слова) сионистов оказался так тесно связан с главным политическим достижением сионистского движения. Возможно, он считал глубоко несправедливым, что я, "практик", вообще имел какое-то отношение к Бальфурской декларации, которая конечно же должна была находиться не в моем, а в его, как старого "герцлианца", ведении. Как бы то ни было, он сумел соответствующим образом обработать Брандайза еще до прибытия американской делегации в Европу.

Я пытался как можно более точно обрисовать Брандайзу положение в Палестине, особенно подчеркивая то, что он увидит бедную, малонаселенную, малоразвитую, заброшенную страну с немногочисленным еврейским населением, к тому же истощенным четырьмя годами войны и отрезанным от внешнего мира. А сейчас еще и разочарованным действиями новых властей.

Брандайз провел в Палестине не более двух недель и, конечно, не мог как следует познакомиться со страной. По возвращении он вынужден был делать обобщения на основе той скудной информации, которую успел собрать. Поэтому его утверждения, хотя и безупречные теоретически, имели мало общего с действительностью. Он, например, решительно заявлял, что ни о какой массовой иммиграции нечего и говорить, пока не будет проведена тщательная, на широкую но-

гу, "санация" страны. Он считал, что первой заботой правительства должно стать осушение болот, расчистка топей, прокладка новых дорог, не желая понимать, что британские власти не имели ни малейшего намерения этим заниматься. Он постоянно повторял – и это тридцать лет назад! – что сионистская политическая работа завершена и теперь остались только экономические проблемы. Эта позиция угрожала в будущем возникновением конфликта между Брандайзом и мной, между большинством европейских сионистов и влиятельной группой наших американских друзей. В самой Америке она привела к расколу в сионистской организации, который длился многие годы.

Тогда, как и сейчас, три десятилетия спустя, я остаюсь при убеждении, что конструктивной работой в Палестине нельзя руководить издалека, путем случайных коротких наездов, будь ты даже самый способный человек. Необходимо не только достаточно долго оставаться в стране, нужно также участвовать в каком-либо конкретном деле, чувствовать пульс страны. Это убеждение было одной из причин моего возвращения в Палестину осенью того же года. Я взял с собой жену, для которой это был первый визит в Палестину.

В Иерусалиме мы остановились у Давида Эдера, который к тому времени уже обзавелся собственным домом. Побывав в Иерусалимском отделении*, теперь усиленном согласно постановлению Исполнительного комитета Усышкиным, Робертом Сольдом и Гарри Фриденвальдом, мы провели затем некоторое время в поездке по стране, уделив особое внимание Верхней Галилее и северным районам, где я не был с 1907 года. (Во время моего приезда в составе сионистской комиссии эта территория была еще в руках турок.) Мы добрались до самого Ливана, часто останавливаясь в

*Правление Всемирной сионистской организации начиная с 1920 года имело два отделения – Лондонское, имевшее штаб-квартиру в Лондоне, и Иерусалимское (Палестинское), имевшее штаб-квартиру в Иерусалиме.

пограничных поселениях. Каждый встреченный по дороге холм, каждая скала на очередном повороте дороги напоминали мне о том, как много еще денег и энергии предстоит вложить в эту землю, прежде чем она действительно сможет принять большие массы людей.

Демографический фактор уже тогда становился ощутимым. Первые *халуцим* (пионеры) были выходцами из разрушенных общин Польши и других стран Центральной и Восточной Европы; некоторые из них имели начатки сельскохозяйственной подготовки, у других были только руки и горячее желание. Они прибывали самыми разными путями; порой их маршрут растягивался на месяцы и годы и шел с Украины через Японию, а затем через Гималаи, Индию и Персию. Дальновидные люди, вроде Руппина, необычайно радовались их прибытию. Но меня беспокоило то, что у нас нет никакого плана их абсорбции – по той простой причине, что у нас не было средств! А местная британская администрация, за редкими исключениями, не проявляла никакого желания помочь нам на деле осуществить Бальфурскую декларацию.

Глава 23

ПАЛЕСТИНА – ЕВРОПА – АМЕРИКА

В те дни определились на многие последующие годы три направления моей работы: создание и укрепление еврейского Национального очага, британская и европейская политика и налаживание связей с американским еврейством. Географически узловыми точками этой деятельности были Иерусалим, Лондон и Нью-Йорк; в каждой из них наши дела шли с переменным успехом и наталкивались на специфические трудности.

В Палестине наши планы были мучительно далеки от реализации. Временами трудности – как политические, так и экономические – казались настолько непреодолимыми, что мною овладевало отчаяние. Тогда я отправлялся на время в горы или на побережье под Тель-Авивом потолковать со старожилами – людьми, такими, как Аврахам Шапира из Петах-Тиквы или Иехошуа Ханкин. Они рассказывали мне о том, что они пережили, когда впервые увидели "эту пустыню", – давным-давно, когда не то что Бальфурской декларации, но и самой Сионистской организации не было еще и в помине. Страна разлагалась под властью турок, а на евреев, возвращающихся в Палестину, смотрели исключительно как на религиозных фанатиков. Поселенцы показывали мне землю, возделанную их руками, покрытую апельсиновыми рощами и виноградниками: Реховот, Ришон-ле-Цион, Петах-Тиква – как много было уже сделано в этой стране, и это при таких ограниченных средствах, ничтожном опыте, жалких человеческих ресурсах! И тогда я снова начинал верить, что

еврейская энергия, еврейский интеллект и еврейская готовность к самопожертвованию в конечном счете восторжествуют.

В январе 1920 года я вернулся в Лондон, привезя с собой материалы, подготовленные Иерусалимским отделением, – планы иммиграции, орошения и колонизации, осуществление которых требовало изрядных денег. На закупку земли было отложено совсем немного, поскольку мы полагали (как нам казалось, обоснованно), что правительство предоставит нам участки принадлежащей ему земли. Вскоре мы обнаружили, что эти надежды не имели под собой почвы и что каждый дунам, необходимый нам для колонизации, придется покупать на свободном рынке за фантастическую цену, которая росла по мере усиления нашей деятельности. Всякое улучшение, которое мы вносили, увеличивало цену остававшейся некупленной в данном районе земли, арабские землевладельцы своего не упускали. Мы поняли, что нам придется покрыть палестинскую землю еврейскими деньгами, – а эти деньги, в то время и еще много, много лет спустя, поступали к нам не из банков еврейских миллионеров, а из карманов еврейских бедняков.

Этих поступлений было совершенно недостаточно для наших потребностей, но все же они позволили нам сделать первые существенные земельные приобретения и приступить к организованной иммиграции. Летом 1920 года мы купили первые земельные участки в Изреельской долине – почти сорок тысяч дунамов (4000 гектаров), принадлежавшие прежде арабской семье Сурсук. На этих землях располагалось лишь несколько полупокинутых арабских деревень, охваченных малярией. Цена, которую мы уплатили, казалась нам тогда непомерно высокой, но время показало, что она была вполне оправданной.

Но я немного забежал вперед. Моя поездка в Лондон была короткой; уже в марте я возвращался на Восток, на этот раз с нашим старшим сыном Беньями-

ном, которому было тогда 12 лет. Мы хотели провести Песах у моей матери в Хайфе. Быть может, я и не торопился бы так назад в Палестину, если бы не встреча с лордом Алленби в Париже по пути в Лондон. Алленби выражал тревогу в связи с работой сионистской комиссии, и я решил, что мне важнее сейчас быть в Палестине, чем в Лондоне.

Мы прибыли в Палестину вскоре после приезда туда Герберта Сэмюэла: Алленби и Болс (тогда военный губернатор Палестины) пригласили его для консультаций. Его приезд всех обрадовал, ибо тревога Алленби оказалась более чем обоснованной: все мы ощущали, что дела идут неважно и что в стране нарастает напряжение. Арабские агитаторы открыто вели свою пропаганду против евреев, но администрация не делала ни малейших попыток предотвратить конфликт; напротив, некоторые ее представители даже поощряли подстрекателей. По натуре я не паникер и склонен скептически относиться к слухам. Но тревожные слухи упорно множились, и некоторые из наших молодых ребят, близко знакомые с арабами, утверждали, что "день" назначен на Песах, в тот год совпадавший с арабским праздником Неби-Муса, когда жители окрестных деревень собираются в Иерусалиме, чтобы затем отправиться к могиле пророка Мусы (Моисея). Галилея тоже бурлила, но там причиной напряженности было соседство с Сирией, откуда уже был изгнан Фейсал и где с каждым днем нарастали трения между англичанами и французами. Банды грабителей бесчинствовали и совершали налеты на севере – как обычно в таких случаях, выступая под личиной "патриотов" и "борцов за свободу". Через месяц после моего приезда Иосеф Трумпельдор, один из первых и крупнейших халуцианских лидеров, отправился с несколькими друзьями на защиту Тель-Хая – зарождающегося поселения на сирийской границе, и там, вместе с пятью своими товарищами (в том числе двумя женщинами), был убит бандитами. Эта трагедия погрузила в траур весь ишув.

По мере приближения праздника Песах напряженность становилась все более ощутимой, и некоторые из наиболее расположенных к нам британских офицеров тоже забеспокоились. Перед отъездом в Хайфу я встретился с Алленби, Болсом и Сэмюэлом в Правительственном доме, по-прежнему располагавшемся в немецком приюте на Масличной горе. Мои предостережения насчет надвигающихся неприятностей не произвели на них особого впечатления. Болс заявил: "Никаких неприятностей не может быть: в городе полно войск". Я ответил, что мой опыт позволяет мне предугадать атмосферу, предшествующую погрому, и я знаю, что войска обычно оказываются бесполезными, потому что вспышка насилия завершается, как правило, раньше, чем они прибывают к месту действия. Когда войска прибудут на место, все уже будет "в порядке" – им останется только подбирать тела и обломки. Но я напрасно тратил свое красноречие: они посоветовали мне не волноваться и провести Песах в кругу семьи, как намечено; они заверяют, что в Иерусалиме все будет спокойно.

Несмотря на свои мрачные предчувствия, я отправился в Хайфу – да и что, действительно, я мог сделать, оставаясь в Иерусалиме? Праздник пришел и прошел, на следующее утро никаких тревожных сообщений из Иерусалима не было – точнее говоря, вообще не было никаких сообщений. Это-то как раз и волновало меня. Я пытался позвонить в Иерусалим, но меня не соединяли, и это еще больше усилило мою тревогу. Тогда я решил – к великому огорчению матери – вернуться в Иерусалим, взяв с собой Беньямина. До Наблуса мы доехали без происшествий, но там нас встретил полицейский патруль. Губернатор Наблуса обронил несколько смутных намеков, из которых я понял, что что-то все-таки действительно случилось.

Иерусалим показался нам вымершим. Уже был убивать всякого еврея, который попадался на пути. Несмотря на все предшествовавшие слухи, евреи были

застигнуты врасплох и практически не оказали никакого сопротивления. А когда небольшая группа молодых людей под руководством Жаботинского попыталась защитить свой квартал, она была немедленно арестована. Войска, разумеется, прибыли, когда все уже было кончено и в городе восстановилось спокойствие. Британские власти "овладели ситуацией".

На процессе, вскоре проведенном военно-полевым судом, Жаботинскому был вынесен совершенно дикий приговор – пятнадцать лет каторги. Позднее он был амнистирован (когда Герберт Сэмюэл стал Верховным комиссаром), но с негодованием отверг амнистию, потому что она распространялась также на Арефа ал-Арефа, главного зачинщика погрома, Амина ал-Хусейни, печально известного иерусалимского муфтия, и на нескольких других погромщиков. Он настоял на особом разбирательстве, и приговор был впоследствии отменен.

Все мы понимали, что погром можно было бы предотвратить, если бы были приняты своевременные меры для прекращения подстрекательств, если бы позиция властей вообще была иная. Но низким страстям и ненависти позволили разрастись, пока они не нашли выражение в бунте и убийстве.

Стороннему английскому наблюдателю могло, наверно, показаться, что мы чрезмерно преувеличиваем значение этого события: "всего" шесть евреев было убито (несравненно большее число получили серьезные ранения). Но такому наблюдателю почти невозможно было объяснить то чувство ужаса и ошеломления, которое охватило после этого евреев в Палестине и во всем мире. Погромы в России были ужасны; однако они не удивляли – там они были "сезонным" явлением, которого более или менее ожидали каждую Пасху. Но можно ли было вообразить погром в Палестине, через два года после Бальфурской декларации, при наличии британской власти ("в городе полно войск"!)? Это было немыслимо и пугало выше всякой меры. То был

предупреждающий знак для тех, кто в своем легкомысленном оптимизме уже готов был поверить, что все наши политические проблемы надежно разрешены и теперь остается заниматься только "практической" работой.

В погроме было и кое-что пострашнее животной ненависти его исполнителей. Подстрекатели, толкнувшие толпу на бесчинства, были куда дальновиднее обманутых ими простофиль: они знали, что через несколько недель в Сан-Ремо, в северной Италии, должна будет состояться конференция союзных держав, на которой предстояло решить судьбу Оттоманской империи; они знали, что на этой конференции Бальфурская декларация будет принята во внимание при решении вопроса о Палестине, и тогда из политической декларации она превратится – если сбудутся надежды сионистов – в статью международного договора. И демонстрацией своей силы они надеялись предотвратить такое развитие событий.

Я решил, что мне необходимо немедленно вернуться в Европу, чтобы на месте сделать все возможное. Нам предоставили полицейский эскорт, и вечером того же дня мы уже были в Каире. На следующее утро я известил Алленби о своем приезде. Он встретил меня словами: "Боюсь, сейчас вы мне скажете: "Что я вам говорил?" Я ответил, что меня больше интересует, как он думает дальше способствовать нашей работе, потому что я убежден, что если бы в Палестине было сейчас не жалких пятьдесят, а четыреста тысяч евреев, вероятность случившегося была бы намного меньше. (Не совсем точное пророчество, но тогда оно казалось мне бесспорным.) Алленби спросил, что я имею в виду: "Вы, наверно, хотите, чтобы мы поскорей убрались?" "Напротив, – воскликнул я. – Я очень надеюсь, что в Сан-Ремо будет окончательно решено предоставить Великобритании мандат на Палестину, и тогда можно будет создать более прочный режим. Я хотел бы как можно скорей видеть в Палестине гражданскую администра-

цию, потому что я не думаю, что армия понимает суть стоящих перед ней проблем и знает подход к их решению". Он уточнил: "Иными словами, вы не питаете особого доверия к военной администрации?" Я ответил: "Это слишком мягко сказано: я не питаю к ней никакого доверия вообще! И чем скорее она уйдет, тем лучше будет для всех заинтересованных сторон!"

Он принял это добродушно – разговаривая с Алленби, всегда можно было рассчитывать на взаимопонимание. Затем мы перешли к практическим вопросам. Подобно большинству своих офицеров, он скептически относился к нашим планам и не верил, что мы сумеем что-либо сделать с этой песчаной, болотистой, заброшенной страной. Я знал, что не имеет смысла спорить: будущее покажет. На прощание он спросил: "Могу ли я что-нибудь сделать для вас в Сан-Ремо?" Я сказал, что письмо к Ллойд Джорджу помогло бы мне осветить последнему наши проблемы. Он тотчас согласился. Его письмо состояло из двух фраз: в первой он отмечал, что не согласен с мнением доктора Вейцмана о военной администрации, а во второй – что он поддерживает все мои практические предложения и будет очень благодарен Ллойд Джорджу за любую помощь в их осуществлении!

Пока мы медленно плыли к Италии, я пытался найти ответ на вопрос, который мучил меня весь остаток моей жизни: почему мы с самого начала были обречены на враждебность или, в лучшем случае, на ледяную нейтральность британской администрации на местах? Британское правительство в то время относилось очень благожелательно, даже с энтузиазмом, к идее создания еврейского Национального очага. Просвещенное британское общественное мнение считало Бальфурскую декларацию – а позднее мандат на Палестину – важной и делающей честь английскому правительству частью мирного урегулирования. "Извращения", в которых нас впоследствии обвиняли, были еще впереди: мы еще не купили такого количества земли, чтобы

об этом стоило говорить, и потому нас нельзя было упрекнуть в "изгнании арабов"; мы приняли пока еще очень мало иммигрантов, и потому нас нельзя было обвинить в "перенаселении Палестины" (да и вообще Палестина была официально объявлена недонаселенной страной); еще не было тогда опыта сотрудничества с нами, который позволял бы хвалить нас или хулить. Почему же тогда мы заранее были обречены на нелюбовь официальной местной власти? И почему даже те администраторы, которые вначале были настроены к нам дружелюбно, почти неизменно меняли свое отношение через каких-нибудь несколько месяцев? И почему политические деятели, которые с таким энтузиазмом говорили о еврейском Национальном очаге накануне выборов, полностью забывали о нем, едва оказывались у власти?

Конференция в Сан-Ремо тянулась бесконечно, а решение о мандате не принимали до самой последней минуты. Эти часы я провел, нервно расхаживая по Ройяль-отелю в ожидании появления делегатов из зала заседаний. Внезапно я увидел Бальфура, который кому-то нетерпеливо махал рукой. Я подошел к нему и спросил, ждет ли он делегатов, как и я. "Нет, – преспокойно ответил он. – Я жду своих партнеров по теннису, они что-то запаздывают".

Наконец появились делегаты, и я подошел к Филиппу Керру и премьер-министру Великобритании, которые начали горячо поздравлять меня с результатом заседания – утверждением Бальфурской декларации и решением передать Великобритании мандат на Палестину. Ллойд Джордж был особенно дружелюбен и сказал, что теперь перед нами открываются большие возможности и мы должны доказать, что можем их использовать. Он подчеркнул: "Вы не должны терять времени. Сегодня мир подобен Балтийскому морю накануне зимы. Сейчас он еще подвижен. Но если он замерзнет, вам придется биться головой о ледяные глыбы и ждать следующей весны".

Даже арабские делегаты, казалось, были довольны! Все, кто входил в тот вечер в обеденный зал Ройяль-отеля, могли увидеть еврейских и арабских делегатов, сидевших рядышком в довольно праздничной обстановке и поздравлявших друг друга под покровительственными отеческими взглядами членов британской делегации, расположившейся за соседним столом. Единственным человеком, который полностью игнорировал это событие, был один из секретарей Ллойд Джорджа Филипп Сассун – кстати говоря, единственный еврей в британской делегации.

Чтобы завершить свой рассказ, я должен еще описать коротко мою встречу с американскими сионистами, которая произошла в начале июля того же года благодаря прибытию в Лондон на ежегодную Сионистскую конференцию большой американской делегации. Конференция была первым представительным форумом сионистов всего мира за семь лет, прошедших со времени Одиннадцатого конгресса, состоявшегося в 1913 году. Американскую делегацию возглавлял Брандайз. Сразу же стали выявляться те разногласия между американскими сионистскими лидерами и нами (а также внутри самой американской делегации), о которых я говорил выше.

Я и мои европейские коллеги считали, что необходимо срочно обратиться ко всем большим еврейским организациям, которые готовы были бы участвовать в нашей практической работе в Палестине, с предложением создать нечто вроде Всемирного Еврейского Совета. (Из этой идеи в конце концов и выросло Еврейское Агентство). Американским лидерам – для простоты я буду в дальнейшем называть их группой Брандайза – создание дублирующей организации казалось ненужным: они полагали, что все, кто желает участвовать в возрождении еврейского Национального очага, могут присоединиться к Сионистской организации.

Эти разногласия были не просто формальными: за ними скрывались серьезные расхождения. Группа

Брандайза отныне рассматривала Сионистскую организацию как чисто экономический орган. Поскольку, по их мнению, она утратила политический характер, выполнив все свои политические функции, они считали, что теперь несионисты, готовые помогать экономическому развитию Палестины, могли бы стать ее членами. Мы же хотели сохранить Сионистскую организацию как отдельный политический орган именно потому, что были убеждены, что политическая работа далеко еще не завершена: Бальфурская декларация и решения, принятые в Сан-Ремо, были только началом новой эры нашей политической борьбы, и Сионистская организация была ее важным инструментом. Многие еврейские организации и отдельные евреи, которые готовы были протянуть нам руку помощи в нашей практической работе в Палестине, не хотели иметь ничего общего с нашими политическими целями. Можно считать их позицию нелогичной, но они на ней настаивали, и с этим нельзя было не считаться. Поэтому вопрос стоял следующим образом: создавать ли нам новую организацию, которая включала бы и несионистов, или полностью переориентировать Сионистскую организацию, отказавшись фактически от ее политического характера.

Этот вопрос вызывал запутанные и нередко желчные споры. Все же предложение группы Брандайза было отклонено подавляющим большинством голосов.

Другим вопросом, вызвавшим наши разногласия, был бюджет Сионистской организации. Европейская группа определила его в размере примерно двух миллионов фунтов в год, признав, что сама она может внести в него лишь малую долю. Американцы – и не только группа Брандайза, но и вся делегация в целом – были потрясены этой "астрономической" цифрой и заявили, что не могут гарантировать больше ста тысяч фунтов в год. В конце концов нам удалось достичь соглашения с частью американской делегации (впоследствии именно эта группа и повела борьбу про-

тив гегемонии Брандайза) во главе с Луи Липским, который пригласил меня при первой же возможности приехать в Америку и посмотреть на месте, что реально, а что недостижимо.

Под конец конференция избрала руководителей, которым предстояло заниматься текущими делами до созыва первого послевоенного конгресса: судья Брандайз был избран почетным президентом, я – президентом Сионистской организации, а Соколов – председателем Правления. Главами отделов были назначены Усышкин, Джулиус Саймон от Америки и Нехемия де Лимэ от Голландии. Президиум и главы отделов составляли Правление.

Таким образом, движение вновь обрело, хоть и временно, организационные формы, а заодно и я обрел, впервые в жизни, некий формальный статус. Почти все время моих переговоров в Лондоне я не имел никакого официального звания, хотя в начале 1917 года еще оставался президентом Английской сионистской федерации. Все значение этой федерации было обусловлено лишь тем, что она находилась в центре событий, в то время, когда с избранными довоенным конгрессом руководителями Сионистской организации нельзя было даже проконсультироваться. Напомню, что все связи с так называемым "Копенгагенским бюро" мы порвали еще в самом начале войны.

Одним из самых приятных событий конференции был большой митинг, состоявшийся в Альберт-холле под председательством лорда Ротшильда. По-моему, это был тот единственный раз, когда Бальфур выступил на большом еврейском митинге в Англии. Я ужинал с ним до этого, и когда мы вместе ехали затем к Альберт-холлу, он был поражен зрелищем огромных толп, устремившихся к Вест-Энду. В обычной своей рассеянной манере он спросил меня: "Что это за люди?" Я напомнил ему, как в 1906 году уверял его, что евреев-сионистов достаточно, чтобы заполнить все ули-

цы Польши и России: "А это – всего лишь малая, очень малая их часть".

Когда конференция наконец закончилась, мы с женой отправились ненадолго в Швейцарию, чтобы осенью через Париж снова вернуться в Лондон. Мои мысли были заняты предстоящей поездкой в Америку, на которую я, как мне теперь начинало казаться, согласился слишком поспешно. Отъезд Герберта Сэмюэла в Палестину в качестве Верховного комиссара знаменовал завершение важного этапа "политического сионизма" и открывал перед нами, как мы полагали, возможность широкого развития практической работы в Палестине. Но мрачные тучи разногласий уже нависли на нашем горизонте, и меня преследовало опасение, что американское еврейство в этот решительный момент окажется не на высоте открывающихся перспектив.

Я решил, что для того, чтобы как следует подготовиться к поездке в Америку, нужно перед этим еще раз побывать в Палестине. На этот раз я отправился туда вместе с сэром Альфредом Мондом (лордом Мелчеттом). Мы провели январь и часть февраля в разъездах по стране, а в начале марта я уже снова был в Лондоне в ожидании своей первой встречи с Новым Светом.

Глава 24

КЛИВЛЕНД И КАРЛСБАД

Я упоминал уже о первых признаках расхождений между группой Брандайза, с одной стороны, и остальными американскими (вкупе с европейскими) сионистами – с другой. Расхождения эти были гораздо глубже, чем простой спор о программе или методах; в их основе лежало коренное различие в чем-то, что я рискнул бы назвать культурными традициями. Разными были наши социальные и исторические, равно как и экономические и политические концепции; разной была наша интерпретация сионизма. Суть этих различий, я надеюсь, постепенно станет ясной из дальнейшего изложения.

Я уже догадывался об этом коренном противоречии в то время, когда готовился к поездке в Америку, бывшую до тех пор для меня "terra incognita"*. Эта поездка преследовала две цели: создание американского отделения "Керен ха-Иесод" (Фонда строительства Палестины), одного из двух наших главных инструментов возрождения Эрец-Исраэль (о втором – Еврейском Национальном Фонде – я уже упоминал), и пробуждение интереса к строительству Еврейского университета. Мы полагали, что прошло вполне достаточно времени с момента закладки здания на горе Скопус и что теперь, при наличии гражданской администрации во главе с Гербертом Сэмюэлом, настала пора приступить к действительному строительству

*Terra incognita (лат.) – неизвестная земля.

университета. У меня было еще одно намерение – позондировать почву на предмет создания своего рода Всемирного Еврейского Совета (или Агентства), которое бы работало в тесном сотрудничестве с некоторыми важнейшими еврейскими организациями, занимающимися общественной благотворительностью.

В мечтах своих я, действительно, размахнулся – даже больше, чем сам подозревал. Зато я постарался собрать как можно более представительную делегацию для поездки в Америку. Из числа ближайших коллег я выбрал Усышкина и доктора Бенциона Мосинзона, директора гимназии "Герцлия" в Тель-Авиве. По поводу Еврейского университета я обратился к профессору Альберту Эйнштейну, и, к своей большой радости, встретил с его стороны полную готовность нам помочь. Он взял с собой своего секретаря – Симона Гинцберга, сына Ахад-ха-Ама. Мы с женой присоединились к ним в Плимуте, откуда нам предстояло продолжить путешествие вместе на голландском корабле. С нами поехал также – в качестве моего помощника – только что освободившийся из армии и недавно вернувшийся из Палестины Леонард Стайн, так что на борту нас была целая компания.

Помню, что мы прибыли в нью-йоркскую гавань около полудня в субботу, 2 апреля 1921 года, в полном неведении относительно того пышного приема, который нас ожидал. Навстречу кораблю вышло несколько катеров с нашими друзьями и журналистами, и весь остаток дня прошел в изнурительных (хотя и вполне благожелательных) интервью. Сойти на берег до заката мы не могли – была суббота. Особый интерес вызывал, разумеется, Эйнштейн: его имя уже стало как бы символом эпохи, и журналисты так и рвались заполучить у него интервью с популярным изложением его теории относительности. Потерпев неудачу, они обычно поворачивались ко мне: "Вы ведь тоже, кажется, ученый, доктор Вейцман?" В конце концов нам при-

шлось укрыться в какой-то укромной каюте и там провести время до высадки.

Мы думали сразу направиться в гостиницу, устроиться и распланировать свое время. Но – гость предполагает, а хозяин располагает. Хозяином в данном случае оказалось все (по крайней мере, так нам показалось) нью-йоркское еврейство. Задолго до заката у причала и даже в доках стали выстраиваться длинные очереди. Набожные евреи тысячами шли пешком из самого Бруклина и Бронкса, чтобы приветствовать нас. Затем стали прибывать автомашины, сплошь обвешанные флагами. У каждой был свой гудок, и все они приветственно гудели. Когда мы вышли на трап, весь район причала представился нам сплошным столпотворением из людей, машин и конной полиции. Машина, которая, как мы надеялись, быстро и спокойно доставит нас в гостиницу, оказалась в итоге замыкающей в гигантской процессии, извивавшейся по всем улицам еврейского квартала Нью-Йорка. В гостиницу мы попали только в половине двенадцатого ночи – усталые, голодные, томящиеся от жажды и в полном изнеможении. Но в просторном гостиничном холле нас уже ожидала очередная возбужденная толпа – пришлось выслушать еще несколько приветственных речей, и, помнится, я даже пытался что-то отвечать. В комнатах мы оказались далеко за полночь.

Мне тем более не терпелось поскорей приступить к делу, что я прекрасно понимал, что вся эта поразительная демонстрация – лишь одна сторона медали. Еще на корабле Джулиан Мак передал мне меморандум, в котором группа Брандайза, руководившая американским сионистским движением, излагала свои взгляды и формулировала условия, на которых она готова помочь нашей миссии. Главные требования касались нового характера Сионистской организации и взглядов на экономические аспекты движения. Они предлагали реорганизовать Сионистскую организацию по принципу сильных локальных федераций, так, чтобы прежнее

единство, на котором зиждился авторитет наших конгрессов, уступало место простой координации действий. Это предложение, в сущности, отражало более глубинные – и мало осознанные, а потому не сформулированные открыто – представления группы Брандайза о природе единства мирового еврейства. Для нас, с юношеских лет находившихся в движении, сионизм был способом придания организованной формы силам самосохранения еврейского народа; в определенном смысле он был воплощением самого духа еврейства, воспрянувшего ради возрождения еврейского Национального очага. Всемирная сионистская организация и ее конгрессы не были для нас лишь случайно возникшими учреждениями – их существование было закономерным следствием и выражением органического единства еврейского народа. Предложения группы Брандайза, касавшиеся, на первый взгляд, чисто формальных вопросов и организационных перестроек, в действительности сводились к отрицанию еврейского национального движения; они превращали сионизм из дела общенародного возрождения, каковым он являлся, в чисто социальную программу – и вдобавок не очень удачную, как я постараюсь показать. Становилось очевидным, что их возражения против сбора денег для большого бюджета были продиктованы не столько убеждением, что эти суммы невозможно собрать, сколько сознательной установкой на "частные пожертвования" и "индивидуальные капиталовложения". Мы же понимали, что никакая "частная инициатива" не будет достаточной до тех пор, пока еврейский народ, как единое национальное целое, не сделает сообща того мощного финансового усилия, которое позволит заложить основы Национального очага.

Мы снова столкнулись здесь – только в новой форме и в другом месте – со старым конфликтом между "Востоком" и "Западом" в сионизме и еврействе, и конфликт этот нашел остроумное выражение в расхо-

жей фразе "Вашингтон против Пинска", содержавшей двойной намек: на место рождения моего и Брандайза, а также на более глубокий, идеологический подтекст наших разногласий.

Разногласия были, действительно, очень глубоки; тем не менее я был решительно настроен искать компромисс. Принять меморандум, представленный Маком, как основу для сотрудничества с Сионистской организацией Америки, я никак не мог: его формальные предложения касались вопросов, решение которых было делом Всемирного сионистского конгресса, я же как президент Всемирной сионистской организации, не был уполномочен вводить такие изменения. И все же я надеялся, что на практике удастся найти такой средний путь, который позволит нам выступить единой группой. Я все время вспоминал о тех людях в Палестине, которые возлагали все надежды на нашу поездку, и о новом Верховном комиссаре, которому не терпелось увидеть развертывание работ по освоению страны. Мы просто обязаны были добиться максимально возможного.

Мы чувствовали – и время это подтвердило, – что широкие массы американских сионистов отвергают политику своих лидеров, но эти лидеры обладали большой силой, и я понимал, что без их помощи нельзя будет добиться никаких существенных результатов. Неделю за неделей мы обсуждали различные варианты компромисса. В нашей группе Усышкин и слышать не хотел о каких-либо уступках в вопросе о бюджете или уставе и функциях "Керен ха-Иесод"; в то же время группа Брандайза ни за что не соглашалась провозгласить "Керен ха-Иесод" сионистской организацией и собирать на него деньги, пока мы не примем условий их меморандума.

Положение было затруднительным, страсти разгорались с обеих сторон. Была затеяна настоящая кампания против Иерусалимского отделения: шептались,

что оно состоит сплошь из людей, совершенно неспособных распоряжаться большими суммами, – они, конечно, идеалисты, но совершенно непрактичные люди и к тому же "валят все поступления в одну кучу". Ядовитых сплетен было вполне достаточно, чтобы затруднить нам получение любой мало-мальски значительной суммы.

С течением времени наша полемика переросла в еще более широкий конфликт – между основной массой американских сионистов и кучкой привилегированных "западных" евреев, которые занимали высокое положение в американском обществе. Примешивалась сюда и подспудная борьба за руководство судьбами Палестины – "принадлежать" ей Америке или Европе, борьба, в свою очередь, угрожавшая непоправимым расколом мировому еврейству. Все это осложнялось еще и тем, что некоторые американские евреи-несионисты, которых я очень хотел привлечь к практической работе в Палестине (например, Луи Маршалл и его круг), отрицательно относились к группе Брандайза. Сам Маршалл, кстати, не был таким уж непримиримым противником сионизма и часто выступал как наш беспристрастный советник. Во время нашего пребывания в Америке произошла новая вспышка насилия в Палестине, на этот раз – в Яффе, из-за которой Герберт Сэмюэл временно даже приостановил иммиграцию. Все говорило о срочной необходимости усиливать нашу деятельность.

Все наши старания найти компромиссную формулу оказались напрасными. В конце концов мы вынуждены были порвать с группой Брандайза, и я обратился непосредственно к американскому еврейству, заявив, что, согласно решению последней Сионистской конференции и в силу своих полномочий как президента Всемирной сионистской организации, объявляю создание американского филиала "Керен ха-Иесод". Мой шаг вызвал яростные протесты и изрядную порцию ругани со стороны группы Брандайза, все это

было подхвачено прессой, и еврейская общественность стала свидетельницей наших разногласий.

Но на двадцать четвертой конвенции Американской сионистской организации (знаменитой "Кливлендской конвенции"), состоявшейся в июне того же года, широкие массы американских сионистов показали, что они способны правильно разобраться в сути спора.

Я не берусь восстановить обстановку конвенции, главное – что в итоге претензии руководства были отвергнуты подавляющим большинством голосов. Группа Брандайза не сумела даже "красиво проиграть" – она тут же в полном составе вышла из руководства Аамериканской сионистской организации и превратилась в весьма активную и опасную оппозицию. Можно не сомневаться, что, если бы не эта непримиримая враждебность наших бывших коллег, наши успехи в Палестине в первые несколько лет после Кливлендской конвенции, – а это были решающие для Палестины годы, – были бы куда больше.

Мы официально провозгласили создание филиала "Керен ха-Иесод" в Америке, Сэмюэл Унтермайер стал его первым президентом, и началась работа по организации и популяризации этого фонда. Хотя мы старались распределить работу поровну (я говорю о европейской делегации), все же львиная ее доля, похоже, легла на мои плечи. В результате мне пришлось посетить чуть ли не все важнейшие американские еврейские центры.

Тому, кто не испытал этого, трудно объяснить, что это значит. Моя поездка не была похожа ни на обычное лекционное турне, ни на политическую кампанию; точнее, она была похожа и на то, и на другое с тем существенным дополнением, что я должен был собрать огромную сумму денег. А ведь это был мой первый визит в Штаты, я совершенно не знал страну; не знал, как нужно и как – еще важнее – не нужно поступать. Обычный мой день во время этой поездки выглядел примерно так: я прибывал в город утренним поездом,

и уже на вокзале меня встречала группа энтузиастов в машинах – своего рода почетный эскорт, который сопровождал меня по еще полусонным улицам в гостиницу или мэрию, где нас ожидал завтрак с участием 25–50 местных лидеров во главе с мэром. Нужно было выслушать приветственные речи и ответить на них. Заканчивался завтрак обычно часам к десяти, и после этого мною завладевали журналисты и фоторепортеры, требуя, чтобы я принял какую-нибудь "выразительную" позу или сделал какое-нибудь сенсационное заявление. Почему-то они всегда принимали меня за изобретателя тринитротолуола. Хорошо, если удавалось вырваться от них к одиннадцати или к половине двенадцатого и заскочить в свой номер, чтобы принять ванну и переодеться для официального ленча, обычно назначаемого на двенадцать тридцать (и никогда не начинавшегося раньше половины второго). Ленч представлял собой долгую и утомительную процедуру, состоявшую из множества блюд и речей, и ритуал требовал, чтобы гость отвечал последним (иначе часть публики могла бы сбежать и некоторые ораторы лишились бы аудитории). После этого гостю разрешалось отдохнуть около часа (а то, что его отдых прерывали посторонние, – это уж его дело). Вечером происходила встреча с местными работниками – и очередные встречи. Затем – официальный массовый митинг в мэрии или другом каком-нибудь здании. Оттуда друзья и доброжелатели провожали гостя на поезд. И только здесь он с облегчением отправлялся в свое спальное купе, чтобы с утра начать все сначала в новом городе.

Эта процедура повторялась дни, недели и месяцы беспрерывно и почти без изменений.

Промежутки между выступлениями были обычно заняты встречами с крупными жертвователями (такими считались те, от кого можно было ожидать сумм в пять и более тысяч долларов). К сожалению, очень часто ими оказывались люди, степень невежества ко-

торых по части Палестины могла сравниться лишь с их крайней уверенностью в том, что только они знают, что нам необходимо делать. Мне приходилось выслушивать самые разнообразные варианты брандайзовских, несионистстких и антисионистских рассуждений, самые безумные планы сиюминутного создания еврейского государства и всевозможные "отеческие" практические советы преуспевающих бизнесменов – и при всем этом сохранять вежливость и внимание. Зачастую крупные жертвователи ставили размеры своего пожертвования в зависимость от того, приму я их приглашение на ленч или обед или нет. В таких случаях мне приходилось отбывать специфическую повинность: высиживать часами в семейном кругу представителей трех-четырех поколений, выслушивать вопросы, просьбы и суждения и тщательно следить за своими репликами, чтобы не спугнуть ненароком чувствительного "кандидата". За продолжительным обедом обычно следовала встреча с местными знаменитостями, длившаяся до поздней ночи. В общем, я честно отрабатывал получаемые деньги.

Нельзя не признать, что в целом реакция американских евреев на наши обращения к ним была весьма доброжелательной. Сбор средств продолжался и после нашего отъезда, и в первый же год было собрано в четыре раза больше тех пятисот тысяч долларов, которые Брандайз считал максимально допустимой цифрой. Собранная сумма была еще далека от той, которая требовалась для осуществления намеченного, тем не менее она позволила нам расширить закупку земель, иммиграцию и заселение. В первые год-два после создания "Керен ха-Иесод" мы основали Сельскохозяйственный кредитный банк, учреждение исключительной важности, начали выплачивать долги за земли, купленные в Изреельской долине, и заложили Нахалал – первое из послевоенных поселений, ставшее центром всей нашей деятельности в Изреельской долине (осушение болот, борьба с малярией и так далее).

Но смыслом этой поездки было и нечто большее, чем только политическая пропаганда и сбор средств. Мы считали нашей задачей и сионистское воспитание – как в практическом, так и в теоретическом смысле. Я неизменно старался подробно разъяснить американским бизнесменам, почему их опыт не всегда применим в Палестине. Я говорил им: "Перед палестинскими пионерами – пустынная земля, которую не обрабатывали поколениями. На холмах нет лесов, с равнин смыт и унесен в море весь плодородный слой почвы. Нужно вложить деньги, чтобы все это восстановить. И эти деньги не вернутся, потому что они превратятся в национальное достояние. Осушая болота, борясь с малярией, мы не получаем проценты на капитал, зато мы улучшаем условия жизни будущих поколений". И добавлял: "Невозможно построить Нахалал или Нурис без капиталовложений. Ладно, *халуцим* готовы пожертвовать двумя обедами в неделю, но коровто тоже надо кормить, они кормиться речами не согласны".

Как банально это звучит сейчас, но каким непривычным это было тогда, и с каким трудом я добивался понимания! На одном митинге я сказал: "Самая любопытная разновидность антисемита – это сердобольный антисемит. Он преподносит свой антисемитизм в виде комплимента. Он говорит: "О, евреи – это же соль земли!" И находятся евреи, которым это страшно льстит. Лично мне это не кажется комплиментом. Солью пользуются для еды. Она растворяется в еде. И она хороша только в небольших количествах. Когда ее много, еду выбрасывают – и соль вместе с ней". (За этим комплиментом скрывается мысль, что всякая страна может "переварить" лишь определенное количество евреев; когда их становится больше, чем она может "переварить", приходится принимать решительные меры: выбрасывать их вон.)

Я продолжал свои рассуждения:

"Нас называют не только солью, но еще и "дрожжа-

ми". Мы, мол, не только соль земли, но и ценная закваска. Мы производим необычайные идеи. Мы проявляем инициативу, предприимчивость. Мы – зачинатели. Это тоже сомнительный комплимент. Между ферментом и паразитическим микробом различие очень небольшое. Когда концентрация ферментов превышает определенную норму, они превращаются в паразитическое образование. Вот почему антисемиты повежливее называют нас "дрожжами", а те, кто попроще и без научных претензий, прямо говорят – "паразиты".

К нам будут относиться как к желанным гостям только в том случае, если мы сами сможем принимать гостей. Возьмите Швейцарию – это маленькая страна, и швейцарцев в других странах больше, чем в самой Швейцарии. Но разве существует где-нибудь антишвейцаризм? Все дело в том, что у швейцарца есть собственный дом, куда он всегда может вернуться, куда он может пригласить гостей. Неважно, какой величины этот дом, – важно, что он собственный. Если мы хотим завоевать уважение к себе, необходимо, чтобы какая-то часть еврейства жила в своем собственном доме, в своей собственной стране. Если мы хотим завоевать равные права в университете других стран, у нас должен быть собственный университет. Тогда профессора из Харварда смогут приезжать в Иерусалим, а профессора из Иерусалима – в Харвард".

Я пытался вдохновить своих американских слушателей примерами из прошлого: "Да, весь мир нас презирает, твердит, что мы потомки лавочников и старьевщиков. Пусть мы дети старьевщиков – но мы еще и внуки пророков. Будем помнить о внуках, а не о сыновьях".

Трогательно было видеть, как они слушали, как близко к сердцу принимали эти слова. И хотя мне досаждали усталость, неудобства, а порой и однообразие этой работы, я очень гордился ею. Однажды я сказал: "Я бы ни с кем не согласился поменяться местами. Вот я стою перед вами – за мной нет ни армии, ни

полиции, ни флота, но я вместе со своими соратниками предлагаю вам неслыханное дело: попытаться возродить страну, которая оставалась заброшенной две тысячи лет, руками народа, который оставался рассеянным две тысячи лет, и добрая половина которого – быть может, даже лучшая половина – пострадала в ужасной войне. Вот мы сидим здесь, поздним вечером, в пятишести тысячах миль от Палестины, которую многие из вас, возможно, никогда и не увидят, но вы ждете, чтобы я рассказал вам о ней, хотя вы знаете, что вам, наверное, придется еще платить и платить за ее возрождение. Я готов вызвать кого угодно на спор, что он не сможет предложить ничего, подобного этому".

Из первой поездки в Америку я направился почти сразу в Карлсбад*, где – впервые с 1913 года – представители всех сионистских организаций мира должны были собраться на очередной Сионистский конгресс. К тому времени Герберт Сэмюэл находился на своем посту уже около года, и в дискусссиях на конгрессе начали появляться первые признаки того разочарования и даже горечи, которую порождала политика нашей администрации в Палестине. Мне казалось, что Сэмюэл, быть может, еще не успел развернуться, но некоторые вещи и мне внушали беспокойство. Это было, прежде всего, его поведение во время яффских волнений, о которых я уже упоминал. Стремясь обеспечить себе для начала максимально спокойные условия работы, Сэмюэл ответил на волнения запрещением иммиграции, причем объявил об этом не где-нибудь, а на встрече с арабскими феодалами в Рамле. Понятно, что и его решение, и выбранный им способ объявить о нем неприятно поразили евреев во всем мире. Затем он амнистировал двух главных зачинщиков погромов в Яффе и Иерусалиме. В значительной степени благодаря ему Хадж Амин ал-Хусейни стал впоследствии председателем Высшего Арабского Совета и муфтием

*Ныне Карлови-Вари.

Иерусалима (Великим муфтием), получив тем самым большую власть и контроль над значительными суммами денег. Результаты этого слишком хорошо известны, чтобы о них распространяться.

Но даже больше, чем политика Сэмюэла, угнетало меня полное отсутствие чувства реальности, характерное для многих руководителей нашего движения. К примеру, Исполнительный комитет утвердил на следующий год бюджет сионистской организации в размере семнадцати с половиной миллионов долларов, даже не потрудившись указать, где раздобыть такую фантастическую сумму. Я отдавал себе отчет в том, что таких денег нельзя собрать, даже приложив сверхъестественные усилия: у европейских евреев денег не было, а американские еще не были готовы взять на себя такую ответственность: они помогали пострадавшим европейским общинам, но пока не выражали ни малейшего намерения уделить хотя бы часть этих огромных средств переселению европейских евреев в Палестину. Конгресс сурово раскритиковал бюджет, предложенный Исполнительным комитетом, как нереальный и срезал его в конце концов приблизительно на 20%. Но это вызвало разочарование среди рядовых сионистов, и они были правы: нечего было махать перед их носом нашими прожектерскими бумажками!

Конгресс заставил движение "спуститься с небес на землю", взглянуть в лицо суровым фактам, и вывел его на ту единственную дорогу, которая могла бы привести к успеху, – дорогу медленной, трудной и последовательной работы. Было решено основать Нахалал, Кфар-Иехезкель, Эйн-Харод и Тель-Иосеф, что было важнее любых дискуссий. Я радовался этим решениям – радовался за тех людей в Палестине, которые только и ждали сигнала, чтобы отправиться в эту малярийную долину, обосноваться там со своими семьями и начать полную трудностей и опасностей халуцианскую жизнь. Я отчетливо понимал, что в ближайшие 5 – 10 лет мой главный долг будет состоять в том, чтобы по-

могать этим людям добиться успеха, ибо их успех будет иметь куда большее политическое значение, чем любая "уступка", которую мы можем вырвать в результате мучительных переговоров у несговорчивого британского правительства.

Конгресс завершился на оптимистической ноте. Что ни говори, иммиграция началась, и притом в количестве десяти тысяч человек в год, что было не так уж мало. Мы понимали, что слишком быстрый рост иммиграции грозит безработицей, первые признаки которой уже появились на горизонте, и потому иммигрантский поток нужно ограничивать и контролировать. Но этот поток уже нес с собой первых *халуцим* – новое и вдохновляющее явление в еврействе. Энергичные, нетерпеливые, умные, настроившие себя на любую физическую деятельность, они были решительно готовы выполнять самую примитивную и утомительную работу. Они готовы были прокладывать дороги, осушать болота, рыть колодцы, сажать деревья – и смело, не уклоняясь, встретить любые опасности и трудности.

До, во время и после конгресса много говорилось о нерентабельности земель Еврейского Национального Фонда, о недостатках наших кооперативных поселений, только начавших работу. Я считал, что пока еще рано выносить суждения, что "новорожденным" нужно дать время, чтобы показать себя. Ведь речь шла о переселении на землю городских жителей, сотнями лет, если не тысячелетиями оторванных от нее, неприспособленных к трудностям крестьянской жизни в бесплодной стране, истощенной столетиями неумелого правления и хозяйствования. Вдобавок у нас не было достаточных средств, чтобы как следует подготовить сельскохозяйственную программу и компенсировать те неудачи, которые неизбежны при любом освоении земли.

Тем не менее евреи продолжали ворчать, а неевреи – критиковать. Британские чиновники и некоторые гости из числа сионистов возвращались из Палестины с твердым убеждением, что мы должны бросить эти

"глупые эксперименты" в сельском хозяйстве и сосредоточиться на создании промышленности и торговли, иными словами – пойти по линии наименьшего сопротивления и последовать примеру диаспоры, что мы должны строить города, куда можно принимать иммигрантов-горожан. Я уже излагал свои взгляды на преждевременность развития частной инициативы в Палестине. Но здесь я должен признаться, что, может быть, в этой своей позиции иногда был не вполне справедлив к тем мелким предпринимателям, которые селились в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе: ведь они тоже были на свой лад пионерами. Они создали сотни мелких предприятий, вложив в это свои скудные сбережения, с трудом вывезенные из Польши или Украины, и тем самым они тоже участвовали в строительстве Национального очага своего народа.

Но и с этой оговоркой я остаюсь при своем мнении, что основой нашей работы была и должна была быть сельскохозяйственная поселенческая деятельность. Именно в работе на земле раскрывается подлинная душа народа – его язык, его поэзия, его литература, его традиции. Города всего лишь "перерабатывают" эти плоды земли.

Мне было дано в течение четверти века наблюдать за непрерывным развитием сельского хозяйства в Палестине. Я видел, как исчезли болота Изреельской долины, как постепенно почва становилась достаточно прочной, чтобы на ней появлялись все новые и новые домики с красными крышами; как огоньки в этих домиках сверкают в вечерних сумерках, точно маяки в конце долгого пути. И воспоминание об этих огоньках во мраке было мне наградой и утешением в моих утомительных разъездах за пределами Палестины.

Глава 25

БОРЬБА ВОКРУГ МАНДАТА НА ПАЛЕСТИНУ

Осенью 1921 года я вернулся в Лондон, определив на будущее наши задачи в Палестине, Америке и Европе. Хотя общий политический курс был уже намечен, мы отдавали себе отчет в том, что положение в Палестине будет оставаться неопределенным и неудовлетворительным до тех пор, пока Лига Наций не ратифицирует мандат на Палестину. Это произошло лишь в июле 1922 года, а тем временем приходилось преодолевать многие непредвиденные трудности. Кроме политической работы, связанной с мандатом, была и другая важная проблема – создание "Керен ха-Иесод"; этот фонд был уже основан в Палестине и Америке, но во многих европейских странах либо вовсе не существовал, либо находился в зародышевом состоянии. Вот почему мои разъезды зимой этого года преследовали двойную цель. Лорд Керзон сменил Бальфура в Министерстве иностранных дел и должен был утвердить проект мандата. Нашим главным консультантом был Бен Коэн, который остался с нами в Лондоне, когда его соратники по группе Брандайза вышли из руководства Американской сионистской организации. Коэн был одним из способнейших американских юристов и вместе с секретарем Керзона, молодым Форбс-Адамсом, человеком интеллигентным, живым и дружески к нам настроенным, в течение многих месяцев вел борьбу за мандат. Проект за проектом предлагался, обсуждался и отвергался, и я порой уже начинал сомневаться – будет

ли этому когда-нибудь конец? Главная трудность была связана с началом одной фразы из преамбулы – сейчас оно звучит так: "Признавая исторические связи еврейского народа с Палестиной..." Мы настаивали на другом варианте: "Признавая исторические права евреев на Палестину...", но Керзон, разумеется, не согласился с нами, сухо заметив: "Если мы примем такую формулировку, доктор Вейцман будет ежедневно доказывать мне, что он имет п р а в о делать в Палестине то-то и то-то. Нет, увольте". Тогда Бальфур предложил компромиссные "исторические связи", и на том и порешили.

Для меня, признаюсь, это было самой важной частью мандата. Я инстинктивно чувствовал, что все остальные положения могут так и остаться на бумаге – вроде нижеследующего, например: "Создать в стране такие политические, экономические и административные условия, которые будут способствовать развитию еврейского Национального очага..." Оглядываясь назад, я нахожу, что сейчас склонен придавать еще меньшее, чем в те дни, значение всяким, даже письменным "декларациям", "заявлениям" и "меморандумам". Они не имеют буквально никакого значения, пока их не подкрепляют реальные дела. Вот почему с течением времени я все больше и больше стремился ориентировать наше движение именно в сторону реальных действий.

По мере продвижения работы над проектом и приближения его ратификации нам все чаще приходилось занимать круговую оборону, защищаясь от сыпавшихся со всех сторон обвинений. Во главе атакующих была арабская делегация из Палестины, прибывшая в Лондон летом 1921 года и устроившая свой штаб в гостинице "Сесил". Эта делегация под руководством Мусы Казем-паши преъявляла бесчисленные претензии в министерстве колоний, а также делала бесконечные антиеврейские заявления в парламентских, журналистских и политических кругах и беспрепятственно распространяла о нас самые дикие слухи. Вокруг нее

объединились элементы, которые сегодня были бы названы "реакционными" и "фашиствующими", тогда же именовались "консервативными". Все больше англичан, казалось, начинают видеть в Палестине досадную помеху – страну, где евреи самоуправствуют, угнетая "бедных арабов", вдобавок вытягивая на это деньги из карманов британских налогоплательщиков. Подобного рода заявления сопровождались якобы "беспристрастными" свидетельствами, из которых следовало, что вся наша палестинская затея ненадежна, нерентабельна и управляется кучкой идеалистов, ничего не понимающих в колонизации и развитии страны.

Верно, мы были идеалистами и знали, что нам многому еще предстоит учиться – прежде всего на собственных ошибках. Но мы понимали также – чего, по-видимому, не скажешь о наших критиках, – что их доводы взаимно исключают друг друга. Если еврейский Национальный очаг был всего лишь неосуществимой мечтой непрактичных людей, то как он мог представлять собой реальную опасность для арабов или англичан? И зачем тогда что-либо предпринимать – лучше оставить нас в покое, и вся затея сама собой развалится! Но именно оставить нас в покое не хотели наши противники.

В ноябре 1921 года они получили свежее подкрепление" – доклад Комиссии Хайкрафта, расследовавшей майские волнения в Яффе. В докладе, наряду с осуждением зверств погромщиков и опровержением абсурдных обвинений, выдвинутых в адрес палестинских евреев (например, упрек в поголовном большевизме), содержались также намеки на то, что корень зла, возможно, – в британской политике, которая, дескать, не удовлетворяет арабов. Из доклада можно было сделать при желании вывод, что стремление сионистов к "господству" в Палестине может и в дальнейшем вызывать арабские волнения. Снова возникало любопытное противоречие: там, где речь шла о фактах, Ко-

миссия признавала, к примеру, что дикое нападение на Хадеру было следствием подстрекательских слухов, распространявшихся агитаторами в Туль-Кареме и соседних деревнях, но она избегала говорить о том, кто, зачем и как распространял эти слухи. В результате доклад мог быть представлен – теми, кто этого хотел, – как доказательство справедливости некоторых из обвинений против нас. Впоследствии подобная ситуация возникала не однажды – в сущности, всякий раз, когда какая-либо британская комиссия направлялась в Палестину для "расследования инцидентов".

Другим "подарком" нашим противникам оказалось возвращение в Лондон лорда Нотклиффа, побывавшего в Палестине, чтобы "посмотреть на все своими глазами". Визит его был коротким, критика же – весьма и весьма пространной и острой. Во время войны он склонен был поддерживать нас, но поездка в Палестину настроила его на новый лад. Он ухитрился произвести самое неблагоприятное впечатление на тех немногих поселенцев, с которыми встречался, и антипатия оказалась взаимной. Он вернулся убежденный, что все еврейские поселенцы в Палестине – коммунисты (или большевики) и вдобавок люди самонадеянные и агрессивные. Эту свою точку зрения он не преминул высказать. И хотя "Таймс" продолжала оставаться сдержанной, правда, несколько скептичной в своих статьях о Палестине, другие газеты Нотклиффа – "Дейли мейл", "Ивнинг ньюс" и прочие – начали против нас злобную кампанию.

Такую же кампанию вели против нас и газеты лорда Бивербрука, только под иным углом. Они требовали, чтобы Англия отказалась от своих обязательств по отношению к ряду зависимых территорий (включая Палестину) на том основании, что британский налогоплательщик платит слишком высокую цену за то, чтобы несколько хитрых восточноевропейских евреев могли угнетать и эксплуатировать палестинских арабов. В действительности, создание еврейского Нацио-

нального очага, конечно, не стоило британскому налогоплательщику ни гроша: Англия, правда, тратила около семи с половиной миллионов фунтов в год на содержание своих войск в Палестине, но войска ведь все равно нужно было где-то содержать – может, в Палестине это обходилось даже дешевле, чем в Египте?

Противодействие нашим планам не ограничивалось одной только Англией: по пути в Лондон арабская делегация останавливалась в Риме и в Париже и повсюду служила центром притяжения всех реакционных сил. Поэтому можно было ожидать, что союзные правительства – по крайней мере, некоторые – окажут давление на Англию, хотя они и подписали Декларацию Бальфура и в принципе одобрили основанный на ней мандат.

Частично по этой причине, частично в интересах "Керен ха-Иесод" я решил, что обязан посетить столицы главных европейских государств, а поскольку наиболее серьезная оппозиция исходила, как мне казалось, из Ватикана, то начать свою поездку я решил с Рима.

Я получил приглашение к кардиналу Гаспари, государственному секретарю Ватикана. Я хотел воспользоваться встречей, чтобы выяснить, почему, собственно, Ватикан так опасается сионистского движения; я помнил, что Соколов, во время аудиенции у папы, подробно разъяснил наши цели, и это разъяснение было принято благожелательно. Во время беседы с Гаспари выяснилось, что он озабочен вопросами, связанными скорее с политикой британской администрации, чем с сущностью сионизма. Он, например, был раздражен тем, что члены различных монашеских орденов, имевшие школы и госпитали в Палестине, а также другие католические представители встречаются с трудностями при получении виз. Я пытался объяснить ему, что мы не имеем никакого отношения к визам, но он явно продолжал подозревать, что Сионистская организация каким-то непонятным образом связана с "па-

лестинским правительством" и "могла бы использовать свое влияние". Я прилагал все усилия, чтобы разъяснить ему истинную ситуацию, но так и не понял, увенчались ли мои труды успехом.

Я встретился с несколькими итальянскими государственными деятелями и был принят итальянским королем, который очень почтительно отзывался о Герцле (фотография последнего стояла у него на столе). Но вопрос, с которым я пришел – какова истинная причина итальянской оппозиции сионизму? – так и остался без ответа. Не мог я понять также, почему чисто религиозная проблема Святых мест вызывала столь сильный интерес в итальянских, а также во французских политических кругах. В Палестине не было Святых мест, на которые евреи предъявляли бы претензии – за исключением разве что могилы нашей праматери Рахили, но она не служила предметом спора. Стеной Плача мы не владели со времен разрушения Храма; только позже возник спор о том, вправе ли евреи там молиться; но в то время даже и намека на это не было. И все же негодование различных христианских общин, в особенности общин католических, по поводу предоставления мандата на Палестину протестантской Англии придавало дискуссии о Святых местах особый оттенок. Постепенно выяснилось, что официальные итальянские круги в действительности опасались, что сионизм – лишь прикрытие для проникновения Британской империи на Ближний Восток; поэтому они с готовностью поддерживали заявления Ватикана по поводу Святых мест.

После нескольких напряженных недель в Риме мы с женой отправились ненадолго отдохнуть на Капри.

Там было чудесно, но меня не покидали мысли о Лондоне и Иерусалиме. В Лондоне кампания против мандата была в самом разгаре, а из Иерусалима приходили тревожные сообщения о финансовых и прочих трудностях поселенцев. Я уже сделал все возможное для сбора средств в Америке, и все равно мне нельзя

было покидать Европу, пока не будет ратифицирован мандат; поэтому я решил, что сейчас главное – создать отделения "Керен ха-Иесод" в основных еврейских общинах Европы. Вот почему следующим пунктом моей поездки оказался Берлин.

Прежние мои контакты с берлинской еврейской общиной были довольно поверхностными, и я обрадовался теплому приему, который мне оказали, и тому, что герр Дернбург, бывший министр колоний, высоко оценил нашу работу в Палестине и наши новые методы. Я почувствовал, что германское отделение "Керен ха-Иесод" вскоре станет важным подспорьем для нас и, как показало будущее, не ошибся.

Одним из наиболее ярких событий во время этого визита в Берлин была беседа с Вальтером Ратенау*, с которым я встретился однажды вечером в доме Эйнштейна. Ратенау с места в карьер начал критиковать сионизм, следуя при этом тезисам своей книги "Слушай, Израиль". Суть его речей сводилась к тому, что он, еврей, ощущает себя полностью немцем и всю свою энергию отдает восстановлению немецкой промышленности и укреплению политических позиций Германии. Он отвергал любую попытку "превратить немецких евреев в "чужеродное тело" внутри Германии" – вот, собственно, и все, что он видел в сионизме. Подход его был типичным для многих ассимилированных немецких евреев; они, казалось, не понимали, что живут на вулкане, и вполне искренне верили, что трудности, с которыми они – по их собственному признанию – сталкивались в Германии, – это всего лишь временные и переходные явления, возникшие благодаря наплыву восточноевропейских евреев, не вписывавшихся в рамки немецкого образа жизни и потому

*Ратенау Вальтер (1867 – 1922) – немецкий промышленник, финансист, политический деятель и публицист. В феврале 1922 года стал министром иностранных дел Германии. В том же году был убит членами тайной националистической террористической организации "Консул".

представлявших собой удобную мишень для антисемитских атак. "Истинно немецких" евреев, дескать, это не касалось, они были выше этого – и так далее, и тому подобное. Нельзя сказать, что Ратенау был похож на восточноевропейского еврея; тем не менее спустя всего несколько месяцев он стал жертвой нацистских убийц. Но и тогда его еврейские друзья и последователи не захотели увидеть роковые письмена на стенах.

Из Берлина мы направились в Париж – опять-таки, в основном, по делам "Керен ха-Иесод". Я, конечно, воспользовался пребыванием в Париже, чтобы встретиться с несколькими официальными лицами, в том числе с де Монзи и генералом Гуро. С генералом я обсуждал дебатировавшийся тогда вопрос о северных границах Палестины – впрочем, беседа наша была бесплодной, поскольку французы склонны были считать Палестину "южной Сирией", а всю Сирию – французской сферой влияния. Разумеется, они противились выделению Палестины, а в особенности – любым попыткам изменения ее северных границ. Я пытался доказать генералу важность для Палестины вод реки Литани, но не смог убедить его и ушел подавленный – я понял, что для него, как и для итальянцев, сионизм был всего лишь орудием британского империализма.

Из Парижа мы вернулись в Лондон и поспели как раз вовремя: палестинский вопрос ожидал решения в обеих палатах парламента. В Палате лордов атаку против нас возглавляли лорды Сайденхэм, Ислингтон и Рэглан; их призыв аннулировать Бальфурскую декларацию был поддержан значительным большинством. В Палате общин, где на нашей стороне были такие люди, как Черчилль и Ормсби-Гор, нам повезло больше, и аналогичное предложение было с треском провалено.

Выступления против мандата убедили правительство в необходимости разъяснений, которые приняли фор-

му "Белой книги"* Черчилля, опубликованной в июне 1922 года. Основные ее положения, по нашему мнению, были подготовлены Гербертом Сэмюэлом и весьма отличались от некоторых его палестинских выступлений, так как были пронизаны стремлением задобрить арабов посредством сокращения иммиграции евреев. Тогда, как и сейчас, многие не могли понять, что органических противников сионизма не задобришь никакими дипломатическими формулировками: их претензии к евреям сводятся к тому, что евреи вообще существуют, а в данном конкретном случае – хотят существовать в Палестине. Поэтому дело было не в размерах иммиграции; против ста иммигрантов они протестовали бы не менее яростно, чем против ста тысяч.

В наших глазах "Белая книга" Черчилля значительно видоизменила Бальфурскую декларацию. Она исключала Трансиорданию из области деятельности сионистов и поднимала вопрос о создании Законодательного Совета для Палестины. Тем не менее она начиналась со ссылки на "Декларацию от 2 ноября 1917 года, которая не подлежит изменению", и в ней говорилось, что "в Палестине будет основан еврейский Национальный очаг" и что "еврейский народ будет находиться в Палестине по праву, а не по причине перенесенных страданий". Затем следовало: "Иммиграция не будет превосходить экономических возможностей страны абсорбировать новоприбывших".

Короче говоря, "Белая книга" ограничивала поле нашей деятельности территорией к западу от Иордана и при этом утверждала принцип "экономического абсорбционного потенциала". Кроме того, было ясно, что утверждение мандата будет зависеть от того, примем

*"Белая книга" – отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламентом. Некоторые из таких документов сыграли важную роль в истории подмандатной Палестины. В период 1922 – 39 годов было выпущено 6 "Белых книг", касающихся Палестины.

ли мы политическую линию правительства в том виде, как она изложена в "Белой книге". Это означало, что мы вынуждены ее принять, что мы и сделали, хотя и не без колебаний. Жаботинский, в то время входивший в состав Правления, должен был прибыть из Америки в тот самый день, когда нам предстояло заявить о нашем согласии с положениями "Белой книги"; в Саутгемптон, к его пароходу, специально был отправлен человек с копией текста "Белой книги" и нашего ответа, чтобы вовремя получить и его согласие. Я немало опасался его реакции, но он, как ни странно, не выдвинул серьезных возражений, заметив только, что и "Белая книга", если ей будут следовать честно и добросовестно, даст нам возможность подготовить почву для создания в Палестине еврейского большинства, а в дальнейшем – и еврейского государства. Будущее показало, что он был прав: до тех пор, пока у евреев оставалась возможность путем иммиграции и капиталовложений развивать страну, ее "абсорбционный потенциал" продолжал возрастать. Только тогда, когда британское правительство, с явной целью затормозить это развитие, вмешалось в наши действия, замедлилось и увеличение еврейского населения. Но в первые годы после утверждения мандата перед нами действительно открылись большие возможности, хотя мы и не смогли до конца ими воспользоваться, потому что не имели достаточной поддержки со стороны евреев Европы и Америки. Кроме того, нам мешали еще и два обстоятельства. Во-первых, русское еврейство, как я уже говорил, для нас практически перестало существовать, а польское было надломлено и истощено. Во-вторых, наши методы заселения Эрец-Исраэль все еще находились на экспериментальной стадии. Мы нащупывали наш путь, пробуя и ошибаясь, ибо нам было ясно, что тип поселений, основанных бароном Ротшильдом или первыми иммигрантами, не может обеспечить быстрое заселение и развитие сельского хозяйства. Мы все еще колебались между киббуцами

(коммуны) и мошавами (кооперативы): в Изреельской долине мы начали с мошава Нахалал, а затем стали строить киббуц Эйн-Харод.

После того, как члены Правления подписали письмо английскому правительству, все формальные препятствия, стоявшие на пути ратификации мандата, были устранены. Все же ратификация еще не была делом решенным. По уставу Лиги Наций решения ее Совета Десяти должны были быть единогласными, а между тем позиция некоторых стран – членов Совета Десяти внушала нам серьезные опасения. Голосование по мандату было назначено на самый последний день заседаний Совета Десяти – субботу 24 июля 1922 года. Вплоть до последней минуты мы не были уверены в благополучном исходе. Перебирая все возможные пути привлечения союзников, мы вспомнили, что в 1918 году, во время закладки здания Еврейского университета, мы получили поздравительную телеграмму от одного профессора из Мадридского университета. Теперь мы обратились к нему за помощью. Он воспользовался своими связями (он был потомок марранов* и имел влиятельных друзей среди них) и его друзья оказали давление на испанское правительство, в результате чего мы получили неожиданную поддержку испанской делегации. Ее представитель в Совете Десяти должен был председательствовать на заседании, где решалась наша судьба (при личной встрече мы сказали ему: "Сейчас Испании предоставляется возможность хотя бы частично возместить то зло, которое она когда-то причинила евреям"). Испанский делегат обещал нам не только свою поддержку, но и поддержку Бразилии – и сдержал свое слово.

В последнюю минуту папский нунций попытался добиться снятия нашего вопроса с повестки дня. Я как

*Марраны (исп. marranos) – евреи в Испании и Португалии в средние века, официально принявшие христианство. Подвергались преследованиям инквизиции, обвинявшей их в тайной приверженности прежней вере.

раз находился в номере французского представителя Вивиани в "Гайд-парк-отеле", когда к нему явился синьор Серетти, чтобы заручиться поддержкой французской делегации для отсрочки дебатов – на том основании, что из Ватикана-де ожидается какой-то важный документ. Вивиани представил меня и сказал: "Я, собственно, не возражаю и против отсрочки, но решать должен вот этот господин". Я выразил убеждение, что отсрочек было уже предостаточно и не известно, что произойдет, если мы еще раз отложим обсуждение. Серетти, которому явно пришлась не по вкусу уловка Вивиани, молча выслушал меня и, возмущенный, вышел из номера. Вивиани улыбнулся и заметил: "Когда деревенские священники берутся за политику, они всегда попадают впросак".

В субботу утром Бальфур представил на рассмотрение Совета Десяти предложение о ратификации мандата. Все прошло как по маслу, и единогласное утверждение мандата завершило эту долгую главу нашей политической борьбы.

Глава 26

В ПОИСКАХ ПУТИ

Ежегодная Сионистская конференция – представительное собрание, созывавшееся между конгрессами и отличавшееся от них лишь меньшими масштабами, – открылась 25 августа 1922 года в Карлсбаде, через месяц после ратификации мандата. Мой доклад был встречен как критическими, так и одобрительными замечаниями. Особенно острой критике подверглась "Белая книга", хотя мне эта критика показалась во многом односторонней: она концентрировала все внимание на негативных сторонах документа и игнорировала позитивные.

К счастью, были и критики конструктивные – как, например, Артур Руппин, Шмарья Левин и Хаим Арлозоров (последний был восходящей звездой движения, и я еще буду о нем говорить). Они подчеркивали открывавшиеся теперь перед нами возможности и говорили о необходимости увеличения финансовых ресурсов и привлечения новых сил, то есть тех евреев, которые до сих пор стояли в стороне от движения. Руппин кратко сформулировал это следующим образом: три "кита" сионизма – это симпатии к нему просвещенного мира, взаимопонимание с арабами, преданность еврейского народа сионистской идее и целенаправленность в ее осуществлении. Пусть не в наших силах обеспечить первые два пункта, но третий зависит только от нас.

Я вынес с конференции твердое убеждение, что в ближайшие годы моя сионистская деятельность долж-

на сконцентрироваться как в Палестине, где необходимо было как можно интенсивнее развертывать поселенческую работу, так и в больших западных общинах, где нужно было изыскивать финансовые ресурсы для проведения этой работы.

К тому времени Иерусалимское отделение постепенно начало укреплять свои позиции, однако контакты его с британской администрацией оставались, к сожалению, ограниченными. Вплоть до августа 1922 года на этом участке действовал наш неоценимый доктор Эдер. Однако на конференции в Карлсбаде он сообщил, что должен вернуться в Лондон к своим занятиям медициной, которую он на слишком уж долгий период забросил. Заменить его было непростым делом. Я обратился к генералу Мак-Доно из военной разведки, преданному и давнему другу сионистского движения, в надежде, что он предложит какую-нибудь подходящую кандидатуру. Он горячо рекомендовал полковника Киша, который должен был вскоре оставить военную службу. Большую часть войны Киш провел в инженерных войсках в Месопотамии, некоторое время был связан с разведкой, а затем был направлен в Париж, где принимал участие в подготовке ряда мирных договоров.

Из первого же продолжительного разговора с Кишем мне стало ясно, что рекомендация генерала была вполне оправданной. Совершенный англичанин по воспитанию, Киш, однако, происходил из семьи, имевшей некоторые связи с сионизмом: его отец был давним членом Ховевей Цион, поэтому наши проблемы не были ему полностью чужды. Я честно рассказал ему о трудностях задачи, которая встанет перед ним, если он начнет работать с нами. Он поставил лишь одно условие: я должен лично ввести его в курс дела. И вот в ноябре 1922 года мы вместе отправились в Палестину, и я имел возможность наблюдать за его первыми шагами в новой обстановке. Первые несколько месяцев он считался политическим офицером при Ие-

русалимском отделении и не имел формального статуса, но на Тринадцатом конгрессе, летом 1923 года, был введен в состав Иерусалимского отделения и с тех пор продолжал служить в Палестине вплоть до своей отставки в 1931 году, последовавшей за моим поражением на тогдашнем конгрессе.

Другим человеком, на плечах которого лежали весьма тяжелые обязанности (но справлялся он с ними великолепно), был Руппин. Он так умело организовывал наши поселения, они служили примером не только для Палестины, но и для многих других стран. Он стоял перед сложнейшей проблемой – превратить в земледельцев людей, которые по своему происхождению и воспитанию были горожанами и всю свою жизнь (как и их предки) не имели ничего общего с сельскохозяйственным трудом и не обладали соответствующими навыками. Они, действительно, иногда напоминали "ошметки гетто", как называли их наши враги. И вот этих-то людей нужно было учить, готовить к новой жизни в непривычном климате, на бесплодной, столетиями заброшенной земле, и все это – в эпоху, когда преобладающей миграционной тенденцией было, напротив, бегство из деревни в город. Мы, можно сказать, шли против течения, "пытались обратить время вспять" (еще одна излюбленная фраза наших оппонентов). Я уже говорил о конфликте, возникшем из-за этого в движении между теми, кто считал, что первостепенной задачей сионизма является создание городов и промышленности, и теми, кто, подобно мне, был убежден, что без прочного сельскохозяйственного фундамента невозможно заложить фундамент еврейской культуры, еврейского образования и даже – еврейской экономики. С ростом иммиграции эти разногласия во взглядах стали еще более острыми; в 1923 – 24 годах споры были в полном разгаре.

Руппин, невзирая на бушевавшие вокруг него полемические бури и оскорбления, которым он подвергался, спокойно продолжал проводить в жизнь свою по-

селенческую программу. Если сегодня Палестина может похвастаться почти тремястами поселений, она обязана этим, главным образом, стойкости и прозорливости Руппина, его глубокому пониманию характера восточноевропейских евреев. Сам выходец из Западной Европы, он сумел найти пути и способы адаптации к тяжелым условиям сельскохозяйственного труда в Палестине для евреев из Восточной Европы.

Одним из важнейших его достижений оказалось коллективное поселение – киббуц, в котором Руппин создал условия, наиболее подходящие для сельскохозяйственной подготовки новоприбывших. В то же время, в соответствии с его замыслом, киббуц представлял собой ту элементарную общественную ячейку, которая способна обосноваться и самостоятельно содержать себя даже в самых отдаленных и слаборазвитых районах страны. В те времена дорог в Палестине было мало, состояние их было ужасным, и новые поселения были обречены на месяцы, если не на годы возможной изоляции. Обособленная ферма или поселение независимых фермеров не смогли бы существовать в подобных условиях.

Однако киббуцы столкнулись с крайне враждебным отношением к ним определенной части членов сионистского движения, а также широкой публики. Их противники – как внутри движения, так и вне его – писали и говорили о киббуцах много чепухи. Утверждали, что это "коммунистические" (то есть "большевистские") ячейки, что мужчины и женщины живут там скопом и спят вповалку, что это притоны разврата, разбросанные по Святой земле. Как правило, это говорили люди, никогда не бывавшие в киббуце, или, что еще хуже, заезжавшие туда на полчаса. В действительности киббуцы были основаны на принципах коллективной купли-продажи, отказа от наемного труда и на общественном владении землей. Пятьдесят лет назад это звучало утопически; в сегодняшней Палестине – это вполне зримая реальность. Поселения укоренились,

они удобно и красиво спланированы, сами поселенцы энергичны, жизнерадостны, любят свою работу, любят страну и растят молодое поколение, которое гордится своими сельскохозяйственными достижениями, поколение деятельное, честное, независимое, лишенное каких бы то ни было свойств жителей гетто и превратившееся в нормальный, здоровый, уважающий себя фермерский класс.

Их путь был нелегок. Из-за недостатка средств работы затягивались и становились дороже, причиняя множество излишних сложностей. В первые годы, посещая поселения, я страдал от сознания, что поселенцы стараются скрыть от нас подлинные размеры своих трудностей. Я никогда не слышал от них жалоб, но их глаза говорили больше, чем слова. Подумать только – они сами успокаивали меня, убеждали в том, что "придут лучшие времена"!

Руппина и его коллег часто обвиняли в доктринерстве – в том, что они больше были заинтересованы в доказательстве правильности своих концепций, чем в непосредственных результатах. Но справедливо было прямо противоположное: Руппин был заинтересован прежде всего в практических результатах. Он утверждал, что киббуц обходится (в пересчете на одного поселенца) дешевле, чем любая другая форма освоения новых земель. Вдобавок киббуц был более приспособлен к самообороне – особенно в отдаленных, изолированных районах. Будущее полностью подтвердило, как был прав Руппин, настаивая на организации поселений этого типа.

Взгляды Руппина на практическую деятельность естественным образом привели его к союзу со мной в моей "парламентской борьбе" на конгрессах. Не менее последовательно и действенно помогал мне Шмарья Левин, но с ним все происходило иначе: каким-то непостижимым образом, без слов, без предварительных соглашений, мы всегда оказывались по одну и ту же сторону баррикады. Так произошло в годы нашего

спора с Герцлем по поводу того, что тогда называлось "политическим сионизмом", так было и во время разных дебатов на последующих конгрессах. Еще одним нашим союзником в борьбе был Элиэзер Каплан, который позже стал казначеем Еврейского Агентства и пользовался большим авторитетом среди рабочих.

Уже упомянутый мною Хаим Арлозоров, тоже наш верный союзник и единомышленник, был среди нас самым молодым. Он обладал блестящим умом и замечательно умел пропагандировать наши взгляды на сионизм среди молодого поколения. Он выполнял эту работу с большим рвением и неиссякаемой энергией. Позднее он стал главой политического отдела Иерусалимского отделения, и уже с 1922 года выдвинулся в число ведущих фигур на всех наших конференциях и конгрессах. Он вел беспощадную борьбу с группой экстремистов, позже составившей ревизионистское движение.

Арлозоров был превосходно образован. Он был одним из немногих, кто одинаково хорошо знал и Восток, и Запад, поэтому он как нельзя более подходил к своей должности. К несчастью, его жизнь и блестящая карьера были прерваны в 1933 году рукой убийцы. Он был убит ночью, на тель-авивском берегу. Его смерть до сих пор осталась для нас невосполнимой утратой.

В 1922 – 23 годах наши споры еще не достигли накала, характерного для них позднее; но и тогда полемика была достаточно острой. С 1923 года характер нашей иммиграции начал меняться. Среди ранних иммигрантов преобладали в основном *халуцим,* а с 1923 года сертификаты на въезд в страну было разрешено выдавать тем, кто располагает суммой в две тысячи пятьсот долларов (категория так называемых "капиталистов"), и многие русские евреи, застрявшие после войны в Польше, получили долгожданную возможность эмигрировать в Палестину. Цифры иммиграции росли из месяца в месяц, но одновременно, к сожалению, росла и безработица (хотя и более медленно). Я

ощущал тревогу. Нет спора, даже эти "капиталисты" привносили в страну значительные средства; однако их возможности делать капиталовложения в промышленность, розничную и оптовую торговлю в Палестине были крайне ограниченными. Многочисленные магазинчики, плодившиеся, как грибы, в Тель-Авиве и Хайфе, внушали беспокойство. Новые иммигранты не были *халуцим;* они вовсе не склонны были "затягивать пояса". Некоторые из них обнаруживали антисоциальные черты: казалось, что они никогда не были сионистами и не видели особого различия между Палестиной и, к примеру, Соединенными Штатами.

Многие из них не знали иврита, и вскоре пошли невеселые разговоры, что если так пойдет и дальше, то в Тель-Авиве будет слышен только один идиш. Даже случайный наблюдатель не мог не увидеть, что новая иммиграция принесла с собой атмосферу старого гетто. В конце концов я почувствовал, что необходимо сказать об этом вслух. Говорить пришлось не один раз, и речь, произнесенная мною в Иерусалиме в октябре 1924 года, – одна из многих на эту тему. Среди прочего я сказал тогда: "Когда приезжаешь из Изреельской долины в Тель-Авив, то кажется, что попал в иной мир. Конечно, меня радует рост иммиграции, радует, что корабли привозят тысячи людей, готовых рискнуть всеми своими сбережениями. Не преуменьшаю я и важности этой иммиграции для нашей реконструкционной работы. Наши братья и сестры с улиц Дзика и Налевки (я назвал районы Варшавского гетто) – это плоть от нашей плоти и кровь от нашей крови. И тем не менее мы обязаны позаботиться о том, чтобы направить этот поток в нужное русло и не дать ему отвлечь нас в сторону от нашей цели. Мы обязаны помнить, что не собираемся устраивать наш Национальный очаг как повторение Дзики или Налевок. Мы всегда были уверены, что гетто – всего лишь этап на нашем пути; ныне мы вернулись домой и строим навечно".

Из-за этой речи меня возненавидело множество

польских евреев – впоследствии я так и не смог избавиться от их ненависти. Безусловно, я мог бы высказать свои мысли и в более тактичной форме, но чувства взяли верх над разумом. Мои высказывания навлекли на меня неприязнь новых иммигрантов: они считали себя ничем не хуже поселенцев Дгании и Нахалала и обвиняли меня в пристрастии и дискриминации. Но, конечно, дело было совсем не в этом. Я прекрасно понимал значение мелкого капитала для палестинской экономики, высоко ценил трудолюбие, усердие и бережливость этих людей. Но я опасался, что на ранней стадии развития Эрец-Исраэль чересчур высокий процент "лавочников" может перевесить чашу весов. Я опасался также, что многих из них ожидает разочарование, если они потеряют свои сбережения, и тогда они захотят вернуться в свою Польшу или Румынию, а это было бы катастрофой для нашего движения. В конце концов нечто вроде этого и случилось, хотя, к счастью, в небольших масштабах, но как бы то ни было, тяжелых и горьких последствий мы не сумели избежать.

Все это было тем более неприятно, что по своим человеческим качествам новые иммигранты были замечательными людьми. Когда я снова приехал в Палестину осенью 1924 года, чтобы провести праздники в Тель-Авиве, где тогда жила моя мать, мне представилась возможность посетить маленькие мастерские, созданные новыми иммигрантами. Зачастую вся такая мастерская состояла из одной большой комнаты с пристройкой, где располагался ткацкий станок, за которым сидел глава семьи – обычно человек преклонного возраста – со своим сыном или дочерью. Я не раз спрашивал этих "предпринимателей", обеспечивают ли подобные крохотные мастерские хотя бы минимальный доход семье, и всегда слышал в ответ: "Доктор Вейцман, не беспокойтесь об экономической стороне, с этим мы как-нибудь справимся, вот увидите. Вы лучше постарайтесь, чтобы в Палестину приехало побольше евреев".

Так или иначе, мы прошли через этот период поисков и ошибок. Сегодня некоторые из тех крошечных мастерских выросли в настоящие современные предприятия. Мы сумели позже основать нечто вроде промышленного банка, ссужавшего деньгами мелких лавочников и предпринимателей в городах; помогал им и Англо-Палестинский банк. И тем не менее, у них, боюсь, были причины для недовольства Правлением и лично мною: в то время, как сельскохозяйственные поселенцы могли рассчитывать на совет и помощь Сионистской организации, горожане были предоставлены самим себе. Но тогда нам было абсолютно не под силу помогать всем, и мы – в особенности я – считали, что сельское хозяйство на данном этапе для нас важнее.

Глава 27

ЕВРЕЙСКОЕ АГЕНСТВО

Семь лет отделяют создание Еврейского Агентства от ратификации мандата. Все это время мысли о необходимости существования подобной организации неотступно преследовали меня.

Четвертая статья устава мандата гласила: "Соответствующее Еврейское Агентство получит статус общественной организации, в задачи которой входят консультации и сотрудничество с палестинской администрацией в тех экономических, социальных и других вопросах, которые существенны для создания еврейского Национального очага... Сионистская организация... может быть признана такой организацией. Она должна предпринять меры... для привлечения к сотрудничеству всех евреев, которые хотят участвовать в создании еврейского Национального очага". Таким образом, в мандате был предусмотрен весьма широкий и представительный состав Еврейского Агентства. Я серьезно думал прежде всего (хотя ни в коем случае не исключительно) о привлечении к работе в Еврейском Агентстве лидеров американского еврейства, являвшегося опорой "Джойнта". Филантропическая деятельность этой организации имела широкий охват и временами включала также Палестину, хотя и в качестве периферийного объекта. Во время и после Первой мировой войны "Джойнт" проделал огромную работу, помогая европейскому еврейству. Однако мне, убежденному, что единственный путь реального и надежного решения еврейской проблемы состоит в создании ев-

рейского Национального очага, стремление этой организации упрочить положение европейских евреев казалось трагическим заблуждением. Трудно было спокойно смотреть, как сотрудники "Джойнта" бросают миллионы в эту бездонную пропасть вместо того, чтобы направить эти средства в Палестину и обеспечить таким способом будущее тех евреев, у которых в Европе его вовсе не было.

Нас, сионистов, они обвиняли в демагогии – в том, что мы больше заинтересованы в создании еврейского Национального очага, чем в спасении евреев. В действительности именно они зачастую поступали как демагоги, с готовностью поддерживая любое начинание, лишь бы только оно не впутывало их в то, что они называли "еврейским национализмом". Ярким тому примером может служить их отношение к проекту создания Еврейской автономной области в Советской России, под которую был сначала отведен Крым. Это был вполне разумный проект – хотя он затрагивал, конечно, только русских евреев и никак не мог повлиять на положение евреев Польши, Румынии и других стран. Я думаю, что крымский проект был искренней попыткой советской власти "нормализовать" положение того слоя еврейского населения, который не вписывался в экономическую структуру Советской России, то есть представителей среднего класса и мелких торговцев, которым при новом режиме угрожала голодная смерть. Хотя проект таил в себе определенные опасности, у нас не было достаточных оснований возражать против него. Сионисты не видели особой необходимости ни поддерживать эту затею, ни стараться препятствовать ее претворению в жизнь. Но многие несионисты видели особое преимущество этого плана именно в том, что он не имел отношения к Палестине и "еврейскому национализму", – а в действительности мог даже отвлечь евреев от Палестины. Эта позиция некоторых несионистов, в свою очередь, укрепила позиции тех сионистских групп, которые по разным причинам (о чем ниже)

противились созданию расширенного Еврейского Агентства с включением в него "Джойнта".

Несионисты щедро жертвовали не только на евреев (исключая палестинских, разумеется). Примером может служить Юлиус Розенвальд, филантроп широкого размаха. Когда речь шла об университете для негров, о "Народном музее" в Мюнхене, о зубоврачебной школе в Берлине, его кошелек казался бездонным. Но в Палестине он давал деньги только на учительский семинар в Иерусалиме, да еще на Опытную сельскохозяйственную станцию в Атлите. При этом он живо интересовался всеми палестинскими делами, читал все наши публикации, а при личных встречах неизменно заявлял: "Если вы сумеете меня убедить, что ваша палестинская затея -- дело перспективное, получите все мои деньги!" Убедить его, разумеется, было невозможно. Помню, он как-то сказал Шмарье Левину: "Послушайте, чего вы еще хотите: я построил виллу возле Чикаго и назвал ее "Тель-Авив". На что Левин ему ответил: "Только одного – чтобы вы построили виллу возле Тель-Авива и назвали ее "Чикаго"...

Противники Еврейского Агентства среди сионистов выступали двумя фронтами. С одной стороны, существовала группа Брандайза, которая считала, что роль Агентства должна выполнять сама Сионистская организация, поскольку, по их мнению, она перестала быть политической организацией. Но эта группа отошла от практических дел, и с ее возражениями можно было не считаться. Гораздо серьезнее был "второй фронт". Многие европейские и некоторые американские сионисты опасались включения в Агентство богатых американских евреев-ассимиляторов, поскольку Агентство должно было иметь решающий голос в вопросах, связанных с Палестиной. Они опасались, что это повернет всю нашу работу в сторону дряблой филантропии, и обвиняли меня в том, что я пытаюсь чуть ли не силой втянуть "ассимиляторов" в нашу работу. "Если они хотят сотрудничать с нами, – говорили эти оппонен-

ты, – то двери Сионистской организации для них открыты, – пусть становятся сионистами". Что было, разумеется, абсолютно бесполезно: эти люди вовсе не жаждали вступать в Сионистскую организацию.

Вопрос о создании Еврейского Агентства обсуждался на заседаниях нашего Исполнительного комитета, на конференциях и конгрессах не менее бурно, чем вопросы наших отношений с Великобританией. Но в конце концов, незадолго до моего очередного отъезда в Америку в феврале 1923 года, на сессии Исполнительного комитета в Берлине была принята резолюция, в общих чертах одобрявшая создание Еврейского Агентства и выдвигавшая в качестве основного принципа предстоящих переговоров требование, чтобы "контрольный орган Еврейского Агентства отвечал за свои действия перед организацией, представляющей еврейский народ". Это великолепное по своей расплывчатости определение развязывало нам руки, но, с другой стороны – оставляло лазейку для сторонников идеи "Всемирного Еврейского Конгресса".

Было два пути привлечения к нашей работе тех евреев, которые не хотели объявлять себя сионистами. Во-первых – создание такого Всемирного Еврейского Конгресса, делегаты которого избирались бы от каждой еврейской общины. Хотя это казалось вполне разумным, но на практике было почти неосуществимым, ибо именно те евреи, которых по этому проекту предполагалось собрать, вовсе не поддерживали эту идею. Следовательно, такой конгресс, даже если бы его удалось создать, был бы не более, чем расширенным вариантом Сионистской организации. Поэтому ясно было, что реальной возможностью объединения еврейских сил было приглашение различных уже существующих организаций, работающих в других областях, которые могли бы сотрудничать с нами, не теряя своего специфического характера. Это и был тот путь, который я предложил и который в конце концов был принят.

Любопытно, что в то время, как ультрасионисты нападали на этот план, как на "антидемократический", палестинские рабочие, самая демократическая часть ишува, полностью его поддержали. Это объяснялось тем, что лидеры рабочего движения обладали немалым практическим опытом. Они понимали, как необходимы были нам новые источники доходов и новые силы. Они видели определенные опасности этого плана, но сходились со мной в том, что было бы тягчайшей ошибкой исключить эти сильные и многочисленные группы американского еврейства из нашей работы на основании чисто формальных соображений.

Такова была ситуация внутри сионистского движения. Но и среди самих американских евреев было немало таких, кто выступал против создания Еврейского Агентства. Главными противниками были сотрудники "Джойнта": они не избирались, как члены нашего Правления, а назначались, и потому делали все возможное, чтобы не допустить создания Агентства, поскольку боялись потерять свои привилегии.

Во время моих визитов в Америку и переговоров об Агентстве я посетил многие американские общины. Они не были всюду одинаковыми. Чикаго, например, был трудным для нас городом, потому что там сильно было влияние Розенвальда. Еще труднее приходилось в Цинциннати, где община состояла главным образом из евреев немецкого происхождения, притом сильно ассимилированных. Но здесь, правда, была, хоть и маломощная, община русских евреев, которые изо всех сил стремились сохранить остатки сионистского духа. В целом, чем дальше на запад, тем больше были трудности. Калифорния была вообще совершенно иным миром, абсолютно далеким от еврейских проблем.

Все же бывали и удачи. В Чикаго, например, я повстречался с двумя толковыми, работящими сионистами – Альбертом Эпштейном и Бенджамином Гарисом. Совсем неожиданное "открытие" ожидало меня в Нью-Орлеане, где я встретился с выдающейся лич-

ностью – "банановым королем" Сэмюэлом Земмураем. Земмурай приехал в Штаты из Кишинева очень молодым и первые годы занимался самыми разными вещами, включая торговлю с лотка бананами. Заработанных денег ему хватило, чтобы добраться до Нью-Орлеана, где он решил продолжить свое дело. К тому времени, когда мы встретились, он уже был владельцем огромных плантаций в Гондурасе и имел собственный флот судов-рефрижераторов. Впоследствии он стал владельцем "Юнайтед Фрут Компани" – одной из самых мощных американских компаний-производителей. Успех не помешал ему сохранить простоту, исключительную честность, живой интерес к людям и готовность им помочь. В часы досуга он занимался математикой и музыкой, получая от этого истинное удовольствие. Говорили, что всем достигнутым он обязан тому, что искренне заботился о жизненном уровне своих рабочих, чего никак нельзя сказать о большинстве его конкурентов. Он строил для рабочих больницы, школы, зоны отдыха и образцовые деревни. В процессе одного такого строительства случайно были открыты некоторые замечательные памятники культуры майя. Большая часть из коллекции древностей Земмурая выставлена теперь в Нью-Орлеанском университете.

Встреча с Земмураем была одним из самых замечательных событий того моего визита в Америку. Впоследствии я ни разу не пропускал возможности с ним увидеться. Он не принимал прямого участия в нашей работе, но постоянно интересовался ею и щедро жертвовал. Он был очень подавлен "Белой книгой" 1939 года – подавлен, но все же уверен в нашей конечной победе. Несмотря на свое огорчение по поводу "Белой книги", он тем не менее в начале войны передал большую часть своих судов Великобритании.

Но, пожалуй, достаточно уже о всякого рода трудностях, которыми сопровождалось создание Еврейского Агентства. Я отдал этому делу многие годы своей жизни, но, как это часто бывает, в самый момент

триумфа мы получили самый тяжелый удар, даже несколько.

Учредительное собрание Еврейского Агентства состоялось в августе 1929 года в Цюрихе. Оппозиция сионистов была преодолена, внешняя оппозиция тоже ослабла. Подлинный цвет еврейских лидеров несионистского мира объявил о своей готовности сотрудничать с сионистами в их практической работе в Палестине. В состав Еврейского Агентства входили многие выдающиеся евреи нашего времени. В нем были представлены все общины, все классы, все роды деятельности – от Леона Блюма, влиятельного социалистического лидера, до Маршалла и Варбурга, правых по убеждениям; от лорда Мелчетта, одного из ведущих промышленников Англии, до Альберта Эйнштейна, великого ученого, и Хаима Нахмана Бялика, поэта.

В конце заседания я имел продолжительную беседу с Маршаллом и Варбургом, которые заверяли меня в том, что теперь все наши финансовые трудности позади: мне не придется больше разъезжать по странам с речами и просьбами о пожертвованиях в бюджет Сионистской организации. А через несколько дней, когда сионисты и несионисты во всем мире поздравляли друг друга с созданием Еврейского Агентства, вспыхнули палестинские волнения. 11 сентября на операционном столе умер Маршалл, лидер несионистского крыла Агентства. Еще через несколько недель разразился страшный экономический кризис 1929 года, за которым последовала длительная депрессия, ударившая именно по тем источникам, на которые рассчитывало только что созданное Еврейское Агентство.

Но было бы неверно думать, будто это свело на нет всю нашу предшествующую работу. Важнейшим ее результатом было сближение сионистских и несионистских частей еврейства, преодоление представлений, будто создание еврейского Национального очага – это фантастическая утопия, навязчивая идея нескольких

мессиански настроенных выходцев из гетто. Сегодня, спустя двадцать лет, никого уже не удивляет участие в нашей работе виднейших мировых деятелей: мрачные события последних лет способствовали их переходу на нашу сторону. Но не следует забывать, что первые шаги к этому были сделаны еще тогда, в результате многих лет терпеливых убеждений и переговоров.

Глава 28

ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОЧАГ

1920 – 1929 годы были периодом закладки фундамента еврейского Национального очага в Палестине. Естественно, они сопровождались успехами, надеждами и разочарованиями. Прочность этого фундамента выявилась лишь в последующие годы. Это было также время нового подъема антисемитизма во всей Европе и возникновения нацизма в Германии, что заставило нас внести в нашу работу по репатриации европейских евреев новые, особенно энергичные методы.

Среди событий этих лет выделяется одно, на котором моя память останавливается с удовольствием, поскольку оно имело большое практическое и даже символическое значение. Это – открытие Еврейского университета.

Как читатель, может быть, помнит, первым шагом к осуществлению этой мечты было приобретение – в самый разгар Первой мировой войны – участка земли на горе Скопус. Вторым шагом было сооружение поблизости "Мемориала Вольфсона" – библиотечного корпуса, предназначенного для большого собрания книг, уже скопившегося в Еврейской национальной библиотеке. Стоило нам приступить к строительству этого корпуса, как книги стали поступать со всех концов земли; особенно повезло отделу ориенталистики, который быстро приобрел высокую репутацию. За постройкой библиотечного корпуса последовало вскоре открытие

Института ориенталистики*, помещавшегося до этого в частном здании.

Здание на горе Скопус было полностью перестроено, чтобы вместить Институты микробиологии и биохимии, первый – под руководством профессора Шаула Адлера (прежде работавшего в Лидсе), второй – под началом профессора Фодора. Оба ученых посвятили много времени приобретению оборудования и созданию лабораторий. Теперь у нас появился и факультет естественных наук, во всяком случае, в зародыше.

Но самым популярным среди факультетов был, разумеется, Институт иудаистики. Его создание вызвало такой энтузиазм, что был момент, когда это меня стало даже пугать. Слишком многие связывали с ним романтические представления о крупнейшем центре еврейского просвещения и литературы. Его патронировали главные раввины Лондона и Парижа, в состав его Совета входил сам д-р Магнес. Возникала опасность, что Институт иудаистики превратится в своего рода теологическую академию (наподобие тех, что существовали в Лондоне, Бреслау и Филадельфии) вместо того, чтобы быть гуманитарным факультетом обычного университета. К счастью, эта опасность миновала, когда Совет Института иудаистики слился с общеуниверситетским.

Почему-то лишь немногие задумывались тогда над возможностью развертывания в Еврейском университете большой научной работы. Мне то и дело твердили, что мы никогда не сможем конкурировать с Кембриджем, Лондоном, Парижем и Харвардом в области физики, химии или математики. Я же понимал, что это заблуждение, которое в будущем рассеется. Я понимал, что следует всячески поощрять развитие научной работы в Иерусалиме как ради нее самой, так и потому, что она составляет органическую часть программы

* В западных университетах факультеты обычно принято называть институтами.

общего развития Палестины, и еще потому, что перспективы еврейского студенчества в ведущих университетах Европы становились все более и более неопределенными. В то время это последнее соображение было не более, чем смутным беспокойством, но последующие события показали, насколько оно было обоснованным.

Кроме того, мы располагали в Иерусалиме крупной больницей Ротшильда, которую вполне можно было использовать как базу для университетских исследований, а позже – и для обучения. Была еще опытная сельскохозяйственная станция с немалым штатом сотрудников, которая могла стать основой будущего сельскохозяйственного факультета.

Все вместе взятое было, на наш взгляд, неплохим началом – разумеется, в самых скромных масштабах Но я никогда и не верил, что такое серьезное учебное заведение, как университет, можно создать мгновенно, тем более в стране, находящейся в таком положении, как Палестина.

К весне 1925 года мы почувствовали, что сделано достаточно, чтобы провести формальную "церемонию открытия" Еврейского университета. Разумеется, на этом этапе мы еще не могли приступить к набору студентов, но уже собрался штат научных работников и вырисовывались контуры различных факультетов. Вот почему после длительных споров и раздумий мы решились разослать приглашения на церемонию открытия, которая должна была состояться 1 апреля 1925 года под председательством лорда Бальфура. Думаю, можно не говорить о том, что означала для нас немедленная и восторженная реакция на эти приглашения.

Ситуация в Палестине была довольно напряженной, но служба безопасности заверила нас, что можно не опасаться каких-либо серьезных помех со стороны арабов, если не считать вполне безобидных форм протеста в виде забастовок и закрытия нескольких арабских лавок в Иерусалиме, Яффе и Хайфе. И вот гости начали

прибывать в огромном количестве – представители университетов и научных обществ всего мира, не говоря уже о толпах туристов.

Для Киша, Эдера и меня это были очень напряженные дни. На нас легла ответственность за безопасность многих выдающихся людей, да еще в таких трудных условиях: из города на гору Скопус можно было добраться по одной-единственной дороге, к тому же очень узкой, не позволяющей машинам развернуться. Трудности были связаны и с местом, выбранным для церемонии. У нас еще не было зала, который мог бы вместить даже часть гостей, желающих присутствовать на церемонии, – мы рассчитывали на 12 – 14 тысяч человек. Единственным подходящим местом поблизости был большой естественный амфитеатр, спускавшийся в глубокое вади на северо-восточном склоне горы Скопус. В этом-то амфитеатре, следуя его скалистым уступам, мы расположили ряды скамей. Все это было, конечно, чистой импровизацией, но отличалось естественной красотой, которую не смогло бы создать никакое искусство.

Я несколько беспокоился за прочность деревянной платформы, на которой должны были располагаться почетные гости, но тут нас выручили молодые *халуцим*. Группа из двухсот добровольцев станцевала зажигательную "хору" на импровизированном помосте – и он выдержал. Эти же *халуцим* вызвались охранять амфитеатр в ночь накануне церемонии.

Простота обстановки с лихвой искупалась суровой величественностью картины, которая открывалась с этой части горы Скопус. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из поднявшихся на нее в этот день – а начали подниматься с самого рассвета – пожалел об отсутствии церемониального зала. Для приглашенных гостей мы оставили три-четыре передних ряда скамей. Остальным же были предоставлены все другие ряды "амфитеатра", и стоит ли добавлять, что задолго до начала церемонии они уже были заполнены до отказа?!

Примерно за полчаса до начала церемонии выступающие и некоторые почетные гости собрались в здании неподалеку, чтобы облачиться в академические мантии; затем эта маленькая живописная процессия проследовала к помосту. Навстречу им, с противоположной стороны, направилась группа гостей из правительственного здания. Появление лорда Бальфура вызвало оглушительные аплодисменты, сменившиеся полной тишиной, едва он занял свое место на помосте.

Это событие уже стало достоянием истории, и мне нет надобности подробно рассказывать о нем. Многие из выступавших были глубоко взволнованы. Некоторые, как и можно было ожидать, говорили слишком долго. Помню, я не мог отделаться от мысли, что Бялик (подумать только – Бялик!) слишком уж злоупотребляет терпением слушателей: он говорил на иврите, который многим присутствующим был непонятен. К тому же я знал, что с закатом резко похолодает, и боялся, что лорд Бальфур (которому уже исполнилось 77 лет), да и некоторые другие гости, могут простудиться, так как явились на церемонию с непокрытыми головами и без верхней одежды. Все же нам удалось закончить церемонию до заката. Все прошло спокойно, без происшествий. Гости отправились отдохнуть перед приготовленным для них вечерним приемом, а мы все – участники подготовки церемонии – облегченно вздохнули, поняв, что все обошлось благополучно.

Приглашая лорда Бальфура в Палестину, мы ни в коем случае не намеревались утомлять его. Мы не учли, что гость сам захочет внести коррективы в наши планы. Ему понравилось то, что он увидел, и теперь он захотел увидеть как можно больше. Куда бы он ни приезжал, его ждали радушный прием и приветственная речь (которую я всегда пытался сделать как можно более краткой). Бальфуру явно нравилось отвечать на все эти речи. Он даже сказал однажды, что наша поездка напоминает ему предвыборные разъезды

по Англии, с той разницей, что тут все – в одном и том же лагере.

Самой впечатляющей в нашем маршруте оказалась поездка в Тель-Авив. Мы выехали утром из Иерусалима и остановились перекусить в сельскохозяйственной школе в Микве-Исраэль, в нескольких километрах от Тель-Авива. Был подан легкий завтрак, после которого Бальфур отправился отдохнуть, а я и еще несколько сопровождающих двинулись в Тель-Авив "на разведку". Толпы, встреченные нами уже на въезде в город, и поразили, и напугали нас. Главные улицы – Алленби и Герцля – представляли собой сплошные человеческие стены; каждый балкон, каждое окно, каждая крыша были забиты людьми. Они ждали уже несколько часов. Но мэр города, Меир Дизенгоф, заверил меня, что им приняты вполне надежные меры для сохранения порядка, и мы вернулись в Микве-Исраэль за остальными.

Мы въехали в Тель-Авив ранним утром, в открытой машине. Энтузиазм, с которым встречали Бальфура, не поддается описанию. На улице Герцля нас встретила группа еврейских женщин из Польши, которые плакали от радости; то одна, то другая из них прорывались вперед, чтобы осторожно коснуться корпуса машины или рукава Бальфура и благословить гостя. Видно было, что тот глубоко тронут. Машина медленно продвигалась сквозь толпу. Повсюду царил образцовый порядок, и мы в положенное время достигли "улицы Бальфура", которую лорду Бальфуру предстояло в этот день открыть. Здесь его приветствовали представители муниципалитета и состоялась короткая церемония. Затем мы направились в гимназию "Герцлия", где ученики показали гимнастические упражнения, и их выступление произвело на гостей огромное впечатление.

На следующий день мы совершили короткую поездку в Ришон-ле-Цион и Петах-Тикву, а затем повернули на север, к Хайфе, где Бальфура ожидал не менее замечательный прием в Технионе, официально открытом

почти одновременно с Еврейским университетом. Отсюда мы направились в Изреельскую долину. На всем пути Бальфур вступал в беседу с поселенцами – во всяком случае, с теми из них, кто понимал английский. Он был поражен их видом и внутренним достоинством: стройные, загорелые, спокойные, уверенные в себе, они разительно отличались от беспокойных, нервных евреев городского типа. Их дети были явно детьми, выросшими на земле, – простые, скромные, естественно веселые. Бальфур проявлял живой интерес ко всем и ко всему. В конце поездки он обронил: "Мне кажется, первые христиане были чем-то на них похожи". И добавил: "Как великолепно они вписываются в здешний пейзаж!"

Наш маршрут заканчивался в Назарете, куда мы прибыли поздним вечером, при свете полной луны. На следующий день группе Бальфура предстояло отправиться в Сирию, я же собирался вернуться в Хайфу, чтобы провести вместе с матерью праздник Песах, так что это было уже мое окончательное расставание с Бальфуром. Помню, как мы в ту ночь отправились с Эдуардом Ласельсом по дороге в Назарет и повстречали нескольких молодых арабов, которые настойчиво предлагали показать нам город. Мы разговорились, и они рассказали, что только что приехали в Назарет, чтобы повидать "великого еврея Бальфура". Мы пытались убедить их, что они ошибаются, но они были твердо уверены, что Бальфур – еврей и прибыл затем, чтобы передать Палестину евреям. Все это говорилось без всякой горечи, напротив – совершенно спокойно и даже как бы в шутку. Можно было только догадываться, как глубоко вошла в их сознание антиеврейская пропаганда.

Из Александрии Бальфур прислал мне очень теплое письмо, в котором благодарил за предоставленную ему возможность посетить Палестину. В нем он писал: "Главной целью моего визита было открытие Еврейского университета. Но даже самые высокие духовные

и моральные начинания не могут быть до конца успешными, если не сопровождаются серьезными материальными достижениями. Вот почему я был особенно рад увидеть преуспевающие еврейские поселения, которые свидетельствуют о прочности и силе растущего еврейского Национального очага".

В последующие недели я часто размышлял о состоявшейся церемонии и о тех критических замечаниях, которые она вызвала. Даже д-р Магнес, который вот-вот должен был стать главой Иерусалимского университета, склонен был недооценивать значение этого события из-за чрезмерной, на его взгляд, "политизированности". Я никак не мог понять, почему он видит в церемонии открытия Еврейского университета "политический акт", а если даже и так, то почему это снижает ее значение. По-видимому, создание любого крупного учреждения в Палестине – да, пожалуй, и где угодно – всегда с неизбежностью становится "политическим актом". Само существование еврейского Национального очага было политическим актом. Впрочем, я догадывался, что в глазах д-ра Магнеса политика является чем-то весьма низменным. Другие критики заявляли, что истинные масштабы Иерусалимского университета не оправдывают "размаха" и "торжественности" церемонии. В некотором смысле я был с ними согласен. Действительно, у нас еще не было настоящего университета; у нас был только его зародыш. В каком-то отношении это напоминало ситуацию с нашим Национальным очагом: младенец, но с большими задатками. Я считал, что этот "младенец" (университет) нуждается в таком воздействии извне, которое могло бы вдохнуть в него жизненную энергию, и церемония открытия оказалась как раз таким воздействием – не случайно вскоре после этого к нам стали поступать пожертвования от самых разных людей и обществ, в том числе и от таких, которые раньше были совершенно равнодушны к палестинским делам. Да и на зарубежный научный мир церемония произвела глубокое впечатле-

ние. Ученые и исследователи разных стран побывали в в стране и своими глазами увидели, что нами сделано. Это побудило многих прежних скептиков пересмотреть свои взгляды.

Наконец, церемония открытия университета стала событием, объединившим наших еврейских и нееврейских друзей в диаспоре. Многие нееврейские научные общества провели в эти же дни специальные сессии. Мы получили, например, приветственное послание из Парижа, где самые выдающиеся люди собрались в этот день под председательством Леона Блюма; приветствия поступили также из Нью-Йорка, Чикаго, Стокгольма и – как это ни кажется невероятным сегодня – из Берлина, Франкфурта и Лейпцига.

Меньше чем через четверть века наше детище на горе Скопус превратилось в полноправное научное и учебное заведение, во многих отношениях достойное сравнения со старинными храмами науки Западной Европы. Оглядываясь назад, я продолжаю думать, что столь быстрое развитие было бы невозможно, если бы не огромный общественный резонанс, вызванный церемонией открытия университета 1 апреля 1925 года, когда Бальфур, подобно пророкам древности, поднялся на гору Скопус и возвестил миру, что здесь будет создан великий центр просвещения. Бальфур провидел его очертания в тех нескольких небольших сооружениях, которые составляли тогда основу будущего университета.

Я уже говорил, что для меня церемония открытия Еврейского университета была высшей точкой деятельности, полной трудностей и тревог, периода чередовавшихся успехов и разочарований, периода, когда закладывался фундамент еврейского Национального очага.

Первые признаки заката европейского еврейства были уже налицо. В 1923 году Гитлер дебютировал на немецкой политической арене. В 1924 году была опубликована "Майн кампф", открыто призывавшая к истреблению еврейского народа. Аналогичные симптомы

наблюдались в Румынии, Венгрии и Польше. Теперь большинство уже забыло об этих первых тревожных сигналах, а в то время лишь очень немногие правильно расшифровали их значение. Но и тогда были люди – главным образом сионисты, – которые предупреждали о приближающейся опасности. На Конгрессе 1923 года Соколов всю свою речь посвятил угрозе нового взрыва антисемитизма, а всем было известно, что он не из тех, кто пугает понапрасну.

Наряду со зловещими предзнаменованиями проявилась тенденция сузить политическую базу еврейского Национального очага. В Англии критика мандатной политики в отношении Палестины раздавалась в обеих палатах парламента. Но больше всего нас тревожили признаки постоянного стремления британского правительства перенести акцент с динамических аспектов мандата на статические, иными словами – рассматривать еврейский Национальный очаг не как развивающийся организм, а как нечто уже устоявшееся и не подлежащее дальнейшему расширению и развитию. В "Белой книге" 1922 года, где Трансиордания произвольно была выделена из сферы действия палестинского мандата, предлагалось создать в Палестине "Законодательный Совет", который избирался бы всем населением Палестины, что на практике означало бы передачу Палестины арабскому большинству. Этот Совет так и не был создан, но в 1923 году нам был предложен еще один проект такого же рода. Британское правительство предложило арабам создать свое "Арабское Агентство", видимо, задуманное как противовес нашему Еврейскому Агентству, предусмотренному в тексте мандата. Трудно было понять, какие функции могло бы выполнять подобное "Арабское Агентство", поскольку оно явно не могло представлять никого, кроме арабов Палестины (что, кстати, тоже сомнительно). Впрочем, арабы отвергли это предложение с порога.

Во всех этих случаях мы оказывались в положении людей, которые якобы выступают против демократи-

ческих прав арабов. Лишь те, кто хоть немного представлял себе реальную структуру арабского общества, мог понять, какой насмешкой над демократией является предложение передать политическую власть в руки немногочисленной арабской верхушки.

Намек на "паритетность" мандата, то есть одинаковые права нескольких сот тысяч арабов Палестины и всего еврейского народа проскользнул и в отчеты Мандатной комиссии, состоявшей при Лиге Наций. В октябре 1924 года она опубликовала следующее заявление: "...политика мандатных властей в области иммиграции порождает резкие противоречия. Она не дает полного удовлетворения сионистам, которые считают создание еврейского Национального очага первоочередной задачей мандатных властей и выражают определенное недовольство ограничениями, накладываемыми на иммиграцию и приобретение земли для иммигрантов. С другой стороны, эта политика отвергается арабским большинством страны, которое отказывается принять идею еврейского Национального очага и рассматривает действия администрации как угрозу своему традиционному достоянию..."

Здесь исподволь проводится мысль, что политика в отношении Палестины должна касаться только арабского большинства и еврейского меньшинства в самой стране – мысль, перечеркивающая весь смысл Бальфурской декларации.

Все эти внешние трудности находили отражение в растущей напряженности внутри Сионистской организации, которая, будучи демократическим учреждением, предоставляла все возможности для высказываний оппозиционным элементам. На конференциях и конгрессах мне приходилось выслушивать многословные и все более яростные обвинения, и я даже жаловался в шутку, что у нашей организации есть уже, по крайней мере, один атрибут настоящего правительства – собственная оппозиция.

Владимир Жаботинский вышел из Правления вскоре

после опубликования "Белой книги" 1922, с которой он был не согласен (хотя до этого, как я уже говорил, вместе с другими коллегами подписал письмо, в котором соглашался ее принять). Он начал сколачивать Ревизионистскую партию (со временем превратившуюся в "Новую сионистскую организацию"), чтобы обеспечить себе необходимую поддержку. Он резко критиковал мою тактику, которую называл "фабианской", и обвинял меня в недостаточной активности и предприимчивости. "Мы обязаны бороться с британским правительством", – заявлял он. Странно было слышать, что он критиковал меня также за проведение церемонии открытия Еврейского университета. Он обвинял меня в том, что я пускаю пыль в глаза, и характеризовал церемонию как "дешевый спектакль", "громадную деревянную пустышку". По его мнению, церемония была сочетанием "политической самонадеянности и тошнотворной истерии".

Перешел в оппозицию и Менахем Усышкин. На заседании Исполнительного комитета, которое предшествовало созыву Конгресса 1923 года, он подверг наш образ действий суровому разбору: представил целую вереницу фактов, характеризующих враждебную оппозицию по отношению к евреям британской администрации в Палестине, указал на создаваемые этим трудности – и во всем этом обвинил меня. Когда я спросил, что сделал бы он сам на моем месте, Усышкин ответил: "Надо было протестовать! Требовать! Настаивать!" Это было все, что могли предложить наши критики. Они, казалось, не понимали, что непрерывное повторение протестов, требований и настояний снижает их значимость и роняет наше достоинство, сводя на нет все усилия. В ответ на критику я только еще раз подчеркнул, что единственный серьезный способ борьбы с возникающими трудностями состоит в усилении наших позиций путем привлечения в страну большего числа подходящих иммигрантов и приобретения новых земельных площадей.

Уже тогда я сознавал, что обречен вращаться в порочном кругу: чтобы добиться благожелательности мандатного правительства, мы должны были ускорить темпы нашего развития; но, чтобы ускорить эти темпы, необходима, прежде всего, благожелательность мандатных властей. Этот парадокс отравлял нам жизнь на протяжении тридцати лет.

Наш тягостный спор с Усышкиным окончился его уходом из Правления и назначением на его место Киша. Однако Усышкин продолжал играть заметную роль на всех наших совещаниях, а позднее согласился возглавить Еврейский Национальный Фонд. Годы постепенно разрушили возникший между нами барьер.

Таковы были внутренние конфликты в этот период. Все это время мы медленно, но неустанно продолжали строить фундамент нашего Национального очага. Мы пережили трудный этап в 1926, 1927 и, частично, в 1928 годах. Большая алия 1925 года, преимущественно состоявшая из мелких предпринимателей, породила тот кризис безработицы, которого я всегда опасался и о котором предупреждал. Первые признаки его появились уже в конце 1925 года. В следующем году в Палестине было уже шесть тысяч безработных, а в 1927 еще на тысячу больше. Начались забастовки, локауты, столкновения рабочих с предпринимателями. И при этом нам постоянно недоставало средств, потому что более богатые слои еврейства не торопились откликнуться на наши нужды. И несмотря на это, мы все же неуклонно продвигались вперед. К 1928 году, когда экономический кризис в Палестине ослабел, еврейское население страны выросло втрое по сравнению с 1918 годом: оно приближалось теперь к ста семидесяти тысячам. Безработица исчезла. Общая площадь земельных участков Еврейского Национального Фонда продолжала расти. В годы депрессии самым страшным симптомом было изменение направления эмиграции: в 1927 году эмигрировало из страны на три тысячи человек больше, чем приехало, и это было грозным пред-

знаменованием. Но в 1928 году направление потока снова изменилось, и алия стала непрерывно возрастать. Можно было позволить себе перевести дыхание.

Наши отношения с арабами – во всяком случае, внешне – не были абсолютно безнадежными. Немногочисленная верхушка, составлявшая опору так называемого "Арабского Исполнительного Комитета", продолжала протестовать и вести свою пропаганду за рубежом; но в самой Палестине все было спокойно. Тысячи арабских рабочих трудились на еврейских полях, и многие тысячи других неплохо зарабатывали, продавая свои продукты евреям.

В 1925 году сэр Герберт Сэмюэл ушел с поста Верховного комиссара. Его сменил фельдмаршал лорд Плюмер, авторитет и репутация которого сыграли положительную роль в предотвращении враждебных акций, замышляемых арабскими провокаторами. К сожалению, Плюмер недолго оставался на этом посту – всего три года. Его сменил сэр Джон Ченслер, человек значительно меньшего калибра.

Все эти годы большую часть времени я был занят разъездами. Я появлялся дома лишь на время коротких перерывов между поездками в Америку, Палестину, Германию, Францию, Голландию или Бельгию, не говоря уже о посещениях бесчисленных международных конференций. Я пытался способствовать нашему движению, устанавливая контакты с различными правительствами и еврейскими общинами, приобретая при этом многочисленных друзей в политических, художественных и научных кругах различных стран. Я уже начинал чувствовать себя как дома в Брюсселе, Париже и Сан-Франциско. Но где бы я ни был, ежегодно в конце лета или в начале зимы я выкраивал несколько недель, чтобы провести их с женой и детьми.

То были очень мирные, тихие недели, и почти всегда они проходили одинаково – какая-нибудь горная деревушка в Швейцарии или Тироле, долгие прогулки по холмам, среди скал и ледников; а когда погода в го-

рах начинала портиться, мы спускались на несколько дней в Мерано – маленький курорт.

Меня часто пытались отозвать в Лондон или еще куда-нибудь до конца намеченного срока, но я всегда решительно отказывался. Этот отдых был для меня святым делом, его я посвящал своей жене и детям, и с недовольством встречал любое посягательство на него, какими бы неотложными причинами оно ни было продиктовано. Я и сейчас убежден, что если бы не эти несколько недель абсолютного покоя, я бы никогда не сумел справиться со своими обязанностями в течение всего остального года. Лишь крайне редко мне удавалось вырвать еще семь-десять дней среди зимы, и тогда я проводил их, как правило, тоже в Швейцарии; но этот "второй отпуск" часто нарушался по различным причинам. В основном же я проводил свои зимы в Палестине или Америке, погруженный в трудную ежедневную работу.

Глава 29

ОТРАЖЕНИЕ УДАРОВ

Первое организационное собрание Еврейского Агентства открылось 11 августа 1929 года в Цюрихе, а четырнадцатого было подписано соглашение между сионистами и несионистами. Это собрание состоялось сразу же вслед за Шестнадцатым сионистским конгрессом, проходившим в том же городе с 28 июля по 11 августа. Когда заседания конгресса и Агентства подошли к концу, я был уже абсолютно вымотан, тем более, что прибыл в Цюрих, еще не оправившись после продолжительной болезни.

Я был без сил, но счастлив. Я уже говорил о том, что значило создание Еврейского Агентства для сионистского движения, какие надежды я возлагал на него, сколько труда в него вложил. Теперь я мечтал об одном из тех коротких отпусков, о которых упомянуто в конце предыдущей главы. И 23 августа мы с женой выехали из Цюриха в Венген, в Швейцарию, где нас уже ждал наш сын Майкл. Помню, какое ощущение счастья переполняло меня во время этой трехчасовой поездки, какое чувство покоя и радости я испытывал. С меня свалился груз забот, и я с уверенностью смотрел в будущее, сознавая, что мы стоим на пороге стремительного продвижения по пути воссоздания нашего Национального очага.

Мы прибыли в Венген вечером, и весь следующий день я отдыхал. Я не хотел думать о тех трудных годах, которые остались позади, мне не хотелось даже заглядывать в газеты. Но на второй день меня разбу-

дил посыльный, который доставил телеграмму. Пакет показался мне слишком толстым, и у меня возникло мгновенное предчувствие, что он содержит дурные вести. Я расстался с друзьями всего два дня назад и знал, что все они тоже намеревались отдохнуть. Что могла означать эта пространная телеграмма? Только одно: плохие вести из Палестины. Сначала я даже не решался вскрыть конверт, потом пересилил себя. Телеграмма начиналась словами: "Заместитель министра с прискорбием извещает..." В ней содержались первые сообщения о палестинских погромах 1929 года, во время которых сто пятьдесят евреев были убиты, сотни ранены и нанесен громадный материальный ущерб.

Меня точно громом поразило. Так вот он, ответ арабских лидеров на решения Шестнадцатого конгресса и создание Еврейского Агентства! Они поняли, что нам сопутствует удача и что вскоре наши дела в Палестине должны улучшиться. И вот они решили – неверно, как мы теперь знаем, – что нам можно помешать и нас можно запугать, устроив кровавую резню. Средства, которые были использованы для разжигания бунта, спекуляция на религиозном фанатизме, возбуждение слепых инстинктов толпы, сознательное извращение целей сионизма – все это давно и хорошо известно. Увы, известно также и поведение британской администрации во время этих кровавых беспорядков: равнодушие, беспомощность и враждебность к нам, что очень помогло арабским лидерам совершить задуманное.

Я тотчас стал пытаться звонить в Лондон, но все мои коллеги оказались в отпуску. Я чувствовал, что не могу оставаться в Венгене. Мы быстро договорились о присмотре за детьми, а сами выехали в Лондон.

Трудно передать состояние подавленности, которое охватило меня. Тогдашний министр колоний лорд Пасфилд (бывший Сидней Вебб), всегда проявлявший антипатию по отношению к сионистам, решительно не хо-

тел встречаться со мной. Мне удалось побеседовать только с леди Пасфилд (прежде Беатрисой Вебб), и вот что я услышал от нее: "Не понимаю, почему евреи поднимают такой шум из-за нескольких убитых в Палестине. В Лондоне каждый день погибает в авариях не меньше людей, но никто не обращает на это ни малейшего внимания".

Между тем колеса государственной машины уже начали вертеться, подготавливая политическое наступление на наши позиции в Палестине. Первым сигналом к атаке было создание так называемой "Комиссии Шоу", которая была послана в Палестину через два месяца после событий для расследования их "непосредственных причин" и выработки рекомендаций для сохранения мира в будущем. Отчет, представленный этой комиссией через несколько месяцев, бегло констатировал, что нападающей стороной были арабы. Но в нем ни словом не упоминалось о более чем странном поведении администрации, которая в разгар погромов публиковала одно коммюнике за другим, изображая погромы как "столкновения" между евреями и арабами. По этим коммюнике неискушенный человек мог бы заключить, что в Палестине идет война между двумя народами, а британская администрация является нейтральным охранителем закона и порядка. Не говоря уже о грубых передержках в характеристике поведения евреев во время событий, комиссия в своем отчете, хотя и между строк, пыталась оправдать арабских погромщиков (а также их подстрекателей), что не сулило нам ничего хорошего в будущем.

Затем была послана комиссия Симпсона. Сэр Джон Симпсон и его комиссия приехали в Палестину в мае 1930 года, чтобы расследовать проблемы, связанные с иммиграцией, приобретением земель и развитием еврейских поселений. Но еще прежде, чем отчет этой комиссии был опубликован (совместно с так называемой "Белой книгой" Пасфилда), правительство открыто заявило, что намерено прекратить иммиграцию, законо-

дательно ограничить приобретение земель, сузить компетенцию Еврейского Агентства и вообще ввести в Палестине такой режим, который превращал комиссию Симпсона либо в бессмысленную затею, либо в средство пропаганды уже предрешенной правительственной политики.

Я сумел в конце концов добиться приема у премьер-министра и в результате продолжительной беседы получил от него, как мне казалось, удовлетворительные заверения. Вскоре состоялась еще одна встреча с премьер-министром, на которой присутствовали с нашей стороны покойный лорд Рэдинг, лорд Мелчетт, Пинхас Рутенберг и я, а со стороны правительства – Джеймс Рамсей Макдональд, лорд Пасфилд и группа ответственных чиновников. Мы явились на эту встречу с жалобой на враждебное отношение лорда Пасфилда. Тот обещал устроить мне встречу с Симпсоном перед его отъездом в Палестину, а затем сознательно нарушил это обещание. Я очень вежливо, но без обиняков обвинил Пасфилда в бесчестном поступке. Он не произнес ни одного слова. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Тогда я сказал: "Есть одна вещь, которую евреи не смогут простить, – когда их обманывают". Премьер-министр улыбнулся, и вслед за ним широко заулыбались остальные. Я повернулся к ним и добавил: "Я не могу понять, как вы не видите моральной ответственности за обещания, которые вы дали евреям, и я глубоко сожалею о том, что вы так свободно обращаетесь с этими обещаниями". Их улыбки погасли.

Любопытно, что премьер-министр, по всей видимости, просто не понимал, до какой степени новый курс британской политики в Палестине противоречит духу и букве мандата. Не менее любопытно, что он тут же обрушил на нас поток заверений в своей благожелательности. Если бы кто-нибудь из нас вздумал поверить этим обещаниям, его ожидало бы жестокое разочарование. Ибо 21 октября 1930 года правительство

одновременно опубликовало отчет Симпсона и "Белую книгу" Пасфилда.

Здесь не место анализировать "Белую книгу" Пасфилда. Достаточно сказать, что все евреи – сторонники нашего дела, как сионисты, так и несионисты, а также многие наши благожелатели неевреи однозначно расценили ее как попытку – и вполне сознательную попытку – сделать нашу работу в Палестине абсолютно невозможной. Мне не оставалось ничего другого, как уйти с поста президента Еврейского Агентства. Этот мой резкий шаг был полностью поддержан лордом Мелчеттом, который ушел с поста председателя Совета Агентства, и Феликсом Варбургом, отказавшимся в знак протеста от членства в Административном комитете Агентства. Мы поняли, что Министерство колоний и палестинская администрация откровенно враждебны нам, и пока мы не изменим это положение, тщетно пытаться строить что-либо на том фундаменте, который мы так старательно закладывали в предшествующие годы.

Еврейский мир, разумеется, гневно протестовал. Эти протесты были поддержаны и влиятельными персонами нееврейского мира. Стенли Болдуин, сэр Остин Чемберлен, Леопольд Эмери, генерал Сматс, сэр Джон Саймон и множество других людей самых разных политических взглядов критиковали "Белую книгу" Пасфилда как несовместимую с мандатом на управление Палестиной, полученным Великобританией. Видимо, премьер-министр предвидел неблагоприятную реакцию, но не ожидал, что она будет столь сильной и резкой. За несколько дней до опубликования "Белой книги" – возможно, с целью смягчить мой протест – он предложил Еврейскому Агентству назначить комиссию, которая обсудила бы со специальным правительственным комитетом палестинскую политику. Артур Гендерсон был назначен председателем, а Малколм Макдональд – секретарем этого комитета. В нашу комиссию, кроме меня, вошли Леонард Штейн, Гарри Са-

кер, Гаролд Ласки, Джеймс де Ротшильд, профессор Бродецкий и профессор Нэмир. Борьба продолжалась всю зиму, мы пытались добиться утверждения двух основных принципов всей будущей политики британского правительства в Палестине. Первый из этих принципов преследовал цель предотвратить растущее стремление рассматривать мандат как документ, относящийся только к евреям, живущим в Палестине, и к палестинским арабам. На одном из заседаний я выразил это следующим образом: "Если обязательства мандатной державы будут сужены до обязательств в отношении ста семидесяти тысяч евреев и нескольких сот тысяч арабов, небольшого меньшинства и преобладающего большинства, тогда, разумеется, можно оправдать все, что заблагорассудится. Но обязательства мандатной державы в данном случае относятся ко всему еврейскому народу, и сто семьдесят тысяч евреев – это всего лишь его авангард. Я самым энергичным образом возражаю против формулирования обязательств мандатной державы как обязательств по отношению только к двум составным частям населения Палестины". Второй принцип вытекал из первого и был направлен против попыток заморозить создание и укрепление еврейского Национального очага на существующей стадии.

Я позволю себе еще раз процитировать протокол одного из заседаний комитета: "В параграфе десятом "Белой книги", – говорил я, – сказано, что "подстрекательство к беспорядку или насилию будет сурово наказываться, где бы они ни произошли". (Я видел в этой формулировке отражение политики палестинской администрации, пытающейся изображать из себя "нейтрального арбитра" между двумя враждующими и одинаково виновными группами населения). "Разумеется, – продолжал я, – намерение автора "Белой книги" состояло в том, чтобы придать объективность своим высказываниям. Если что-нибудь говорится против арабов, то следует что-то сказать и против евреев, и наоборот. Но я уверен, что правительству Его

Величества хорошо известно, что есть только одна группа, которая повинна в подстрекательстве, беспорядках, насилии и побоищах. Ни один арабский лидер не возвысил голоса протеста против бесчеловечного обращения с несчастными жертвами".

Лорд Пасфилд присутствовал на некоторых заседаниях и не скрывал, что именно он является вдохновителем и руководителем оппозиции всем нашим требованиям. Не знаю, какое влияние оказали наши доводы на правительство, и в какой мере последовавшие изменения были вызваны отрицательной реакцией общественности в Англии и за рубежом на политику Англии, но 13 февраля 1931 года было официально объявлено о новом изменении политики. Это было сделано, однако, не в виде опровержения "Белой книги" (что означало бы потерю лица), а в виде письма, направленного мне премьер-министром, зачитанного в Палате общин и опубликованного в парламентском бюллетене. На мой взгляд, это письмо – независимо от его формы – разряжало обстановку, о чем я и уведомил премьер-министра.

Однако на сионистском конгрессе в том же году я подвергся резкой критике за то, что согласился на официальное письмо с изложением иных политических принципов, а не потребовал другой "Белой книги". О том, кто был прав, я или мои критики, лучше всего говорят факты: именно в результате появления письма Макдональда произошел тот поворот в политике правительства и палестинской администрации, который позволил нам добиться таких впечатляющих успехов в последующие годы. Именно после опубликования этого письма иммиграция в Палестину была разрешена в размере 40 тысяч человек в 1934 и 62 тысяч человек в 1935 году – цифры, о которых мы раньше не смели и мечтать. Даже экстремист Жаботинский, выступая перед Комиссией Шоу, назвал цифру в 30 тысяч в год "вполне приемлемой".

Можно добавить еще два замечания. Погромы 1929

года до сих пор остаются самой крупной попыткой арабских лидеров запугать нас с помощью разъяренных толп и заставить прекратить нашу работу в Палестине. Эта попытка провалилась. И если эти погромы, помимо психологического эффекта, были рассчитаны на подрыв структуры нашего Национального очага, то и тут арабские лидеры просчитались. То, что мы построили, было уже достаточно прочным и достаточно надежным.

Точно так же и "Белая книга" Пасфилда может рассматриваться как самая прямая из всех предпринимавшихся до "Белой книги" 1939 года попыток взять назад обещания, которые были даны еврейскому народу в Бальфурской декларации. И эта атака на нас тоже была успешно отражена. Если бы мы все эти годы, с 1922 по 1929, концентрировали наши усилия только на получении различных заверений, деклараций, хартий и обещаний, пренебрегая реальным развитием Национального очага, мы наверняка не сумели бы справиться с потрясением, нанесенным нам погромами. И тогда атака британских властей не встретила бы сопротивления ни с нашей стороны, ни со стороны общественного мнения. Скорбные события 1929 – 30 годов были суровым испытанием для нас, и мы вышли с честью из этого испытания.

Глава 30

МОЯ ОТСТАВКА

Я подхожу теперь к такому эпизоду в своей жизни, о котором всегда вспоминаю с досадой и о котором пишу даже и сейчас с огорчением, – к моей отставке с поста президента Сионистской организации, произошедшей на Конгрессе 1931 года.

Несмотря на то, что письмо Макдональда восстановило наши политические права и открыло период мира, процветания и широкой иммиграции в Палестину, среди сионистов, а в особенности среди ревизионистов, возглавляемых Жаботинским, продолжало бурлить недовольство, порожденное "Белой книгой" Пасфилда. Ревизионисты с презрением отзывались о документе Макдональда (частично потому, что это было "всегонавсего письмо") и требовали официального признания британским правительством максимальной программы ревизионистского толка, предусматривающей создание Еврейского государства по обе стороны реки Иордан со всеми вытекающими из этого последствиями. Согласие на что-либо меньшее они объявляли политической мягкотелостью, трусостью и предательством. По мере приближения начала конгресса я становился мишенью все усиливающихся нападок и экстремистской пропаганды. Я оставался при своем мнении и продолжал утверждать, что в таком движении, как наше, главное – не раздутые политические требования, а конкретная работа – заселение, воспитание, иммиграция, сохранение достойных отношений с мандатными властями. Важной задачей является также разъяснение

наших истинных целей и стремлений, чтобы привлечь на нашу сторону общественное мнение Великобритании, Америки и других стран. Вряд ли этому серьезному делу поможет затемнение принципиальных вопросов такими требованиями, которые возбуждают арабов и способствуют возникновению конфликтов, могущих повлиять на позицию мандатных властей.

Но все мои увещевания были напрасны. "Политики" твердо решили затеять на конгрессе дискуссию о "конечных целях сионистского движения", как будто эти цели имели какое-либо значение в данный момент. Никакая очередная декларация ни на йоту не прибавила бы нам сил и не привела бы ни к каким практическим достижениям. Трудно сказать, была ли эта все же состоявшаяся дискуссия выражением искреннего стремления сформулировать программу сионизма "на все времена" и указать ориентиры грядущим поколениям, или то было всего лишь средство спровоцировать меня на резкий отпор и тем самым ускорить мою отставку. Если верно последнее, то это было несправедливо, я бы даже сказал – недостойно, ведь я уже во вступительной речи на конгрессе заявил о своем намерении подать в отставку по состоянию здоровья (врачи запретили мне даже простое участие в конгрессе).

Несмотря на это, конгресс принял решение провести формальное голосование по резолюции, выражавшей недоверие моей политике; ревизионисты во главе с Жаботинским сыграли в этом главенствующую роль при активной поддержке "Мизрахи", религиозного крыла нашего движения.

Конфликт, раздутый таким способом до ненужных размеров, не был новым: он существовал в нашем движении уже много лет. Это был все тот же конфликт между теми, кто считал, что Палестина может быть возрождена только ценой тяжелого труда, что медленная и упорная борьба за освоение палестинских болот и скал есть ответ на великий вызов истории творческому духу и созидательным силам еврейского народа, –

и теми, кто продолжал тянуться к уродствам галутного существования, пытаясь выжить за счет "чудес", хватаясь за любой случай или призрак удачи и веря, что именно так можно достичь цели. Я понимал, что никакие политические декларации, исходящие от любых правительств мира, не принесут нам никакой пользы, а может быть, принесут даже и вред, если не будут политическим следствием тяжелого труда, вложенного непосредственно в землю Палестины. Нахалал, Дгания, Еврейский университет, электростанция Рутенберга, поташное предприятие на Мертвом море имели в моих глазах куда большее политическое значение, чем все обещания великих держав и крупных политических партий. Не то, чтобы я не отдавал должное значению позиций правительств и партий или недооценивал важности политических заявлений. Но для меня эти заявления имели вес только в том случае, если за ними стояли реальные успехи в Палестине. В конечном итоге политические декларации зависят не только от нас, а то, что мы сделали в Палестине, – уже наше и только наше. Это – кредо всей моей сионистской деятельности. Мой девиз – знаменитые строки Гете:

Was du ererbst von deinen Vatern,
Erwirb es, um es zu besitzen.*

Одни верят в "**Erbe**" (наследство) и потому вечно доказывают свои права; они ищут легкой дороги, вымощенной обещаниями и заверениями. Я верю в дорогу, протоптанную нашими собственными ногами, какими бы израненными они не оказались к концу пути.

Я сказал на конгрессе: "Верно, стены Иерихона п а л и от громких криков и трубного рева. Но я еще не слышал о стенах, в о з д в и г н у т ы х таким способом".

Конечно, дело было не только в теоретических раз-

*"Полученное в наследство от отцов нажито, чтобы это сохранять".

ногласиях. За ними скрывалось разочарование представителей среднего класса, которые искренне считали, что если бы не я, они мигом превратили бы Палестину в страну сказочных экономических возможностей для себя и тысяч себе подобных. На мой взгляд, это тоже свидетельствовало о полном непонимании происходящего. Я сказал на конгрессе: "Противники Еврейского Агентства презрительно говорят здесь об "устаревшем" хиббат-ционском лозунге: еще дунам, и еще дунам, еще еврей и еще еврей, еще корова и еще коза, и еще два дома в Гедере. Быть может, они знают другой способ строить дом, я же знаю только один: класть кирпич за кирпичом. Быть может, они знают другой способ построить страну, я же знаю опять-таки только один: дунам к дунаму, человек к человеку и ферма к ферме. Темпы строительства определяются не только политикой, но – в значительно большей степени – и экономикой". И еще: "Частный капитал может создать отдельные предприятия, но только общенациональный капитал способен создать условия для их процветания".

На этом конгрессе я оказался в меньшинстве, поддержанный только Рабочей партией и частью ведущих сионистов. Я высидел всю процедуру голосования до конца. Когда подсчет голосов завершился, и какие-то не слишком вежливые люди начали бурно аплодировать моему, так сказать, "низвержению", я ощутил, что именно сейчас следовало бы "разбить скрижали".

Вместе с женой и несколькими близкими друзьями я вышел из здания конгресса, чтобы пройтись по улицам Базеля. Ко мне тотчас подошел очень взволнованный и подавленный Бялик. Он сказал: "Я следил, кто голосовал против вас. Это были люди, которых вы никогда не приглашали к себе домой, никогда не звали в свою компанию, никогда не сажали за свой стол, – те, кто никогда не поймет всю глубину пропасти, что разделяет вас с ними. Не огорчайтесь. То, что они совершили, забудется; то, что совершили вы, останется на-

всегда". Он дружески обнял меня на прощанье и добавил: "Мне больше нечего делать в Базеле. Я уезжаю сегодня же".

Но на конгрессе произошел и забавный эпизод – избрание Соколова президентом Сионистской организации. Это было смешно, потому что Соколов (подобно Бродецкому и другим переизбранным) еще с 1916 года был известен, как человек, поддерживающий меня не только в общих вопросах, но даже в мелочах. Противопоставлять Соколова мне было верхом бессмыслицы и только лишний раз доказывало искусственность всей затеи. Но если меня это лишь угрюмо позабавило, то Жаботинский был глубоко уязвлен. Он-то всегда был уверен, что именно я стою на его пути к президентству. После голосования Жаботинский прислал моей жене записку: "Горжусь своими друзьями", – подразумевая нас обоих. Жена написала на обороте: "Благодарю за соболезнования, но мы еще не умерли". Жаботинский был убежден, что если я упаду, он вознесется. И его гордость была уязвлена, когда он увидел, что избран Соколов, которого он весьма мало уважал. Я думаю, избирая Соколова, мои противники надеялись, что его гибкость облегчит им задачу поворота сионизма в желательную для них сторону.

Перелом в моей жизни, вызванный отставкой с поста президента Сионистской организации, имел и свои положительные последствия. Хотя это не был полный разрыв с движением, все же я освобождался от огромного объема работы, и я попытался как можно скорее заполнить образовавшийся вакуум. Я сознавал, как опасно предаваться бесплодным раздумьям и сожалениям, которые только разъедают душу. Я изо всех сил гнал от себя эти мысли и чувства, но они продолжали тревожить меня.

Особенно жаль мне было наших детей, которые восприняли случившееся как глубокую обиду, нанесенную их отцу, отдавшему, по их мнению, всю свою жизнь – с немалым ущербом для семьи – сионистско-

му движению. Они были несказанно рады, когда я объявил, что намерен вернуться к химии, которой пренебрегал столько лет, и создать собственную лабораторию в Лондоне.

К слову сказать, это решение было не из легких. Мне шел пятьдесят восьмой год. За эти годы химия как наука сделала громадный скачок, а я не успевал систематически следить за текущей литературой. К тому же и чисто психологически было тяжело после всех бурь и штормов предыдущих тринадцати лет возвращаться к размеренным и тихим лабораторным занятиям. Я отвык от исследовательской работы и стоял перед необходимостью заново приучаться к обращению с аппаратурой и проведению экспериментов. Трудно объяснить непосвященному, какая это тяжелая и мучительная задача — снова начинать научную деятельность в зрелом возрасте.

И вдруг, совершенно неожиданно, мне на помощь пришел один человек, авторитет и благожелательность которого облегчили мое возвращение в науку настолько, насколько это вообще было возможно.

Так случилось, что именно в это время в Лондон, для получения присужденной ему Королевским Обществом золотой медали, прибыл один из величайших химиков современности — профессор Рихард Вильштеттер. Я признался ему в моих сомнениях. После долгой и строгой беседы-экзамена он в конце концов согласился работать со мной над одним исследованием, относившимся к хорошо знакомой ему области, в которой он проделал значительную работу. В течение последующих нескольких лет я сумел достичь определенного практического результата, разработав процесс получения одного питательного вещества из растений, которое стали затем производить в значительных количествах в Америке и собираются производить теперь в других странах.

Две причины обусловили эту перемену в моей жизни. Одной из них была моя органическая привязан-

ность к науке, составлявшая часть моей жизни с юности; другой – надежда, что мои научные исследования так или иначе пригодятся для развития Палестины. Я уже тогда подумывал о создании научно-исследовательского института, который работал бы в содружестве с Опытной сельскохозяйственной станцией в Реховоте. И как раз в то время, когда я находился в отставке, был создан исследовательский Институт имени Даниэля Зифа, который много лет спустя превратился в Научно-исследовательский институт им. Вейцмана.

Я вновь начинал свою деятельность в скромной лаборатории в Голборне, в старом доме, принадлежавшем моему другу, который многие годы был моим агентом по патентам. Лаборатория не отличалась роскошью оборудования, но была вполне пригодна для моих целей – во всяком случае, поначалу. Я связался также со своим приятелем и бывшим сотрудником Х. Дэвисом, который работал со мной еще в Манчестере и позже, в годы Первой мировой войны. Казалось, вернулись добрые старые времена. Мне доставляло невыразимое удовольствие снова отправляться по утрам в лабораторию и возвращаться по вечерам домой. Этот распорядок напоминал мне дни, проведенные в Манчестерском университете. Я вел теперь жизнь, свободную от ограничений и помех. Отголоски сионистских споров едва проникали сквозь стены лаборатории, а посетители, не принадлежавшие к научному миру, если и заглядывали ко мне, встречали обычно весьма сухой прием. Постепенно распространился слух, что являться ко мне в лабораторию – пустая трата времени.

Но дома нас посещало множество друзей-сионистов, которые оказывали на меня изрядное давление с тем, чтобы я не отошел совсем от своих сионистских обязанностей. В результате у меня оказалось множество дел вне лаборатории, и в моей исследовательской работе часто возникали перерывы – к великому неудовольствию детей, которые рассматривали мои отлучки как опасное свидетельство возврата к прошлому.

И в эти критические годы, – как и тридцать лет назад, в годы кризиса после Кишиневского погрома, – я не мог даже на время полностью отвлечься от еврейских проблем. Тогда, не успев обосноваться в лаборатории Манчестерского университета, я уже начал искать контакты с местными сионистами. Теперь, в 1931 году, не успев еще толком войти в лабораторную работу, я снова оказался связанным с неотложными сионистскими делами. Я не мог отказать британским сионистам, предложившим мне стать президентом их Федерации. Еще менее возможным казалось мне отказаться от помощи Центральному бюро переселения немецких евреев, созданному Еврейским Агентством. Я возглавил это бюро, а кроме того, еще и организацию Молодежной алии. Летом 1932 года мне пришлось на пять месяцев прервать научную работу, чтобы съездить в Южную Африку для сбора денег в сионистский фонд. Правление тогда переживало финансовый кризис, и я не мог уклониться от столь важного поручения. Другой перерыв, покороче, произошел весной следующего, 1933 года, когда я получил приглашение от Меира Вейсгала: он организовал проведение "Еврейского дня" на выставке "столетие прогресса" в Чикаго и предлагал сто тысяч долларов для фонда беженцев. Взамен он просил меня всего лишь один раз выступить в этот день перед посетителями. Я принял его предложение, совершил путешествие длиной в восемь тысяч миль ради одного-единственного выступления, но зато вернулся домой со ста тысячами долларов для фонда беженцев.

Все это время я держался в стороне от внутренних распрей в Сионистской организации и даже не участвовал в Восемнадцатом конгрессе 1933 года. Я воздерживался от всего, что могло бы дать пищу слухам, будто я "планирую возвращение" или пытаюсь саботировать деятельность тогдашнего Правления.

Когда осенью 1931 года я встретился с сэром Артуром Уокопом, новым Верховным комиссаром Палести-

ны, перед его выездом к месту назначения, я согласился на это только по настоянию последнего. И позднее я переписывался с ним как частное лицо – как человек, который за предыдущие тринадцать лет более двадцати раз побывал в Палестине и имел определенное представление об этой стране. Сэр Артур был выдающимся ученым и администратором – быть может, лучшим из Верховных комиссаров, которых имела Палестина, и его назначение, я уверен, было доказательством серьезности попытки Макдональда ликвидировать вред, нанесенный "Белой книгой" Пасфилда. В отличие от предшествовавших губернаторов, сэр Артур искренне пытался понять моральные и этические принципы, воодушевлявшие сионистское движение и нашу работу в Палестине. Многое из увиденного там – в частности, киббуцы – произвело на него глубокое впечатление, и впоследствии, уже покинув свой пост и вернувшись в Англию, он часто открыто декларировал свои чувства, превознося киббуцы как воплощение нового образа жизни, который должны учесть другие страны. Он очень тепло относился к некоторым лидерам нашего движения, в частности – к молодому Арлозорову и Шмарье Левину. Он высоко ценил научный подход, на котором базировалась наша сельскохозяйственная работа, и часто посещал нашу Опытную сельскохозяйственную станцию в Реховоте, где помог создать лабораторию физиологии растений, ныне носящую его имя.

Глава 31

УЧЕНЫЕ – И ДРУГИЕ

1933 год – год прихода Гитлера к власти – явился началом величайшей катастрофы, когда-либо выпадавшей на долю еврейского народа. Нет, мы не предвидели ее размеров. Но и то, что тогда уже происходило на наших глазах, побуждало нас к самым отчаянным усилиям спасти немецких евреев.

Я не был вполне подготовлен к этой работе, когда согласился возглавить Центральное бюро переселения немецких евреев. Но задача была столь неотложной, человеческие страдания так велики и судьбы людей так трагичны, что нечего было и думать о каком-то подготовительном периоде. Тут уж каждый должен был делать все, на что он способен. Конечно, мысли мои продолжали устремляться к Палестине, и заботы делились на европейские и палестинские.

В это же время я работал в организации Молодежной алии, возглавляемой одной из самых примечательных женщин в современной еврейской истории – Генриеттой Сольд. Ей было тогда уже семьдесят три года, но ее жизнь была заполнена разнообразными и многочисленными делами – сионистскими, педагогическими и литературными. Она была основательницей сионистской организации американских женщин – Хадассы, внесшей огромный вклад в социальное и политическое развитие еврейского Национального очага. В конце своей жизни Генриэтта Сольд поселилась в Палестине, где ее энергия, мудрость и самоотверженность были источником постоянного вдохновения для общины. В

том возрасте, когда люди обычно уже уходят на покой, она возглавила и определила основное направление организации Молодежной алии – самого важного сионистского начинания за последние пятнадцать лет. Эту работу она продолжала практически до самой своей смерти, последовавшей в 1945 году.

... Катастрофа, разразившаяся в Германии, прервала карьеру многих блестящих молодых ученых, которые были изгнаны с работы и вышвырнуты на улицу. Это касалось, впрочем, не только молодых ученых. Даже люди с выдающейся научной репутацией, оказавшие неоценимые услуги немецкой – и мировой – науке, изгонялись один за другим. Мне вспоминаются двое из них – Рихард Вильштеттер и Фриц Габер; не потому, что их судьба была особенной, а лишь потому, что я был с ними близко знаком.

Я уже рассказывал о доброте, проявленной ко мне Вильштеттером в 1931 году, когда я создавал свою небольшую лабораторию. Несмотря на свою блестящую репутацию и звание Нобелевского лауреата, Вильштеттер был скромным, нетребовательным и застенчивым человеком; он часто напоминал мне всеми уважаемого еврейского ребе прежних времен. В 1931 году Вильштеттер уже не числился в Мюнхенском университете – однако не по настоянию руководства, а по собственной воле. Случилось так, что в 1928 году на заседании Совета университета разгорелся спор из-за назначения одного минералога. Совету был предложен кандидат, некто Гольдшмидт, но едва прозвучало его имя, как по залу пробежал шепоток и кто-то произнес: "Еще один еврей!" Не говоря ни слова, Вильштеттер встал, собрал свои бумаги и покинул зал. Он больше никогда не появлялся в университете, несмотря на многочисленные просьбы коллег и Баварского правительства. Тогда, в 1928 году, многие еще сознавали, какого ценного ученого теряет в его лице университет и каким ударом по университетскому престижу является его уход.

Для самого Вильштеттера лишиться лаборатории, в которой он привык работать, было тяжелой трагедией. Он, впрочем, нашел работу в Мюнхенской Академии наук – но и ее порога он так никогда и не переступил! Он руководил работой из своего дома, и, как он признался мне с печальной улыбкой в 1931 году, ему приходилось ежедневно от полутора до двух часов говорить со своим ассистентом по телефону.

Вопреки собственному опыту, Вильштеттер долгое время не мог понять, что происходит в Германии. Я виделся с ним в Мюнхене в конце 1932 года и позже, в Цюрихе и в Париже, в 1933 году, когда Гитлер уже пришел к власти. Но и тогда, несмотря на свою глубокую тревогу, он не верил, что немецкий народ и его правители зайдут так далеко в своем антисемитизме. Мы обсуждали с ним планы исследовательского Института имени Зифа, который тогда как раз создавался. Он охотно принял приглашение председательствовать на церемонии открытия этого института, но остался глух ко всем моим настоятельным просьбам покинуть Германию и переселиться в Палестину. Он оставался в Германии вплоть до начала войны в 1939 году. Затем он был изгнан из страны и нашел прибежище в Локарно, в соседней Швейцарии. В последние годы жизни он писал воспоминания; умер он перед самым концом войны. Его нежелание откликнуться на нашу просьбу было большой потерей для Палестины и не меньшей, я убежден, для науки.

Габер был близким другом Вильштеттера, хотя очень отличался от него по характеру и темпераменту. Он тоже был Нобелевским лауреатом и автором одного из крупнейших открытий нашего времени – превращения азота воздуха в аммиак и азотную кислоту. Эти два ингредиента являются основными не только при производстве взрывчатых веществ, но и при создании искусственных удобрений. Благодаря работам Габера стало возможным массовое производство дешевых искусственных удобрений. В отличие от Вильштет-

тера Габер не питал никакого уважения к своему еврейству. Он перешел в христианство и склонял к этому членов своей семьи. Я был настроен против него задолго до нашей личной встречи. Напомню, что во время моего первого визита в Америку, в 1921 году, мне удалось заручиться поддержкой Эйнштейна. Позднее я узнал, что Габер делал все возможное, чтобы отговорить Эйнштейна от участия в наших делах; он говорил, что Эйнштейн нанесет непоправимый вред своей карьере и тому научному учреждению, сотрудником которого он состоял, если свяжется с сионистами, в особенности – с таким известным сионистом, как я.

Понятно, что у меня не было особого желания встречаться с Габером. Случилось, однако, так, что сын Габера, тоже химик, поступил на работу к моему шурину Иосифу Блюменфельду, владельцу крупной химической фабрики в Париже, и однажды, во время очередного визита в Лондон, Блюменфельд привез ко мне обоих Габеров, отца и сына. Я тогда был увлечен созданием Института имени Зифа, а габеровские антисионистские предрассудки, видимо, основательно выветрились к тому времени, – во всяком случае, я увидел, к некоторому моему удивлению, чрезвычайную любезность с его стороны. Он даже пригласил меня посетить его в его научно-исследовательском институте, носившем пышное имя кайзера Вильгельма, что я и сделал в один из своих приездов в Берлин, в конце 1932 года.

Вскоре после этого Габер позвонил мне по моему лондонскому телефону. Оказалось, что он приехал в Лондон и остановился в отеле "Рассел". Ему пришлось, лишившись всего – положения, благополучия, почета, – стремительно покинуть Берлин и искать убежища в Лондоне. Я тотчас отправился к нему и увидел сломанного, запутавшегося человека, оказавшегося в духовном вакууме.

Я попытался – без особой надежды на успех – утешить его. Но, по правде говоря, мне тяжело было смо-

треть ему в глаза. Разумеется, я пригласил его к нам, и он стал часто бывать в нашем доме. По его словам, Кембридж готов был предложить ему место, но он не верил, что сможет прижиться в Англии. Слишком велик был шок. Слишком высокое место занимал он в Германии, и тем тяжелее было ему перенести разительную перемену в своей жизни.

Габеру, наверно, особенно горько было сознавать, что ни его собственное крещение, ни крещение его семьи ему не помогли. Мне было трудно с ним разговаривать; мне было стыдно за себя, стыдно за весь наш жестокий мир, стыдно за те заблуждения, с которыми Габер прожил всю свою жизнь. А ведь это были очень распространенные заблуждения: многие евреи одних с ним взглядов (хотя не равного с ним таланта) считали нас, сионистов, опасными фантазерами или, того хуже, маньяками, которые угрожают их благополучию, завоеванному в результате стольких трудов.

Я пытался убедить его переселиться в Палестину и работать с нами. Я говорил ему: "Тамошний климат будет вам полезен. Мы предоставим вам вполне современную лабораторию и ассистентов. Вы будете окружены уважением и почетом. Это будет вашим возвращением домой – концом вашего длительного странствия".

Он принял мое предложение и попросил только отсрочки на месяц-два, чтобы подлечиться в санатории. На том мы и порешили, но на пути в Палестину он внезапно тяжело заболел и скоропостижно скончался в Базеле. Вильштеттер приехал из Мюнхена на его похороны. А десять лет спустя сам Вильштеттер, тоже, как и Габер, изгнанный из Германии, умер в той же Швейцарии.

Таковы были два человека, которых я пытался для их же пользы, равно как и для нашей, перетащить в Палестину. Было, разумеется, и много других. Некоторые из них нашли приют в Англии – в Оксфорде, Кем-

бридже, Манчестере, Бирмингеме; другие – в Америке. Некоторые предпочитали Палестине такие диковинные места, что я никак не мог понять их. Помню, однажды, находясь в Цюрихе, который был тогда центром устройства ученых-беженцев, я услышал о том, что в город прибыл Джеймс Франк, тоже бежавший из Германии, и что как раз сейчас они с женой обедают у моего друга, физика Ричарда Бэра. Не ожидая приглашения, я направился туда и застал обоих джентльменов и госпожу Франк глубоко поглощенными обсуждением преимуществ... Турции! Я не мог сдержаться и воскликнул: "Я еще понял бы, если бы вы говорили об Оксфорде, Кембридже, Нью-Йорке или Чикаго! Но Турция! Условия для научной работы там куда хуже, чем в Палестине, – почему бы вам тогда не принять нашего приглашения?" На это Франк возразил, что в Палестине нет института постоянной профессуры...

Я снова почувствовал то же самое, что ощущал в ранний период моей сионистской деятельности. Точно так же, как еврейские богачи считали, что в наше движение не стоит вкладывать деньги, так теперь еврейские интеллектуалы были убеждены, что переезд в Палестину повредит их карьере. И хотя ситуация в Германии многое изменила и в Палестину теперь направлялось куда больше людей, чем во все иные страны, но у многих инерция и предрассудки были столь велики, что они предпочитали чужую Турцию Палестине.

Несколько лет спустя, во время моей поездки в Турцию, мне довелось вновь повидать некоторых ученых, осевших в Стамбуле или в Анкаре. Это было печальное зрелище. Сбитые с толку, потерянные, они со страхом ждали истечения сроков своих контрактов, понимая в большинстве случаев, что контракт не будет возобновлен. К каждому из них были прикреплены молодые турецкие ассистенты с тем, чтобы заменить их через несколько лет. Это, конечно, было наивно. Чтобы стать ученым, недостаточно узнать кое-что от своего

профессора. Ученый нуждается в солидной подготовке, которую нельзя приобрести за несколько лет; у него должна быть школа, традиции и за плечами многие годы научных занятий. Я думал именно об этом, когда закладывались первые камни Еврейского университета. Я понимал, как нелегко создать образцовый национальный университет с помощью людей, собравшихся из всех уголков диаспоры. Старинная еврейская мудрость гласит, что для изготовления щипцов нужны — щипцы. За нами, по крайней мере, была многовековая традиция и наши старинные центры еврейской учености. Кое-что из этого было спасено, хотя сейчас, думая об утратах, мы не можем не приходить в ужас. Исчезли ведь не только миллионы людей, но и замечательные научные центры, которые тоже были подобны живым существам. Кто знает, сколько Эйнштейнов и Габеров погибло вместе с теми академиями, которые могли бы помочь им сформировать свой гений?

Наши выдающиеся соплеменники всегда сочетали в себе наследие древней, традиционной талмудической учености, которую их предки культивировали в польских и галицийских гетто и в Испании, и современную западную университетскую науку, с которой пришли в соприкосновение их внуки. Родословные наших современных ученых зачастую пестрят именами талмудических мудрецов и раввинов. Во многих случаях сами эти ученые вышли из талмудических школ, с которыми они порвали в юности, пробившись в Париж, Цюрих или Принстон. Именно этот необыкновенный феномен — древняя научная традиция, оплодотворенная современными научными методами, — и дал нам первоклассных ученых и компетентных специалистов буквально во всех сферах академической деятельности и в количестве, далеко не пропорциональном нашей общей численности.

Ныне все эти великие центры еврейской учености — Вильно, Варшава, Ковно, Бреслау, Вена, Прессбург — сметены с лица земли; старинные еврейские архивы

уничтожены, и мы вынуждены восстанавливать их страница за страницей.

Среди ученых, изгнанных со своих постов с приходом Гитлера к власти, одним из самых одаренных был Эрнст Бергман, руководитель первой университетской химической лаборатории в Берлине, обещавший стать звездой первой величины в немецкой науке. Я никогда не встречался с ним лично, но хорошо знал его работы. Однажды, весенним утром 1933 года, я получил телеграмму от приятеля из Германии, который извещал меня об изгнании Бергмана. Чуть ли не с той же почтой я пригласил Бергмана и его жену, тоже химика, перейти в мою лабораторию в Лондоне. Я с удовольствием вспоминаю, что ни минуты не раздумывал, не стал дожидаться получения соответствующих ассигнований, а послушался инстинкта и позвал к себе этого человека, который стал одним из моих ближайших и преданнейших друзей и сыграл выдающуюся роль в истории научного и технического развития Палестины.

Мне довелось быть в Палестине, когда туда начали прибывать первые эмигранты из Германии. Это были немецкие евреи, люди, привыкшие к размеренной, спокойной жизни, в большинстве своем – из деловых или профессиональных кругов. Они были совершенно потрясены событиями, более или менее привычными для восточноевропейского еврейства. Им недоставало гибкости и приспособляемости русских или польских евреев, и свою трагедию, – которая тогда еще напоминала, скорее, давние притеснения евреев в России, – они воспринимали гораздо более тяжело. И вот эти-то люди стали тысячами прибывать в Палестину в 1933 – 1934 годах. Я знал их и гордился той ролью, которую они сыграли в истории страны (а некоторые – и в сионистском движении). Но мне была чужда их социальная закоснелость, столь нехарактерная для среды, в которой вырос я сам. Я побывал на пасхальном седере в Хайфе, где собрались только что прибывшие немецкие иммигранты. Они пели "Ха-Тикву", и, хотя мелодия

была довольно радостной, пение напоминало, скорее, погребальный плач, а на лицах этих людей можно было отчетливо прочитать глубокую ностальгию. Всего несколько лет назад эти люди чувствовали себя в полной безопасности, они представляли собой огромную моральную, социальную и интеллектуальную силу. Теперь они были лишены всего; они прибыли в страну, к которой не испытывали почти никакой привязанности, были вынуждены строить новую жизнь (некоторые – в пожилом возрасте) в условиях климата, который многим из них не подходил, при отсутствии удобств, к которым они привыкли. Глядя на этих людей, я невольно задумывался: справятся ли они? Сумеют ли пустить новые корни в жесткую палестинскую почву? Или же так и закончат свою жизнь изгнанниками, вечно оплакивающими прошлое и неспособными примириться с настоящим?

Вспоминая тот пасхальный седер, который и сейчас живо стоит у меня перед глазами, я с гордостью и глубоким удовлетворением думаю о той трансформации, которая произошла с немецкими евреями в Палестине, и о том выдающемся вкладе, который они внесли в развитие страны. Они оказали огромное влияние на восточноевропейских евреев, которые поначалу склонны были смотреть на них, как на новичков, хотя и готовы были оказать им всю возможную помощь.

Сначала было нелегко. Мы столкнулись с совершенно непривычными трудностями. Ведь это была не халуцианская алия, к которой мы могли применить знакомые и испытанные методы. Это был средний класс, в основном – люди немолодые и совершенно непригодные для тяжелого физического труда. Мы создали для них особые виды пригородных поселений, в которых члены семьи могли заниматься несложным сельскохозяйственным трудом дома, в то время как глава семьи работал неподалеку, в городе. Это позволяло пополнить заработок кормильца семьи за счет домашнего

хозяйства, и со временем такая система привилась и принесла хорошие плоды.

Но в этот переходный период мы были обеспокоены большим наплывом городского населения, особенно в Хайфу и Тель-Авив, где преимущественно селились немецкие иммигранты. Я всегда опасался излишней урбанизации ишува. Ведь создание сельскозохяйственных поселений само по себе – дело трудное и длительное, а в Палестине еще осложненное всеми проблемами, связанными с приобретением земли. Понятно, что немецкая иммиграция еще более ускорила рост городов. Мы пытались затормозить его вышеописанным методом, и своим успехом обязаны в основном приспособляемости молодого поколения. Новые типы поселений, вроде Рамот ха-Шавим, Кирьят-Бялик, Нахарии, возникшие в те годы, пустили прочные корни. Их население состоит и по сю пору почти целиком из немецких евреев; но сегодня это образцовые общины, внушающие глубокое уважение к их создателям.

...Так прошли четыре года моей отставки, заполненные научной работой в Лондоне и Реховоте, собиранием средств, поездками в Америку, Южную Африку и в другие страны; созданием Института имени Зифа, устройством немецких репатриантов и другими делами. Это были насыщенные годы, но я не могу назвать их счастливыми – ведь над миром уже нависала страшная тень Второй мировой войны.

Глава 32

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

В 1935 году я снова вернулся в должность президента Всемирной сионистской организации и Еврейского Агентства. Я согласился на это неохотно, после долгих уговоров моих друзей. К этому времени я уже снова увлекся своей научной работой и проводил все больше и больше времени в Институте имени Зифа среди коллег. Конец 1934 и начало 1935 года мы с женой прожили в маленьком бунгало в Реховоте, которое арендовали у поэтессы Джесси Самптер. Одновременно мы затеяли постройку своего дома, в котором окончательно поселились в 1937 году. Я привык каждое утро отправляться в Институт имени Зифа, где проводил собственные исследования и знакомился с работой других. Каждую неделю я посещал заседания Иерусалимского отделения Правления Сионистской организации в Иерусалиме. Я много ездил по стране, но при этом старался вести размеренный образ жизни, по крайней мере – не столь суматошный, как в предыдущие годы. Я считал, что своей работой приношу определенную пользу.

Но меня не покидали сомнения и тревога, связанные с тем, что я не видел существенных сдвигов в самом движении, вернее – в настроениях того большинства, которое голосовало за мою отставку в 1931 году. Они приглашали меня теперь лишь потому, что не нашли никого лучшего! Соколов не сумел наладить отношений с англичанами, хоть они и уважали его как человека образованного и достойного. Забав-

но, что те самые американские сионисты, которые были самыми яростными моими противниками в 1931 году, теперь стали самыми горячими сторонниками моего возвращения. Я не мог избавиться от мысли, что стоит мне вернуться, как я столкнусь с теми же трудностями, что и прежде. Я опять окажусь козлом отпущения за все грехи британского правительства.

Летом 1935 года вспыхнула давно назревавшая война в Абиссинии. Выступая в том же году на конгрессе, я сказал: "На Средиземное море надвигается буря, а мы занимаем на его берегах одну из ключевых позиций". Я рассматривал войну в Абиссинии и гражданскую войну в Испании как признаки надвигающейся грандиозной схватки. Муссолини и Гитлер быстро вооружались, меж тем как демократические страны демонстрировали мягкотелость и недальновидность.

Дух реакции, быстро распространявшийся по всему миру, не миновал и сионистское движение – это было очевидно уже в 1931 году. Особенно вредны были иллюзорные обещания, которые раздавали направо и налево некоторые выдающиеся лидеры нашего движения. Начинало казаться, что можно с легкостью перейти от желаемого к действительному, – убеждение, с которым я всегда боролся, поскольку всегда был против "быстрого и легкого" пути.

Здесь опять проявлялось фундаментальное различие между двумя подходами к сионизму – давним подходом Гринберга, Марморека, Нордау, позднее подхваченным Жаботинским и ревизионистами, и взглядами нашей группы. Недостаток терпения и веры всегда увлекал наше движение к пропасти. Но между этой пропастью и действительными достижениями в Палестине стояла фаланга тружеников, с которыми я ощущал себя глубоко связанным, – никогда, разумеется, не отождествляя себя с ними. Между тесной группой моих единомышленников в так называемом "общем сионистском движении" и трудящейся массой поселений и предприятий Палестины, которая состав-

ляла главную силу сионистского движения вообще, постепенно установилось очень важное для нас взаимопонимание. Оно было гарантией нашего политического благоразумия, нашего трезвого подхода к реальности и нашей свободы от ревизионистских иллюзий и насильственных методов.

Это взаимопонимание не было просто личной связью между мной и рабочими лидерами с одной стороны и представителями Нахалала, Эйн-Харода и Изреельской долины – с другой. Нас объединяла общность целей и чувств и, если бы не это, думаю, я не сумел бы справиться с выматывающей и изнурительной работой по сбору средств в Америке и в других странах. Я всегда помнил, что эти средства пойдут на возрождение Изреельской долины, Иорданской долины и других бесплодных районов. Порой, вспоминая тружеников, которых я встречал там, в Нахалале, с глазами, лихорадочно блестевшими от многонедельного недоедания, но сохранившими искры надежды, я ощущал, что на мою долю приходится частица их радостей и горестей.

Много написано о том, что сделали наши пионеры; и еще больше, к сожалению, забыто. Многие, даже серьезные сионисты думали в те годы, что давние пионерские времена в Палестине прошли и что великие дни *халуцим* стали достоянием прошлого. Это было неверно не только тогда, в 1935 году, – это неверно и сейчас, в 1947-м.

Достаточно побывать сегодня на Мертвом море, где молодежь, прибывшая из диаспоры, буквально вгрызлась в просоленную почву Содома и Гоморры, тысячелетиями не рождавшую ничего, и терпеливым трудом возрождает ее к жизни, – чтобы понять, что наша борьба продолжается. Достаточно посмотреть на тех юношей и девушек, которые поселились в пустыне Негев, на опасных передовых позициях между Газой и египетской границей, в той части Палестины, где – за исключением крохотных бедуинских участков – во-

обще никогда ничего не росло, чтобы это понять. Я слежу за их трудом последние три года с неизменным благоговением. Ложась спать, я всегда думаю об этих юношах и девушках – в основном членах Молодежной алии, лишь недавно прибывших из Германии, – живущих в самом сердце пустыни, но работающих энергично, весело, без хныканья и жалоб. Они вышли из семей таких же или лучше, чем моя, и выросли в условиях, совершенно отличных от тех, в которых находятся сейчас. Но они прошли через уникальный процесс возмужания и были свидетелями гибели своих близких. Я вспоминаю надпись на борту одного из "нелегальных" судов, приходивших в Хайфу, – лозунг, обращенный к британским солдатам: "Не стреляйте, мы не боимся – мы давно уже познакомились со смертью".

И в те времена, и в ранние годы развития сионизма, и сейчас труженики – моральная опора нашего движения. Разногласия между их лидерами и моей группой возникли лишь недавно, и можно сказать, что это опять разногласия между теми, кто провозглашает, что они знают, как за три-четыре года доставить в Палестину миллион или два миллиона людей, и теми, кто понимает – и принимает – ограничения, накладываемые реальной жизнью.

Глава 33

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТРИГИ В РАЙОНЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Одна из обязанностей президента Сионисткой организации состояла в поддрежании контакта с правительствами разных стран, представленных в Лиге Наций. Важнейшими среди них были Франция и Италия. Поэтому мне приходилось часто бывать в Париже и Риме. И в каждой из этих столиц мы сталкивались с особыми трудностями.

В Париже я встречался, по-моему, чуть ли не со всеми французскими премьер-министрами межвоенного периода, от Пуанкаре до Рейно. С Леоном Блюмом нас связывало давнее сотрудничество. Но подавляющее большинство работников французского Министерства иностранных дел было настроено к нам равнодушно или враждебно. Иногда они откровенно завидовали нашим успехам. Я уже говорил, что французы, вслед за арабами, рассматривали Палестину как южную часть Сирии и потому были недовольны, когда на нее был дан отдельный мандат. Более того, французы всегда считали себя единственными настоящими представителями Европы и защитниками христианства в восточном Средиземноморье. Англичане в этих краях практически не появлялись вплоть до времен Алленби. В Англии вообще склонны забывать, что на Ближний Восток они проникли только благодаря Бальфурской декларации. В подходе французов к идее возрождения еврейской Палестины сказывалась их католическая

ориентация, и потому они воспринимали ее как посягательство на свои традиционные интересы.

В связи с моими поездками во Францию и попытками повлиять на французское общественное мнение мне вспоминается один забавный эпизод. Дело было в 1933 году, когда из-за прихода Гитлера к власти стремительно увеличился поток немецких беженцев в Палестину. Я получил телеграмму от мадемуазель Луизы Вайс, известной французской журналистки, имевшей широкие связи в политических кругах. Она приглашала меня выступить с лекцией о сионизме и Палестине в Сорбонне. Госпожа Вайс гарантировала, что встреча будет происходить под высоким покровительством и привлечет многих известных людей.

Все так и было: зал был переполнен, председательствовал бывший министр финансов Франции господин Мартэн, и мне даже сказали, что на лекцию собрался "весь Париж". Действительно, я узнал среди присутствующих нескольких дипломатов из английского посольства, сотрудников французского Министерства иностранных дел, представителей дома Ротшильдов, главного раввина Франции, сына капитана Дрейфуса и многих других.

Я начал с анализа нынешней ситуации в Германии и говорил об ответственности за жертвы немецкой политики, ложащейся теперь на весь цивилизованный мир. Потом я рассказал об убежище, которое многие немецкие евреи нашли в Палестине; для многих детей немецких беженцев Палестина уже через несколько месяцев стала домом. Я видел этих немецких детей в кругу палестинских: через некоторое время их уже нельзя было различить. Я рассказал также о самой Эрец-Исраэль, которая росла и развивалась, несмотря на все трудности.

Аудитория слушала с напряженным вниманием, но все же я был несколько удивлен, когда, окончив, услышал из уст председателя, что должен повторить эту лекцию еще раз в том же зале. Он добавил, что

уверен, что господин Эррио* будет рад председательствовать на этой второй лекции. Тут уж я не мог возражать.

На следующий день я опять выступал перед переполненным залом. Но Эррио не появился, и мадемуазель Вайс сама открыла вечер. Лекция была в разгаре, как вдруг в зал неожиданно вошел Эррио. Не обращая на меня ни малейшего внимания, – может быть, даже не заметив меня, потому что я замолчал, когда он появился, – он прошествовал к трибуне и громовым голосом произнес двадцатиминутную речь, не имевшую ничего общего с сионизмом, Палестиной и евреями. Эта речь была полностью посвящена величию Франции, выдержана в великолепном ораторском стиле и целиком состояла из банальностей. Затем Эррио исчез столь же внезапно, как появился. Аудитория была совершенно ошарашена этим неожиданным вторжением, но мадемуазель Вайс хладнокровно попросила меня продолжать. Больше я никогда не встречался с Эррио и уверен, что он не имел ни малейшего представления, о чем говорилось в тот вечер в зале Сорбонны.

Об отношении к сионизму итальянского правительства я уже говорил – в главе, посвященной борьбе вокруг мандата на Палестину. До прихода к власти фашистов Италия не знала антисемитизма. При Муссолини, однако, положение стало меняться. Сам он яростно отрицал, что его правительство вело антисемитскую политику, но эти настроения подогревались такими его сотрудниками, как Стараччи и Федерцони, да и вся фашистская пресса была проникнута антисемитским духом. В ней периодически появлялись статьи с нападками на сионизм и участие итальянских евреев в этом движении. Хотя итальянские евреи старались не выражать вслух своих политических симпатий, было известно, что эти симпатии на стороне антифашистов.

---

*В это время премьер-министр и министр иностранных дел Франции.

Указанные обстоятельства заставили итальянских евреев с особым вниманием отнестись к моим визитам в Рим. Они надеялись, что мои переговоры с главой правительства, мои разъяснения целей сионистского движения облегчат их положение.

На протяжении нескольких лет я трижды встречался с Муссолини. Первый раз это было вскоре после окончания Первой мировой войны. Он принял меня тогда в своей знаменитой приемной – длинном, почти пустом и слабо освещенном зале. Муссолини сидел за столом в дальнем углу, напротив двери, так что всем входящим приходилось проделывать изрядный путь, прежде чем приблизиться к нему. Рядом со столом стоял простой жесткий стул – для гостя. Все это отдавало театральщиной и нисколько не помогало (а может, и не рассчитано было помогать) посетителю чувствовать себя свободно.

При всем при том он встретил меня довольно дружелюбно, пожал руку и после обычного обмена любезностями начал беседу замечанием, сделанным по-французски: "А знаете ли, доктор Вейцман, далеко не все евреи – сионисты". Я ответил: "Еще бы, очень хорошо знаю, – как и то, что не все итальянцы – фашисты". Он криво усмехнулся, но как будто не обиделся. Во всяком случае, дальше беседа потекла вполне нормально, и он больше не делал попыток запугать или унизить меня. Я изложил наши планы и намерения; он поинтересовался, много ли иммигрантов проходит через итальянские порты. Я объяснил важность Триеста для нас и рассказал о наших давних дружеских отношениях с компанией "Ллойд Триестино". Я добавил, что мы пользуемся также портами Генуи, Венеции и Неаполя и очень рассчитываем на благожелательное отношение итальянского народа.

Муссолини вместо ответа заговорил об Англии и обвинил сионистов в том, что они являются орудием британских экспансионистских устремлений. Я заметил, что никогда не усматривал таких замыслов в британ-

ской политике. Во всяком случае, Британия – пока что единственная страна, которая продемонстрировала готовность помочь нам в Палестине. Разумеется, мне неизвестно, какими мотивами руководствовались при этом те или иные британские государственные деятели, но коль скоро они позволяют нам осуществлять наши планы и не чинят особых препятствий, мы предпочитаем сохранять хорошие отношения с Англией. Он внезапно перебил меня: "Знаете, мы могли бы разом построить вам ваше государство". Я ответил: "Помнится мне, что римляне когда-то разом его разрушили".

Мой ответ не доставил ему особого удовольствия. Кажется, он думал, что я начну говорить о том, что именно итальянское правительство могло бы для нас сделать, но я не попался в приготовленную ловушку. Он спросил, изучают ли в наших школах итальянский язык, и я вынужден был ответить отрицательно. Однако, добавил я, в нашем Еврейском университете наверняка будет кафедра итальянского языка и литературы. Евреи всегда восхищались итальянским свободолюбием и веротерпимостью. Как ему наверняка известно, многие из них внесли выдающийся вклад в развитие Италии. Разумеется, среди молодых евреев могут быть определенные разногласия по вопросу об отношении к фашизму, но не следует воспринимать это как знак нашего недружелюбия. Мы высоко ценим итальянскую культуру.

У меня создалось впечатление, что Муссолини не питал враждебности к сионистской идее или к нашей работе в Палестине; его подозрения относились к англичанам, которые, по его мнению, использовали евреев в восточном Средиземноморье, чтобы лишить итальянцев их контроля над "маре ностум"*.

Нападки на евреев в итальянской фашистской прессе становились все более частыми и грубыми.

*"Маре ностум" (лат.) – Средиземное море.

Муссолини тогда все еще не мог решить – присоединиться ему к за--падным державам или связать свою судьбу с Германией. В качестве платы – от любой из сторон – он требовал права на экспансию в Африке и присоединения к Италии Савойи, Ниццы, Корсики. Немцы, как обычно, действовали весьма активно. Они были не столько заинтересованы в Италии как в ценном союзнике, сколько в плацдарме для атаки на Британию в Средиземном море.

В этой борьбе великих держав мы занимали самое незначительное место. Тем не менее мы существовали, мы росли, мы пускали корни на средиземноморском берегу, и итальянцам это не нравилось. Их недовольство нашло выход не только в печати, но проявлялось и на заседаниях Постоянной мандатной комиссии, где итальянский представитель, маркиз Теодоли, неизменно налагал вето на любое конструктивное предложение, казавшееся ему полезным для нас.

Не знаю, каковы были суждения Теодоли о сионизме, знаю только, что в его поведении не последнюю роль играли личные интересы: он находился в родственной связи с богатой арабской семьей Сурсуков в Бейруте, у которых мы купили большие участки земли в Изреельской долине. Теодоли и его бейрутские родственники никак не могли простить себе, что продали землю слишком дешево. Между прочим, я часто встречался с этим феноменом в Палестине. Люди, которые ничего не знали о стране и ее истории, неизменно и без всяких оснований обвиняли евреев в том, что они захватили лучшие земли. В действительности мы взяли худшие, а лучшими они сделались исключительно благодаря нашему труду. Иногда кажется, что Господь специально покрыл Палестину скалами, болотами и песками, чтобы скрыть ее истинную красоту; открыть ее может лишь тот, кто ее действительно любит и готов посвятить ей свою жизнь.

Маркиз Теодоли постоянно выступал в Мандатной комиссии как защитник арабов и католической церкви

от воображаемых посягательств евреев. Итальянцы были обеспокоены широким либерализмом вновь созданных еврейских институций и усиленно распространяли легенду об ужасном безбожии еврейских поселенцев в Святой Земле. То было время, когда фашисты установили тесные связи с Ватиканом и пытались извлечь из этого максимальную политическую выгоду.

Я снова отправился в Италию, чтобы посетить Муссолини и побывать в итальянских еврейских общинах. Ось Берлин – Рим еще не была тогда создана, будущая политическая ориентация Италии еще не определилась, и я надеялся, что мне удастся улучшить наши отношения с итальянцами. Мне кажется, что моя вторая встреча с Муссолини была небесполезной. Он сказал, что его радуют отличные отношения, установившиеся между сионистами в Иерусалиме и тамошними итальянцами. Его радует, сказал он также, быстрый прогресс наших поселений. После этой второй встречи тон итальянской прессы стал несколько дружелюбней. Содержание моей беседы с Муссолини стало известно, и ее дружественный характер во многом способствовал улучшению положения еврейской общины. Эта встреча мне особенно хорошо запомнилась, потому что она состоялась в канун Иом-Киппур.

К тому же периоду итальянских политических колебаний относится и моя третья и последняя встреча с Муссолини. Она была самой продолжительной и содержательной из всех. Ее организовал тот же Теодоли, который по такому случаю проявил максимум благожелательности и дружелюбия – этакий Савл, обернувшийся Павлом. Муссолини тоже был исключительно дружелюбен и подробно говорил о будущем союзе Рима с Парижем и Лондоном, который, по его словам, был продиктован самой логикой. Он говорил также о химической промышленности, в частности, о фармацевтических веществах, в которых Италия нуждается и которые мы могли бы производить для нее в Палести-

не. Он выразил сожаление, что его планы не встретили надлежащего отклика в Лондоне и Париже.

Я передал его слова моим британским друзьям в Лондоне, но – без всяких последствий. Незадолго до начала войны Галифакс и Чемберлен посетили Муссолини и пытались привлечь его на свою сторону, но было уже слишком поздно. Не было уже никакой надежды вырвать Муссолини из немецких лап. Кстати сказать, он очень не любил немцев и всегда с презрением отзывался об их манерах и высокомерии; это презрение было, разумеется, взаимным. Не знаю, мог ли раскол оси Берлин – Рим предотвратить войну, но он, несомненно, мог резко изменить ее ход на Средиземном море и тем самым спасти много жизней.

Глава 34

ПОСТОЯННАЯ МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ

Среди многих дел, которые заставляли меня периодически наведываться в Англию, было также поддержание контактов с Постоянной мандатной комиссией при Лиге Наций. Наше представительство в Женеве занималось этим изо дня в день, но бывали особые случаи, когда члены Комиссии собирались для выслушивания отчетов и их обсуждения. Никто из них, кроме профессора Раппара, не жил в Швейцарии, поэтому необходимо было постоянно давать им информацию в промежутке между заседаниями, и это как раз и ложилось на меня.

Вряд ли взгляды и суждения членов Мандатной комиссии имели какое-либо влияние на политику мандатных держав; но нельзя было пренебрегать значением ее ежегодных отчетов как официальных документов и их влиянием на общественное мнение. Наше дело было – представить свои интересы наилучшим образом, изложить факты точно и обоснованно и проследить, чтобы отчеты Комиссии не ограничивались одной лишь критикой деталей, а давали полную картину нашей работы в Палестине и тех достижений, которых мы добились, несмотря на все трудности.

Самым авторитетным членом Комиссии был профессор Женевского университета Уильям Раппар. Он отлично понимал англосаксонскую ментальность, поскольку много лет прожил в Америке и был, насколько мне известно, одним из любимых помощников президента Вудро Вильсона. Раппар был человеком

огромного интеллекта, хорошо разбиравшимся в еврейском вопросе и глубоко сочувствовавшим нашим надеждам и начинаниям.

Он оказал большую услугу всем нам, и мне в особенности, тем, что помог разобраться во внутренней структуре Лиги Наций, в этом запутанном лабиринте, откуда вели ниточки в самые темные закоулки европейской и мировой политики. Не без чувства некоторой гордости я вспоминаю, что наше с ним знакомство, поначалу только формальное и официальное, постепенно переросло в дружбу на всю жизнь.

Другой внушительной фигурой в Комиссии был бельгиец Ортс, выдающийся администратор, некогда занимавший важную должность в Бельгийском Конго. Я обычно посещал его дважды в год в Брюсселе и проводил целый вечер в его кабинете, объясняя ему нашу позицию и черпая из его опыта крупного администратора, государственного деятеля и умудренного жизнью человека много полезного.

Третьим ведущим членом Комиссии был британский представитель лорд Лагард – личность не менее значительная, вызывавшая уважение и привязанность тех, кому приходилось с ним общаться. Примечательной особенностью наших с ним отношений была его полнейшая беспристрастность в вопросах, которые, что ни говори, чувствительно затрагивали британские интересы. Лорд Лагард глубоко сочувствовал положению евреев, и я всегда мог рассчитывать на то, что он представит наше дело в самом выгодном свете, хотя он не намекал на то, что поступит так или иначе.

У меня стало почти привычкой регулярно навещать его в его скромном поместье в Серре. Любопытно, что он жил очень близко от Клода Монтефиоре, одного из духовных вождей английского еврейства и активнейшего антисиониста. Кажется, они были даже близкими друзьями. Я, правда, никогда не встречал Монтефиоре у лорда Лагарда, но по некоторым намекам мог заключить, что они неоднократно обсуждали проблему создания еврейского Национального очага.

Глава 35

АРАБСКИЕ БЕСПОРЯДКИ

В 1935 году началась война в Абиссинии и с ней – усиление британской политики, направленной на умиротворение стран-агрессоров и их возможных союзников. К последним в британском Министерстве иностранных дел относили также арабов – и с этого началось как ухудшение нашего положения вообще, так и наших отношений с сэром Артуром Уокопом.

Поначалу эта политика Англии не сказывалась на размерах иммиграции евреев в Палестину: в 1934, 1935 и частично в 1936 годах иммиграция все еще определялась абсорбционными возможностями страны. Тем не менее британская политика умиротворения арабов приняла такую форму, которая, дойди она до логического конца, неминуемо привела бы не только к полному прекращению еврейской иммиграции, но и к приостановке нашего развития вообще: англичане стали ратовать за создание Законодательного Совета, в котором арабы были бы представлены как большинство.

Вопрос о создании такого Совета впервые ставился еще в 1922 году в "Белой книге" Черчилля. Он был снова поднят в 1931 году в "Белой книге" Пасфилда. О нем упоминалось в инструкциях, которые Рамзей Макдональд дал Верховному комиссару Уокопу, посылая его в Палестину, и Уокоп всегда относился к этой идее положительно. Он, однако, не оказывал давления на нас до тех пор, пока на него самого не начало оказывать сильнейший нажим Министерство

колоний. В представленном на наше рассмотрение проекте говорилось о Совете, состоящем из четырнадцати арабов (девять из них должны были быть избраны, пять – назначены), семи евреев (три избранных, четыре назначенных), двух представителей торгово-промышленных слоев без конкретизации национальной принадлежности (назначенных) и пяти британских чиновников.

Споры по поводу Законодательного Совета тянулись, как видим, уже много лет. Во времена моей отставки Уокоп часто консультировался со мной по этому вопросу, и я неизменно указывал, что говорить об избрании арабов, которые представляли бы свой народ, это значит противоречить демократическому принципу, который предполагалось этим соблюсти, ибо подобный Законодательный Совет в условиях Палестины стал бы не чем иным, как осовремененным вариантом старых феодальных порядков, то есть продолжением власти семейных кланов, которые в течение столетий держали страну у себя в повиновении и заставляли бедняков склонять перед ними головы.

Я указывал также, что проведение официальных выборов со всей очевидностью позволит клану Хусейни, муфтию и их группе еще эффективнее терроризировать арабские деревни, чем они делали это прежде. Не знаю, согласился или не согласился сэр Артур с моими доводами; знаю только, что начиная с зимы 1935 года он все настойчивей добивался создания Совета.

Верно, что предполагаемый Законодательный Совет был задуман так, чтобы уравнять число арабов с евреями, британскими чиновниками и остальными членами; верно также, что право выдачи сертификатов на иммиграцию оставалось за Верховным Комиссаром. Но, во-первых, у нас уже был достаточный опыт общения с британскими чиновниками в Палестине, чтобы понимать, что на них нельзя полагаться в деле защиты принципов мандата; во-вторых, мы предвидели, что стоит лишь создать такой Совет, как следующим

шагом станет предоставление арабам все возрастающей роли в решении не упомянутых в проекте проблем, и в конце концов мы окажемся перед угрозой прекращения развития еврейского Национального очага. Вот почему мы упорно не соглашались на создание подобного Совета; вот почему мы боролись против него и в Палестине, и в Англии.

Среди различных альтернатив составу Совета, предлагавшемуся британским правительством, была и такая, по которой евреи и арабы были бы представлены в равном количестве, а решающий голос имели бы британские чиновники. В тот момент это представлялось мне приемлемым решением. Я понимал кроющиеся и в таком плане опасности, но считал, что мы можем в определенной мере избежать их благодаря поддержке мирового общественного мнения, ибо положение, в котором мы оказывались, упорно отказываясь обсуждать идею создания Совета, становилось для нас неблагоприятным. В глазах общественности это выглядело так: английское правительство предлагает создать "Палестинский законодательный Совет", а сионисты отказываются. Естественно заключить, что сионисты недемократичны или даже антидемократичны. У меня были и другие соображения: в Совете с равным числом евреев и арабов установятся регулярные контакты между представителями двух народов – быть может, терпение и добрая воля позволят уменьшить взаимный страх, который нас разделяет. Страх невозможно победить логическими рассуждениями; но порой его можно преодолеть ежедневным общением.

Как мы знаем, Законодательный Совет так никогда и не был создан. Но моя готовность обсуждать это предложение даже лишь при условии равного представительства дала повод для самых яростных атак из всех, каким я когда-либо подвергался. Меня называли не только "миротворцем", но и прямым британским агентом – и это обвинение всякий раз возникало вновь, стоило лишь мне столкнуться с экстремистами

из нашего движения. Полагаю, что это обвинение живо и по сей день. Мне остается только повторить вслед за Ницше: "В чистом – все чисто; в свинье – все свинство".

По мере ухудшения международной обстановки, – с усилением гитлеровской Германии, началом Итало-Абиссинской войны, приближением гражданской войны в Испании, – отсутствие четкой политики со стороны демократических держав вносило в общую картину все более и более угрожающие симптомы. Слабость, проявленная Францией при захвате Гитлером Рейнской области, нерешительность Англии, когда Муссолини направил свои военные суда через Суэцкий канал, – все это создавало у арабов впечатление, что у демократических держав можно вырвать уступки только силой. В 1936 году в Палестине вспыхнуло арабское восстание. В сионистской истории открылась новая печальная глава.

Началось со спорадических волнений. Английское правительство, в общем духе того времени, не проявило решительности. Не было предпринято никаких серьезных попыток усмирить бунтующих, и у арабов создалось впечатление, что они правильно выбрали момент и способ действий. Прошел месяц, и арабские лидеры, поощренные развитием событий, создали Верховный арабский комитет во главе с муфтием и призвали ко всеобщей забастовке.

Связь между этим Комитетом и бунтами была вполне очевидной. Руководитель сирийских партизан Фаузи Каукджи, прибывший в Палестину для организации бандитских отрядов, был старым другом муфтия. Вскоре засады на дорогах и убийства еврейских путников, нападения на еврейские поселения, поджоги еврейских полей, выкорчевка посаженных евреями деревьев распространились по всей стране. Администрация Палестины, действуя, несомненно, по инструкции из Лондона, сама способствовала вмешательству в палестинские дела арабских держав и в августе 1936

года пригласила иракского министра иностранных дел для переговоров с Верховным арабским комитетом, тем самым признав некий официальный статус за наемниками Каукджи. Это было в лучших традициях политики "умиротворения".

Ни для кого не было тайной, что подстрекательство и финансовая помощь стран оси Берлин – Рим тоже сыграли свою роль в палестинских волнениях.

Как только администрация потеряла контроль над событиями и бандиты, засевшие на холмах, получили возможность организоваться, перед английской армией возникли серьезные проблемы. Регулярная армия всегда находится в невыгодном положении по сравнению с партизанами, в особенности в стране с такими географическими условиями, как Палестина. Каукджи был умелым командиром и отлично руководил своими немногочисленными силами. Он обучил их, в частности, искусству рассеиваться, укрываться среди деревенских жителей, а потом собираться вновь. Британские части с их тяжелым снаряжением не могли справиться с легковооруженными, подвижными арабскими отрядами.

В мае 1936 года британское правительство решило назначить Королевскую комиссию для "расследования причин волнений и предполагаемых жалоб арабов на евреев". Эта знаменитая "Комиссия Пиля", названная так по имени ее председателя, была самой высокопоставленной и компетентной из всех комиссий, когда-либо направленных в Палестину. Многие из нас думали, что она окажется внимательной и беспристрастной. Мы надеялись, что выводы, к которым она придет, позволят значительно продвинуться в решении наших проблем.

Что касается меня лично, должен признаться, что с момента прибытия Комиссии Пиля в Палестину (это произошло лишь в ноябре 1936 года) и по мере приближения окончания ее работы я все больше проникался убеждением, что ее выводы могут послужить нача-

лом нового этапа в нашем движении. Когда наступило 25 ноября – дата моего выступления перед Комиссией Пиля, – я отправлялся в Иерусалим не без внутренней тревоги. Помню, как я шел между двумя рядами собравшихся к двери здания, где заседала Комиссия, и слышал с обеих сторон отчетливый шопот: "Ха-Шем яцлиах даркеха" ("Да благословит Господь твою дорогу"). Я чувствовал, что представляю не только этих людей и бессчетное множество наших соплеменников в других странах, но все прежние поколения евреев – тех, что погребены в древних, прижатых друг к другу могилах на Масличной горе, и тех, места последнего отдохновения которых рассеяны по всему миру. И я знал, что любая моя оплошность, любая ошибка, какой бы ничтожной она ни была, будет не просто моей личной ошибкой – она отзовется на доверии к моему народу. Лишь в редчайшие минуты прежде и потом ощущал я такую тяжесть ответственности.

Я начал свое выступление перед Комиссией Пиля с напоминания о шести миллионах евреев (горькое и подсознательно пророческое совпадение с числом уничтоженных вскоре Гитлером), "которых удерживают в местах, где они не хотят находиться, и для которых весь мир поделен на места, где они не могут жить, и места, куда их не пускают". "Для этих людей, – сказал я, – сертификат на въезд в Палестину – величайшее благо. Лишь один из двадцати, один из тридцати получает его, и для него это означает спасение". Пытаясь объяснить, как возникло такое положение, я рассказал об ухудшении условий существования евреев в Центральной и Восточной Европе в последние годы. Но я хотел раскрыть всю глубину еврейского вопроса. Я сказал: "Говоря о еврейском народе, мы говорим о народе, который везде составляет меньшинство, нигде – большинство, о народе, который до определенной степени сходен с народами, среди которых он живет, но не до конца идентичен им. Это некий бесплотный дух нации, и дух этот вызывает подозрения, а

подозрения порождают ненависть. Должно быть хоть одно место в мире, во всем широком Божьем мире, где мы могли бы жить и выражать себя в соответствии с нашим национальным характером и вносить наш вклад в мировую цивилизацию нашим специфическим образом и нашими особыми путями".

Я напомнил далее о Бальфурской декларации, о которой кто-то сказал, что это "довольно туманный документ, опубликованный в годы войны и несущий на себе все следы военной поспешности". Я сумел, мне кажется, опровергнуть мнение, будто Декларация была составлена второпях и произвольно. Я процитировал слова лорда Роберта Сесила, так определившего смысл того, что пытались выразить авторы Декларации: "Аравия – для арабов, Армения – для армян, Иудея – для евреев". В заключение я рассказал о том, что мы успели сделать в Палестине, где в это время насчитывалось четыреста тысяч евреев (по сравнению с пятьюдесятью пятью тысячами времен опубликования Декларации), и указал на ту пользу, которую наша работа принесла стране.

В последующие дни, во время длительных и детальных расспросов, я еще не раз имел возможность подробно говорить о наших проблемах. Серьезность и целенаправленность этих расспросов произвели на меня самое положительное впечатление. Я вскоре вернулся в Реховот к своей научной работе, но меня еще несколько раз вызывали в Иерусалим для дополнительных бесед.

8 января меня впервые спросили, каково мое отношение к идее раздела Палестины. Со мной не было никого из товарищей. Меня спросили, не ошеломляет ли меня эта идея, и я сказал, естественно, что не могу ответить, пока не посоветуюсь с моими коллегами. В действительности я сразу понял, какие возможности и перспективы открывает перед нами это неожиданное предложение. Для решения еврейского вопроса предлагалось нечто совершенно новое, нечто такое, к чему

следовало отнестись с чрезвычайным вниманием, что ни в коем случае нельзя было превращать в тему для вульгарной пропаганды и озлобленной полемики. Помню, что вскоре после этого я сказал одному из товарищей: "Идея еврейского государства, еврейской независимости даже в части Палестины – такая грандиозная идея, что обращаться с ней нужно, как с именем Господа, которое нельзя произносить всуе".

С самого начала было очевидно, что территория, "предлагаемая" нам, будет крохотной. Вероятно, часть ее должен был составлять Негев, то есть пустыня на юге Палестины. Возможен был также вариант, сдвинутый к северу, без Негева.

Но, даже не входя в практические детали, сама по себе идея раздела порождала серьезнейшую религиозную дилемму. Я обсуждал эту идею с несколькими людьми, стоявшими вне политики, религиозные убеждения которых глубоко уважал, и не встретил с их стороны особых возражений. Я представил им вопрос следующим образом: "Я знаю, что Господь обещал Палестину сынам Израиля, но я не знаю, в каких границах. Я полагаю, однако, что они были шире предлагаемых нам теперь и, возможно, включали Трансиорданию. Тем не менее мы уже отказались от восточного берега Иордана, а теперь нам предлагают отказаться и от части западного. Если Господь намерен выполнить обещание, которое Он дал Своему народу в свое время, то наше дело, дело простых смертных, живущих в трудные времена, сберечь как можно больше сынов Израиля. Приняв предложение о разделе, мы можем спасти больше, чем при нынешней мандатной системе".

Я всегда был глубоко убежден, что Господь избирает, как правило, небольшие страны, когда хочет передать через них Свое послание человечеству. Не в Карфагене или в Вавилоне, а в Иудее и в Греции зародились великие идеи, послужившие основой будущих ценностей человечества. Я верил, что и сейчас небольшое,

но должным образом организованное еврейское государство, живущее дружно со своими соседями, пользующееся любовью и преданностью еврейских общин всего мира, будет великим благом для нас и равно великим благом для всего человечества.

Были также – и остаются – прямые политические соображения, склонявшие меня к идее раздела. Я считал, что существование еврейского государства даст нам реальную возможность примирения с арабами. До тех пор, пока сохранялся мандат, арабы имели основания опасаться, что в конце концов мы поглотим всю Палестину. Что бы мы ни говорили об уважении к их правам, ими владел страх, который делал их глухими к голосу рассудка. Еврейское государство с международно установленными границами было бы чем-то определенным; переход за эти границы был бы актом агрессии, на который евреи никогда не пошли бы, – не только из-за моральных последствий, но и потому, что он восстановил бы против нас весь мир. Мы перестали бы быть меньшинством в Палестине, мы стали бы большинством в своем собственном государстве, и смогли бы на равных правах говорить с нашими арабскими соседями в Палестине; у нас было бы много общих интересов – пошлины, гавани, железные дороги, ирригация и проекты дальнейшего развития страны. И такая общность интересов, если ее правильно использовать, способна стать фундаментом мирного и плодотворного сотрудничества.

Увы, мои надежды, что план раздела Палестины будет обсуждаться на том высоком уровне, которого это обсуждение заслуживало, не оправдались. Он стал лишь центром самых яростных споров, когда-либо раздиравших сионистское движение. Двадцатый сионистский конгресс, собравшийся в Базеле в августе 1937 года, в надвигавшихся сумерках нацистского господства в Европе, разделился на сторонников и противников раздела; и деление это, я вынужден заметить, обусловлено было не столько достоинствами

или недостатками самого проекта, сколько предвзятыми мнениями. Тщетно я ссылался на мнение лучших наших экспертов, утверждавших, что еврейское государство, занимающее даже часть Палестины, способно будет принимать сто тысяч иммигрантов в год и обеспечивать еврейское население численностью в два с половиной – три миллиона человек: раскол шел по давно возникшим трещинам. Я снова оказался перед лицом оппозиции, состоявшей из американских сионистов, партии "Мизрахи" и той части ревизионистов, которая не покинула Сионистскую организацию.

Но даже оппозиция не могла больше игнорировать угрозу, нависшую над евреями Европы, а перспектива их спасения, которую обещало создание еврейского государства, исключала безоговорочный отказ от идеи раздела. Поэтому в конечном итоге Двадцатый конгресс утвердил, среди прочих, следующие резолюции:

"Конгресс заявляет, что проект раздела, предложенный Королевской комиссией, является неприемлемым;

Конгресс поручает Правлению вступить в переговоры с целью уточнить условия создания предлагаемого британским правительством еврейского государства;

В ходе этих переговоров Правление не будет связывать себя или Сионистскую организацию никакими обязательствами, а в случае выработки окончательного плана создания еврейского государства вынесет этот план на утверждение вновь избранного конгресса".

Таким образом Конгресс констатировал, что он готов обсуждать план раздела, и все дело было только в том, что одни имели смелость заявить об этом открыто, тогда как другие хотели бы сохранить репутацию бескомпромиссных максималистов.

Как оказалось, словесные битвы были лишены смысла: идея раздела, выдвинутая британским правительством на основании отчета Комиссии Пиля, даже не рассматривалась всерьез. Единственным результатом бурных обсуждений этой идеи, было распространение

слуха, что евреи выступают против раздела, что было очевидной неправдой. Если учесть, насколько далеко отходило возможное предложение от первоначальной программы сионизма, и учесть внутреннюю борьбу между различными партиями в Сионистской организации, то соотношение 2:1, которым конгресс утвердил приведенные выше резолюции, является весьма многозначительным. И будущее показало миру, что я правильно истолковал отношение евреев к идее раздела.

Глава 36

УГРОЗА АННУЛИРОВАНИЯ БАЛЬФУРСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

Британия официально предложила свой план раздела Палестины в "Белой книге", опубликованной в 1937 году. Предложение сопровождалось серией предварительных административных мер, принятых "на время разработки плана раздела", которые явились тяжелым ударом по еврейскому Национальному очагу. Эти меры осуществлялись без всякого выяснения того, как относится к ним еврейское общественное мнение. То были первые признаки аннулирования Бальфурской декларации. Практически окончательно она была аннулирована "Белой книгой" 1939 года. Это был классический пример постепенного предательства малых народов, которое практиковали в ту эпоху "умиротворения" великие демократические державы.

"Белая книга" 1937 года базировалась на отчете Комиссии Пиля. Это был необычный документ. С одной стороны, он признавал еврейские достижения в Палестине, с другой – рекомендовал меры, которые шли вразрез с этим признанием. Отчет опровергал настойчиво распространявшуюся ложь, будто приобретение нами земель и их развитие вели к обезземеливанию арабов, но сразу же вслед за этим он предлагал резко ограничить наши права на приобретение земель. Он утверждал, что еврейская иммиграция благоприятно отразилась на положении арабов; и тут же рекомендовал суровые меры по ограничению этой иммиграции. И меры эти были тем более обидными, что практически

совпадали с требованиями арабских террористов и подрывали самые основы мандата.

По условиям мандата и в соответствии с соглашением между Еврейским Агентством и Великобританией еврейская иммиграция в Палестину должна была определяться абсорбционными возможностями страны. Тем самым предотвращался тот вред, который иммиграция могла бы нанести местному населению. Евреи были допущены в Палестину "по праву, а не по причине перенесенных страданий", и они прибывали по мере того, как создавались возможности для их трудоустройства. Комиссия Пиля признала, что этот принцип является удовлетворительным: евреи в большом количестве прибывают в Палестину (более сорока тысяч в 1935, более шестидесяти тысяч в 1936 году), а арабы извлекают экономическую выгоду из их иммиграции. Теперь отчет комиссии Пиля рекомендовал "принимать во внимание политические и психологические факторы" при выдаче разрешений на иммиграцию. Иными словами, он ставил иммиграцию в зависимость от желания арабов. Разумеется, это не говорилось в открытую. Окончательные циничные уточнения прозвучали в "Белой книге" 1939 года. Но смысл происходящего и тогда был ясен. Арабские террористы одержали свою первую большую победу. Мандат был объявлен неудовлетворительным.

Между тем в самой Палестине продолжался арабский террор, подъемы и спады которого зависели не столько от благосклонностей военной фортуны, сколько от колебаний в британской политике. Осенью 1936 года англичане провели решительную операцию против террористов, и она дала отличные результаты. Большое количество евреев было зачислено в *гафирим,* или местную милицию для охраны поселений. Все время пребывания в Палестине Комиссии Пиля царило относительное спокойствие. С лета 1937 года беспорядки снова усилились. С апреля 1936 года по март 1937 года

было убито девяносто три и ранено более четырехсот евреев. Ущерб, нанесенный еврейскому имуществу, оценивался почти в полмиллиона фунтов стерлингов. Но эта цифра не учитывала тяжелых потерь, нанесенных необходимостью отвлекать людей от производственного труда для самообороны, разрушением линий связи и путей сообщения и общим ухудшением экономической ситуации, обусловленным как самим террором, так и порождаемой им неуверенностью в политическом будущем страны.

В сентябре 1937 года английская армия снова предприняла энергичные действия, и террор пошел на спад, но в октябре опять усилился. В первые месяцы 1938 года арабские банды в горах действовали очень активно – за год было убито шестьдесят девять англичан, девяносто два еврея и четыреста восемьдесят шесть арабских мирных жителей. Погибло также более тысячи самих бандитов. Волнения не затихали до сентября 1939 года, когда началась Вторая мировая война.

Весь описываемый период евреи Палестины демонстрировали моральный принцип *хавлага* (сдержанность), который предписывался сионистской традицией и который снискал им восхищение либерального общественного мнения во всем мире. Последовательность, с которой они придерживались этого принципа, тем более примечательна, что *хавлага* отнюдь не приносила евреям тех политических дивидендов, которые политика насилия приносила арабам, и была утешением только сама по себе. Точно так же, как евреи следовали своей моральной традиции, британская администрация следовала своей, объединяя евреев и арабов под общей рубрикой "зачинщиков беспорядков". Это выглядело как прямое подстрекательство евреев к ответному террору, и по-человечески было вполне понятно, что летом 1938 года некоторые евреи наконец не выдержали и последовали примеру арабов. Но эти евреи и тогда составляли очень незначительное

меньшинство. Ишув в целом тогда, как и сейчас, твердо выступал против еврейского террора.

Эти мрачные годы освещены только воспоминанием о необычном и ярком человеке, находившемся тогда с нами, – Орде Вингейте, которого иногда называют "Лоренсом Иудейским". Это прозвище он заслужил не только своими боевыми действиями в качестве руководителя еврейских антитеррористических отрядов, но и своей страстной преданностью идеалам сионизма.

Его военные таланты многократно описаны в литературе, и мне не пристало судить о них. Но я могу засвидетельствовать, что он был настоящим кумиром своих бойцов и вызывал их восхищение своей выдержкой, смелостью и дерзостью замыслов. Сотни людей помнят, как он справился с арабскими повстанцами, которые то и дело совершали налеты на нефтепровод Хайфа – Мосул. Вингейт создал особый мотоциклетный отряд, охранявший нефтепровод по всей его протяженности и ликвидировал угрозу нападений. Его отрядов арабы боялись больше всего. Он рассказывал мне, что во время операций против арабских налетчиков ему часто приходилось слышать крик: "Спасайтесь! Это не англичане! Это евреи!"

Я впервые встретил Вингейта и его очаровательную молодую жену Лорну в правительственном здании в Иерусалиме. На меня произвели большое впечатление его личность и его взгляды – не только на палестинские, но и на общемировые проблемы. Он сразу заявил себя пламенным сионистом, причем его убеждения не были результатом пропаганды, а были следствием тщательного самостоятельного изучения сионистской литературы, сочетавшегося с глубоким, продолжавшимся всю жизнь, изучением Библии. Библия и военное искусство составляли две его главные страсти.

Вскоре он стал часто навещать меня в Реховоте. Обычно он приезжал в своем маленьком автомобильчике, вооруженный до зубов. Вингейт был нетерпелив и часто сердился на меня за мои, как он говорил, кункта-

торские* методы. К английскому правительству он относился не менее критично, чем к своим непосредственным начальникам, и исповедовал убеждение, что если правительство не заставить, оно ничего для нас не сделает: Палестинская администрация, утверждал он, состоит почти без исключения из заклятых врагов сионизма. Он не раз повторял: "Вы должны пробиться на Даунинг-стрит, к премьер-министру, и рассказать ему, что все идет из рук вон плохо, что администрация вас давит, ведет себя предательски. И сказав это, не ждать ответа, а немедленно покинуть кабинет".

Возможно, жизнь в конце концов и его чему-то научила. Но в те годы он абсолютно не терпел дураков, самым резким образом критиковал наших видных мужей и находился в постоянной немилости у начальства. Генерал Уэйлвелл (Вейвел), высоко отзываясь о его блестящих действиях в Абиссинии, тем не менее писал о Вингейте: "Когда все было кончено, он направил мне меморандум, который давал мне достаточно оснований отправить его под арест за нарушение субординации". Во время войны, находясь в отпуске в Лондоне, Вингейт собирал самых разных людей, чтобы проповедовать им идеи сионизма. Среди прочих он наткнулся на лорда Бивербрука, чьи антисионистские взгляды были широко известны. Бивербрук пытался осадить Вингейта, но Вингейт сказал ему: "То, что думаете вы, не стоит ломаного гроша; важно, что думает Бог, а этого вы как раз не знаете". Бивербрук не привык к подобному тону и пожаловался в Министерство обороны, что какой-то молодой офицер ведет в городе сионистскую пропаганду, несовместимую с его мундиром и рангом. Вингейт получил выговор, удлинивший список многочисленных неприятностей, которые валились на него.

По завершении абиссинской компании Вингейт,

*От латинского "cunctator" – осторожный, осмотрительный человек.

измученный малярией и постоянным употреблением хинина, так испортил отношения с начальством, что действительно всерьез заболел и был госпитализирован в Каире. Вернувшись в Лондон, он получил назначение в какую-то дыру, обучать новобранцев. Эта служба грозила ему моральным и физическим крахом. Он обратился ко мне за советом. Я был совершенно несведущ в подобных делах и, хотя мне очень хотелось ему помочь, не знал даже, как к этому подступиться. Потом я вспомнил, что могу поговорить с лордом Хордером, ведущим лондонским врачом и, кроме того, образованным и отзывчивым человеком. Я коротко пересказал ему основные факты биографии Вингейта и попросил засвидетельствовать в армейской медицинской комиссии, если он сочтет это возможным, что Вингейт – надежный, полностью осознающий ответственность человек. Хордер выполнил мою просьбу, и вскоре Вингейт получил новое назначение, опять под командование генерала Уэйлвелла, в Индию, где он создал знаменитые отряды, воевавшие за японскими позициями во время бирманской кампании. Его успехи на этом поприще стали легендарными. Он погиб в результате аварии самолета, на котором отправился в джунгли, вопреки совету пилота. Тело его отыскали только три года спустя.

У Вингейта была заветная мечта, так и оставшаяся неосуществленной: он хотел быть во главе британской армии, когда она вступит в Берлин. Когда в результате длительных переговоров и проволочек была создана наконец Еврейская бригада, я попросил, чтобы Вингейт был в нее назначен. По причинам вполне известным мне было в этом отказано. Идея создания еврейской боевой единицы никогда не пользовалась особой популярностью в Министерстве обороны, а иметь еще впридачу во главе Еврейской бригады такого архисиониста, как Вингейт, было для них вовсе непереносимым. Отказ был недвусмысленный и бесповоротный.

Глава 37

"БЕЛАЯ КНИГА" 1939 ГОДА

Опубликовав отчет Комиссии Пиля, британское правительство приступило к созданию Комиссии Вудхеда, которая должна была представить конкретный план раздела. Эта комиссия отправилась в Палестину только в апреле 1939 года, а в октябре она опубликовала отчет, в котором заявляла, что не может предложить никакого реального плана. В ноябре правительство окончательно отвергло идею раздела Палестины. Похоже было, что Комиссия Вудхедта назначена просто для того, чтобы подготовить сообщение о заранее известном политическом курсе, для выработки которого уже не требовалось никаких комиссий.

То же самое можно сказать и о Тройственной конференции – с участием англичан, евреев и арабов, – которую английское правительство созвало в декабре 1938 года. Напомню, что это было за время: в октябре 1938 года по решению Мюнхенской конференции Гитлер получил Судеты; в марте 1939 года он аннексировал остальную часть Чехословакии. Чемберлен все еще верил – или делал вид, что верит, – что этими уступками он "купит мир для нашего поколения". Какие шансы были у евреев Палестины, что все эти комиссии и конференции направят правительство Англии по иному пути?

Тем не менее в положенное время евреи и арабы были приглашены принять участие в Тройственной конференции (еврейские делегаты – от всех групп, стоящих на различных политических позициях, араб-

ские – от Палестины и ее соседей – Египта, Ирака и так далее), и 7 февраля 1939 года конференция открылась с большой помпой в Сент-Джеймсском дворце. Торжественность момента была несколько омрачена тем, что приветствие Чемберлена пришлось оглашать дважды – один раз для евреев, другой – для арабов, поскольку эти последние не пожелали сидеть вместе с евреями и даже во дворец проходили через другой вход.

Атмосфера полнейшей бесплодности, царившая на конференции, была, разумеется, отражением общей атмосферы того времени. То были дни непрерывных "совещаний" в Берхтесгадене и Готесбурге. Англичане и французы проявляли одинаковое рвение, стремясь "договориться" с Гитлером. Помню, Леон Блюм говорил мне в те дни: "Эта дикая жажда обеспечить себе чисто физическую безопасность парализует их интеллект. Люди готовы отдать что угодно за иллюзию безопасности, надеясь – вопреки всякой логике – на чудо, которое спасет их страну от вторжения". Все это делало заранее обреченными все мои переговоры с Галифаксом, Чемберленом, Макдональдом. Они были твердо настроены "задобрить" арабов так же, как они задабривали Гитлера. Тем не менее я не оставлял своих попыток до самой последней минуты – и даже позже.

Следующий пример даст читателю представление о характере моих переговоров с английскими государственными деятелями. Перед самым опубликованием "Белой книги" 1939 года, когда иммиграционные ограничения уже вступили в силу, отчаяние евреев, пытавшихся бежать от надвигающейся катастрофы, стало невообразимым. Попытки найти спасение в Палестине привели к появлению "плавающих гробов", как их тогда называли, – непригодных к плаванию судов, переполненных мужчинами, женщинами и детьми, мечтающими в конце концов высадиться в Палестине. Многие из этих судов утонули в Черном и Средиземном морях. Другие достигли берегов Па-

лестины, но им не разрешено было причалить. С третьих пассажиры были сняты властями и отправлены в лагерь на остров Маврикий. Один из таких кораблей – корабль "Патрия" – оказался в ужасном положении уже во время войны, когда министром колоний был Ллойд Джордж. Узнав об этом случае, я отправился к нему – скорее в отчаянии, чем с надеждой, – чтобы попытаться убедить его дать разрешение на высадку пассажиров. Все мои доводы были напрасны. Ллойд Джордж ни в чем не соглашался со мной. Он прямо об этом заявил и добавил: "Я должен признаться, что я принял меры, чтобы блокировать все ваши ходы. Я знаю, что вы пойдете теперь к Черчиллю и попытаетесь переиграть меня. Поэтому я предупредил премьер-министра, что ни в коем случае не соглашусь. Так что не пытайтесь, пожалуйста, воздействовать на него".

Но Ллойд Джордж не упомянул о Министерстве иностранных дел, поэтому я решил отправиться к Галифаксу. Мне пришлось снова повторить все мои аргументы о законе, морали и о бесчеловечности "Белой книги", которая была похожа на "указ", достойный любого деспота, проводившего политику систематического преследования евреев. Но я видел, что ничто не действует на него. Тогда я сказал: "Послушайте, лорд Галифакс. Я всегда думал, что разница между евреями и христианами состоит в том, что евреи придерживаются буквы закона, тогда как христиане смягчают суровость закона чувством сострадания". Он переменился в лице, поднялся и сказал: "Не будем продолжать, доктор Вейцман. Вы услышите о моем решении". На следующий день с невыразимой радостью и облегчением я узнал, что он послал в Палестину телеграмму, разрешающую высадку пассажиров с корабля "Патрия". Вскоре после этого я встретил Ллойд-Джорджа, который заметил мне без всякой злобы: "На этот раз вы меня обошли. Я-то думал, что заткнул все дыры, но я совсем забыл о Галифаксе". В глубине души я

был уверен, что Ллойд Джордж сам был доволен таким ходом дела.

Но в моей памяти запечатлелась и совсем иного рода встреча с Галифаксом. Во время Тройственной конференции он вызвал меня и обратился ко мне со следующими словами: "В жизни людей и народов бывают минуты, когда целесообразность оказывается выше принципов. Я полагаю, что в истории вашего движения наступила как раз такая минута. Не знаю, последуете ли вы моему совету, но было бы желательно, чтобы вы сделали заявление, в котором провозгласили бы основные принципы сионизма, вами исповедуемые, и одновременно отказались бы от всех прав, вытекающих из мандата и других постановлений, на нем основанных".

Поначалу я был совершенно ошеломлен этим предложением. Подумав минуту, я спросил: "Скажите, что вам даст мое согласие, которого в действительности я не могу и не хочу вам дать? Допустим даже, что я сделаю такое заявление. Это приведет лишь к тому, что я немедленно исчезну из сионистского руководства и буду заменен людьми, настроенными гораздо резче и непримиримее, чем я, людьми, для которых традиции, составляющие содержание и гордость моей жизни в течение последних сорока лет, - пустой звук. Вы добьетесь лишь того, что спровоцируете сионистское движение подчиниться его самым экстремистским элементам".

Я добавил еще: "Не говоря уже о движении, что было бы со мной самим?" И коротко ему напомнил историю Саббатая Цви, вождя движения за "Возвращение" и лжемессии, который собрал в XVII веке огромное количество приверженцев со всего света и подошел к воротам Константинополя, угрожая самому султану. Султан испугался этих влекомых мистическим пылом толп и послал за своим еврейским врачом. Тот дал ему совет: "Призови к себе вождя этих евреев и скажи

ему, что ты готов отдать Палестину при условии, что он примет ислам". Саббатай Цви принял предложение султана и стал мусульманином. В результате его последователи, исчислявшиеся сотнями тысяч, рассеялись, и от движения ничего не осталось, если не считать крохотной кучки турецких евреев, именующих себя "денмэ", – потомков тех немногих отщепенцев, которые вслед за Саббатаем Цви приняли ислам. Я спросил Галифакса: "Неужели вы хотите, чтобы я завершил свою жизнь таким недостойным образом?" На этом мы и расстались.

Галифакс самым удивительным образом не понимал, что творят с немецкими евреями. Во время той же конференции он подошел ко мне и сказал: "Я только что получил письмо от своего друга из Германии, который описывает совершенно чудовищные зверства, совершаемые нацистами в каком-то концлагере, – его название мне совершенно незнакомо". Он стал припоминать название, и я догадался, что он имеет в виду Дахау. Он сказал затем, что вся эта история кажется ему абсолютно неправдоподобной и, если бы письмо не было подписано человеком, которому он полностью доверяет, он вообще не придал бы этому ни малейшего значения. К тому времени весь мир уже пять-шесть лет знал о существовании концлагеря в Дахау, в котором тысячи людей были искалечены, замучены и убиты, а британский министр иностранных дел даже не знал его названия и не верил, что подобные вещи могут происходить. И только то обстоятельство, что он получил письмо от человека, которому "полностью доверяет", привлекло его внимание! Трудно сказать, было ли это глубочайшее невежество типично для всей британской правящей верхушки, но судя по поведению ее многих представителей, они либо не знали, либо не желали ничего знать, потому что это знание им мешало, было тревожным и опасным. Легче было считать, что происходящее – немецкие "внутренние дела", и не следовало допускать

того, чтобы они повлияли на дружественные отношения между двумя великими державами.

Сталкиваясь с этим недоверчивым удивлением и равнодушием, я всегда был потрясен до крайности. Когда после убийства фон Рата в Париже началось сожжение синагог, я сказал Антони Идену: "Этот огонь может легко перебросится на Вестминстерское аббатство и другие английские соборы. Когда какому-либо правительству разрешается безнаказанно уничтожить целую общину, не совершившую никакого преступления, если не считать того, что она находится в меньшинстве и исповедует свою особую религию, когда такой режим, угнездившийся в самом сердце европейской цивилизации, не подвергается даже словесному осуждению, это означает начало анархии и разрушения самих основ цивилизации. Те, кто стоит в стороне и не предпринимает никаких мер, чтобы остановить эти преступления, сами в один прекрасный день подвергнутся суровому наказанию".

Стоит ли объяснять, что я взывал к глухим? Британский высший свет лез из кожи вон, чтобы пробиться на приемы к Риббентропу в немецком посольстве; получить приглашение на них считалось знаком высшего отличия; а еврейскую кровь, засохшую на руках хозяев дома, старались не замечать, хотя она взывала к небесам.

... В те предвоенные дни наши протесты, стоило нам их заявить, рассматривались как провокация; наш отказ подписаться под нашим собственным смертным приговором рассматривался как досадная и неприятная помеха; мы вызывали раздражение. То угрозами, то уговорами нас пытались принудить к отказу от Палестины. Лорд Галифакс однажды сказал мне: "Вы ведь знаете, что англичане всегда были друзьями евреев, – а у евреев осталось сейчас так мало друзей в мире. Не стоит, наверно, объяснять, что подобные аргументы всегда производили обратный эффект.

Уже начало Сент-Джеймсской конференции показа-

ло, что все объединилось против нас. Однако точные замыслы английского правительства были поначалу неизвестны. Ясно было, что оно только ждет благоприятного момента для объявления своих планов.

Как-то, в разгар конференции, мы получили приглашение на правительственный завтрак. Завтрак был назначен на понедельник, а в субботу вечером я получил меморандум министерства колоний, попавший ко мне явно вследствие бюрократической ошибки – он был предназначен только для членов арабской делегации. В меморандуме, черным по белому, были сформулированы основные принципы будущей "Белой книги", которые представлялись на рассмотрение арабов! Арабское государство в Палестине спустя пять лет; ограниченная еврейская иммиграция в течение этого срока и полное ее прекращение затем, если арабы не дадут на нее своего согласия. Я едва мог поверить своим глазам. Мы уже сознавали, что конференция становится бессмысленной; а после того, что произошло с Австрией и Чехословакией, ничто не могло нас удивить. Но одно дело – чувствовать, другое – видеть все это изложенным черным по белому, расписанным в деталях и знать, что это передано арабам на одобрение в то время, когда еще идут "переговоры"!

Заканчивая рассматривать этот документ, я вспомнил, что большинство моих друзей находится сейчас на приеме у Гарри Сакера, дом которого стоял в нескольких шагах от моего. Я бросился туда, и мы ухитрились вызвать к Сакеру лорда Рэдинга и Малькольма Макдональда. Последовала бурная и крайне неприятная сцена. Мы без обиняков сказали Макдональду, что мы думаем об этом документе, и попросили аннулировать приглашение на завтрак: мы не будем гостями правительства, которое предает нас таким образом.

Вся эта история совпала по времени с беспрепятственным и не вызвавшим ничьего протеста вторжением Гитлера в Чехословакию и оккупацией Праги. Я это хорошо помню, потому что в тот день к нам на обед

пришел Ян Масарик. Мы с ним были и всегда оставались друзьями – не только в личном, но и в общественном плане. Семья Масариков очень сочувствовала идеям сионизма – отец Яна, основатель и первый президент Чехословацкой республики, горячо поддерживал Бальфурскую декларацию. Теперь, в дни "Белой книги", великие державы начали относиться к представителям Чехословацкой республики так, как если бы они были евреями.

Ни евреи, ни чехи никогда не забудут слов, произнесенных Чемберленом по поводу оккупации Гитлером чешской столицы. Почему Англия должна рисковать ради спасения "далекой страны, о которой мы почти ничего не знаем и язык которой не понимаем?" Эти слова были покорно проглочены понятливым парламентом, многие члены которого отлично знали, что Чехословацкая республика является бастионом свободы и демократии в Европе и сохранение ее имеет огромное значение для западных держав. Не говоря уже о прочем, слова Чемберлена были просто оскорбительны для всего чешского народа. И помнится мне, я тогда подумал, что если уж так говорят о чехах, то чего ждать евреям!

Когда Ян Масарик пришел в тот вечер к нам, он был неузнаваем. Исчезли бодрость и жизнерадостность, которые всегда его отличали. Лицо его было цвета пергамента, а выглядел он как совсем старый и сломленный человек. То, что он рассказывал, было невыносимо слушать. В то утро он встретился с премьер-министром Англии и призвал того к ответу за сознательное предательство Чехословакии. "Чемберлен остался невозмутим. Когда я кончил, он сказал: "Мистер Масарик, вы верите в Бенеша, а я доверяю Гитлеру...". Масарику оставалось только подняться и покинуть кабинет.

Большая демократическая страна с великолепной армией и превосходными военными заводами была запросто отдана будущему покорителю Европы; народ, который доблестно сражался за свою свободу, был

предан всеми правительствами. Мы, евреи, еще не знали, что готовит нам будущее. Мы знали только, что тоже не можем рассчитывать на сочувствие или поддержку западных демократий.

Но как бы ни были мрачны перспективы, какими бы несокрушимыми ни казались противостоящие силы, – нужно было что-то делать. Мы стали искать контактов с арабами. Удалось организовать одну-две неофициальные встречи с некоторыми членами арабской делегации. Это не дало никаких практических результатов, но помогло наладить определенные отношения. Особенно дружелюбным оказался египетский делегат Али Маэр; некоторые иракские делегаты тоже готовы были вести переговоры с нами. Но саудовские делегаты наотрез отказались обсуждать что-либо. Тем не менее мне казалось, что, невзирая на разочаровывающие результаты, эти попытки следует продолжать, что бы они ни принесли. 25 марта мы выехали из Лондона в Палестину и по пути остановились в Египте. Али Маэр, прибывший до нас, организовал нам встречу со многими египтескими руководителями, в том числе с премьером Мохаммедом Махмудом. Мы говорили о возможности промышленного и культурного сотрудничества евреев с египтянами в Палестине. Египтяне знали и высоко ценили наши достижения и выразили надежду, что в будущем им, возможно, удастся способствовать налаживанию отношений между нами и палестинскими арабами.

После гнетущей обстановки Сент-Джеймсской конференции эти разговоры меня очень приободрили. Я снова, как прежде и потом, почувствовал, что если британское правительство действительно захотело бы приложить силы и проявить добрую волю для установления хороших отношений между евреями и арабами, то многое могло бы быть сделано. Но – увы! – всякий раз, когда мы обсуждали эту возможность с англичанами, они находили, что трудности здесь непреодолимы.

Первоначально я намеревался пробыть в Палестине несколько месяцев – возможно, до августа, когда должен был собраться в Женеве очередной конгресс. Я не верил, что в Лондоне еще чего-то можно добиться. Я устал от нервного и физического напряжения последних недель и надеялся отдохнуть, возобновив свою работу в Палестине. Но друзья настаивали, чтобы я вернулся в Лондон и попытался в последний раз лично убедить премьер-министра, что опубликование "Белой книги" принесет нам непоправимый вред. Я понимал, что это бесполезно, и не скрывал от друзей своего мнения. Но они твердили, что нужно бороться до конца.

Я снова попросил аудиенцию у Чемберлена и с тяжелым сердцем вошел в назначенный час в особняк на Даунинг-стрит. Я умолял премьера остановить занесенный над нами меч и не публиковать "Белую книгу". Я сказал: "С нами произойдет то же самое, что с Австрией и Чехословакией. Это будет потрясением для народа, хоть и лишенного государственности, но играющего тем не менее огромную роль в жизни человечества". Чемберлен сидел напротив как мраморная статуя, смотрел на меня своими лишенными выражения глазами, но так и не сказал ни слова. Я думаю, он принял меня только потому, что не посмел отказать человеку моего возраста, который специально предпринял изнурительную поездку из Палестины в Лондон, чтобы поговорить с ним несколько минут. Но я не добился от него никакого ответа. Он взял курс на умиротворение арабов, и ничто не могло свернуть его с этой дороги. История показала, что он приобрел на избранном пути: восстание Рашида Али в Ираке, сговор муфтия с Гитлером, знаменитая "нейтральность" Египта, почти не скрываемая враждебность чуть ли не всех арабских государств – таков был результат его политики.

Об одержимости Чемберлена идеей умиротворения уже много писалось. Я приведу здесь еще один пример. Вскоре после Сент-Джеймсской конференции

я получил по секретным каналам из Германии совершенно исключительный документ, который меня просили срочно довести до сведения премьер-министра. Он был составлен и переслан с риском для жизни мэром Лейпцига Герделером, который впоследствии, незадолго до конца войны, был обвинен в участии в покушении на Гитлера и казнен. Документ подробно описывал положение в Германии и заканчивался призывом к Чемберлену не поддаваться шантажу и вымогательствам во время предстоящих встреч с Гитлером в Готесбурге и Мюнхене.

Я показал этот документ знакомому члену правительства и попросил передать его Чемберлену. Ему это не удалось. Тогда я отправился к сэру Уоррену Фишеру, одному из руководителей гражданской администрации и близкому другу Чемберлена, живущему рядом с ним на Даунинг-стрит. Я показал ему документ и объяснил, что Гределер наверняка не раз рисковал жизнью, собирая эту информацию. Фишер открыл ящик стола и достал оттуда точную копию моего документа. "Это лежит здесь уже десятый день, – сказал он, – и все это время я пытаюсь заставить Чемберлена хотя бы взглянуть. Безнадежно".

Сент-Джеймсская конференция подошла к своему постыдному концу, и правительство стало подготавливать публикацию "Белой книги". Приближались дебаты в Палате общин. Мы понимали, что голосование будет не в нашу пользу, – таков был в эти дни дух, царивший в английском парламенте, уже имевшем на своем счету Вену и Прагу. Тщетны были и наши призывы к общественному мнению. Однажды я встретил Уинстона Черчилля, который сказал мне, что примет участие в дебатах и выступит против предлагаемой "Белой книги". Он пригласил меня на ленч в день дебатов. Я сообщил об этом коллегам. Они тотчас начали высказывать мне идеи, которые Черчилль, по их мнению, должен обязательно использовать в своем выступлении. Я внимательно слушал их, но в глубине души

был уверен, что такой оратор, как Черчилль, давно уже подготовил свою речь и вряд ли обрадуется, если кто-то начнет давать ему советы за час до выступления.

Как известно, Черчилль произнес против "Белой книги" 1939 года одну из лучших речей в своей жизни. Дебаты, в сущности, обернулись против правительства. Самые выдающиеся английские политические деятели выступили против "Белой книги", и стоит подчеркнуть, что, несмотря на господствовавший дух умиротворения, правительство одержало победу с минимальным перевесом: 268 голосов было подано "за", 179 – "против" и 69 депутатов воздержались. Покидая вместе с друзьями здание парламента, я слышал, как некоторые парламентарии говорили, что с евреями поступили нечестно.

Одно было утешительно во всей этой истории: твердость и единство еврейской делегации. В ней были представители всех крупнейших еврейских общин мира и носители самых разных убеждений – от закаленного экстремиста Усышкина до осторожных и склонных к компромиссу филантропов типа Берстэда и Рэдинга. На заседании в помещении Сионистской организации был поставлен на голосование вопрос, можно ли рассматривать "Белую книгу" как базу для дальнейшей дискуссии. Единогласное решение было отрицательным.

Глава 38

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В атмосфере нереальности и несущественности всего происходящего работал в Женеве с 16 по 25 августа 1939 года Двадцать первый сионистский конгресс. Над нами нависла мрачная тень "Белой книги", грозившей ликвидацией еврейского Национального очага, а над всем миром – страшная тень войны, грозившей уничтожить все ценности человечества, а может – и само человечество. До рокового дня 22 августа, когда был подписан Пакт о ненападении между Россией и Германией, мы еще надеялись, что война может быть предотвращена или, по крайней мере, отсрочена. Но в тот день, когда Гитлер избавился от опасности войны на два фронта, даже самые оптимистичные из нас лишились последней надежды. Еврейская беда слилась и с бедой общемировой и была поглощена ей.

Заседания конгресса между тем шли своим обычным ходом. Каждая группа старалась доказать свое, каждая резолюция вызывала традиционные споры. Работали по инерции, ощущая в то же время, что все сказанное или утвержденное в эти дни, потеряет смысл в самое ближайшее время.

Разумеется, мы единогласно отвергли "Белую книгу". Наш протест был отражен в декларации, гласящей, что в предстоящей мировой борьбе нам придется более, чем любому другому народу сражаться за демократию и потому мы будем сотрудничать с Великобританией, хотя она и вменяет нам в обязанность выполнение совершенно неприемлемых положений "Белой

книги". Наша позиция, таким образом, была парадоксальной, но эту парадоксальность создали не мы, а Великобритания.

После 22 августа Двадцать первый конгресс ускорил свою работу, дискуссии были свернуты, резолюции утверждались в ускоренном порядке. Правление было переизбрано, и вечером 24 августа, за день до официального закрытия конгресса, я произнес прощальную речь. Это было мучительное прощание, в котором все дурные предчувствия переплелись с надеждами, что эти предчувствия не сбудутся. Я отдельно обратился к польским делегатам с пожеланием, чтобы Господь помог им избежать судьбы, постигшей евреев соседней с ними страны, – и все мы с грустью сознавали, что эта мольба была единственным, что мы могли им предложить. Большую часть наших польских друзей мы никогда больше не увидели. Они погибли вместе с тремя миллионами других польских евреев в концлагерях, газовых камерах или в последнем отчаянном восстании в Варшавском гетто.

В ту же ночь мы с женой и миссис Бланш Дагдэйл отправились во Францию. Мы вспоминали, как двадцать пять лет назад, почти в это же время, мы возвращались в Англию из Швейцарии накануне Первой мировой войны. Но на этот раз настроение в Париже, когда мы туда прибыли, было совсем не похоже на тогдашнее. Двадцать пять лет назад Париж был полон энтузиазма и уверенности в своих силах, хотя немцы далеко углубились на французскую территорию и были уже в Амьене. Сейчас, хотя уже шла мобилизация, не было ни энтузиазма, ни особой подавленности: просто какое-то тупое созерцание происходящего. Разумеется, были и жалобы: "Две такие войны за одну жизнь – это, пожалуй, слишком много". Слышны были и другие голоса: "Эта война никому не нужна... Мы больше выиграем, если договоримся с немцами... Чемберлен вел правильную политику, нужно ее возобновить... В стране достаточно людей, которые знают и понимают

нацистов и могут повести с ними переговоры...» Мне казалось, что Рейно и его правительство были готовы воевать до конца; и так оно, наверное, и было. Но даже эти люди не отдавали себе отчета в том, насколько глубоко фашистский яд проник в души рядовых французов и деморализовал армию.

По возвращении в Англию мы застали в своем доме то же, что происходило тогда и в тысячах других домов: молодежь, прежде возмущенная политикой Чемберлена, забыла все свои обиды и устремилась на защиту страны. В этом пункте были согласны все — молодые ученые и будущие юристы и врачи. В критическую минуту все они вызвались идти добровольцами. Наш младший сын, Майкл, записался в авиацию и с такой же страстностью, как раньше разоблачал Чемберлена, говорил о предстоящих боевых действиях. Старший сын, Бени, вступил в артиллерийский батальон, которым командовал мой друг Виктор Казалет, и отправился к месту службы в южную Англию.

Глава 39

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Парадоксальная ситуация, в которой мы оказались в начале войны, углублялась с каждым месяцем. В борьбе с нацистским чудовищем ни у кого не было столько поставлено на карту, никто не был так страстно заинтересован внести свой вклад в общее дело, как мы, евреи. И в это же время Великобритания, лидер антинацистской коалиции, закрыла ворота Палестины перед теми несчастными, которые в последней отчаянной попытке искали спасения на палестинской земле. Мы надеялись, что сейчас, когда наконец нет этой постыдной необходимости задабривать нацистских и арабских лидеров, иммиграционные правила будут смягчены. Ничего подобного. "Плавучие гробы" продолжали блуждать по средиземным водам, не имея возможности освободиться от своих пассажиров. Крики о помощи из Европы все усиливались. И тем не менее мы были твердо настроены предоставить все наши силы и возможности в Палестине в распоряжение Англии и ее союзников. Что еще нам оставалось делать?

Была горькая ирония в том, что определенные британские круги даже не могли понять, что независимо от всех "Белых книг" мы неизбежно будем работать на победу Англии и ее союзников. Они либо не доверяли нам, либо предпочитали вообще отказаться от нашей поддержки, лишь бы не позволить нам приобрести военные "заслуги". Мне довелось слышать много оскорбительно глупых замечаний от англичан, кото-

рые, видимо, неспособны были понять, что победа Гитлера означает полное истребление еврейского народа и что мысль об этом абсолютно заслоняет в нашем сознании все другие соображения – во всяком случае, до победы над Гитлером.

В этой обстановке наше стремление делать что-либо конструктивное постоянно наталкивалось на безразличие и сопротивление. Я начал подумывать о том, чтобы отправиться в Америку – страну, которая, как я уже тогда предчувствовал, сыграет решающую роль в будущей борьбе. Это должна была быть лишь предварительная поездка, чтобы прозондировать почву.

Америку мы с женой застали в таком состоянии, которое теперь даже трудно описать. До Перл-Харбора еще оставалось два года. Америка была настроена, если можно так выразиться, воинственно-нейтрально и прилагала неимоверные усилия, чтобы жить как ни в чем не бывало. Приходилось быть крайне осторожным в выражениях. Я сказал в одном из своих выступлений: "Я не уверен, что, если я процитирую десять заповедей, это не будет сочтено политическим заявлением: ведь одна из них гласит "Не убий".

В еврейском плане ситуация напоминала предвоенную английскую, когда любое упоминание о еврейской трагедии воспринималось как подстрекательство к войне. Это было непостижимо даже в дни "бескровных погромов", концлагерей, экономического удушения, массового изгнания и унижения. Но сейчас начали поступать первые слухи о планах столь чудовищных, что они казались невообразимыми, – о планах буквально поголовного уничтожения евреев. Я получил письмо от одного из своих старых друзей, Рихарда Лихтхайма, который жил в Женеве и имел хорошие источники информации в Германии. Он предупреждал, что если Гитлер захватит Европу, сионизм лишится всякого смысла, потому что ни один еврей не останется в живых. Это было подобно кошмару, тем более ужасному, что приходилось хранить молча-

ние, когда хотелось кричать: скажи я об этом вслух, это было бы расценено как пропаганда.

Глубоко огорчало меня и другое. Нельзя было даже и заикнуться о том, что дело Великобритании – это и американское дело; нельзя было заикнуться о том, что было неминуемо. Нельзя было упоминать о самых безотлагательных нуждах, которые испытывает Англия в своей смертельной схватке с нацизмом. Была, например, проблема каучука, пути доставки которого с Дальнего Востока были перерезаны. Я занимался вопросами заменителей каучука еще в годы Первой мировой войны. Но я обнаружил, что американских промышленников совершенно невозможно вызвать на деловой разговор. Они "соблюдали нейтралитет". Они не были готовы к серьезным жертвам вплоть до Перл-Харбора – и даже некоторое время после.

В начале февраля 1940 года у меня состоялась встреча с президентом Рузвельтом. Он живо интересовался тем, что происходит в Палестине, и я попытался навести его на разговор об американской позиции в случае нового раздела Палестины, когда война будет кончена. Рузвельт высказал свое дружелюбие, но вся беседа не вышла за рамки чисто теоретического обсуждения. Перед тем, как расстаться со мной, он со вкусом рассказал мне о том, как Феликс Франкфуртер, посетив какое-то поселение в Палестине и увидев там на выставке великолепного быка-производителя, полюбопытствовал, как зовут быка, и получил ответ: "Франклин Д. Рузвельт".

На сионистских вечерах в Нью-Йорке, Балтиморе, Чикаго, Детройте и Кливленде я выступал с величайшей осторожностью, пытаясь привлечь внимание моих собратьев-евреев к катастрофе, нависшей над европейским еврейством, но в то же время избегая всего, что могло быть расценено как пропаганда. Я старался подчеркнуть наши достижения в Палестине и выражал надежду, что с окончанием войны будет аннулирована

"Белая книга" и наступит эра невиданного ранее прогресса.

В целом эта американская поездка, продолжавшаяся три месяца, была не особенно успешной. Я чувствовал себя неуютно в искусственной атмосфере предвоенной Америки и был рад вернуться к английской действительности, где правду, хоть и горькую, по крайней мере, не скрывали. Символом пробуждения Англии была отставка Чемберлена и утверждение Черчилля в должности премьер-министра. Все иллюзии "странной войны" исчезли; Европа была захвачена нацистами, и в Англии понимали, что – по крайней мере, какое-то время – им придется бороться в одиночку. Жизнь стала по-военному суровой. Воздушные налеты на Лондон все учащались, пока не стали почти с математической точностью повторяться каждую ночь. Продукты стали труднодоступными, сон почти невозможным, и вскоре мы дошли до того, что перестали спускаться в бомбоубежище в нашем отеле в Дорчестере и фаталистически переживали налеты в своих комнатах. Нам казалось, что если уж произойдет худшее, то лучше погибнуть в своей постели, чем в подвале, где к опасности быть заваленным добавлялась опасность задохнуться.

Вскоре после моего возвращения из Америки я был назначен почетным советником по химии при Министерстве снабжения, которое возглавлял Герберт Моррисон. Мне была предоставлена лаборатория, где я начал работать вместе с группой химиков. Лаборатория была не больше спичечной коробки, но в ней было огромное количество застекленных окон, так что меня всегда больше пугал эффект близкого взрыва, чем прямого попадания. Нам не разрешали начать работу, пока мы не найдем убежища поблизости, и мы нашли его в отеле "Александра", что на Найтсбридже, куда мы. обычно бежали после объявления тревоги. Но вскоре сирены стали выть так часто, что не оставалось времени для работы, и поэтому мы договорились со

сторожем убежища, что он будет вызывать нас особым свистом только в том случае, если самолеты будут пикировать прямо на нас. Потом и он стал свистеть почти так же часто, как сирены; поэтому мы отбросили последние предосторожности и продолжали работать и во время налетов. Между прочим, именно наше убежище в конце концов накрыло прямым попаданием; погибло четырнадцать или пятнадцать человек, и нас спасло, наверное, только то, что мы продолжали работать. Только однажды нам пришлось прервать работу – это было, когда возле нас упала бомба замедленного действия, и район был оцеплен, пока ее не разрядили.

В эти дни тяжелого общего напряжения я находил большое утешение в серьезной работе, которая поглощала значительную часть моего времени и давала ощущение личного вклада в усилия всей нации. В нашей лаборатории мы искали пути использования некоего химического процесса, который называется ароматизацией, для каталитического расщепления тяжелых масел на бензин, толуэн и так далее. Становилось очевидным, что в эту войну авиации предстоит небывалое развитие и высокооктанового авиационного топлива будет недоставать. Но мы довольно быстро обнаружили, что главные трудности лежат вне лаборатории. В наших попытках внедрить лабораторные достижения в массовое производство мы немедленно натолкнулись на противодействие различных химических компаний, которые резко воспротивились вторжению в их область "чужаков" – и это невзирая на положение страны. Я располагал поддержкой многих влиятельных людей, в том числе лорда Маунтбеттена и Джоффри Ллойда, но дело все равно продвигалось медленно. В конце концов было решено, что поскольку главный источник тяжелых масел все равно находится в Америке, то лучше испытать наши процессы там, а не в Англии. Это было причиной моей длительной, с апреля 1942 по июль 1943 года, поездки в Америку.

При всей моей занятости научной работой я ни на минуту не мог забыть об опасности, угрожавшей Палестине. Было несомненно, что война захватит и Средиземноморье. В августе 1940 года в письме к Черчиллю с просьбой об аудиенции я писал: "В войне такого размаха, как нынешняя, трудно заранее предсказать, каково будет стратегическое расположение британской армии и флота. Если, однако, окажется необходимым временно оставить Палестину – ситуация, которая, будем надеяться, никогда не возникнет, – то палестинские евреи окажутся под угрозой поголовного истребления арабами, подстрекаемыми и руководимыми нацистами и фашистами. Эта вероятность подкрепляет наше требование предоставления евреям элементарного человеческого права иметь оружие, права, в котором аморально отказывать лояльным гражданам страны, находящейся в состоянии войны. Палестинские евреи могут выставить до 50 тысяч бойцов в лучшей боевой форме – сила, которой – при надлежащей подготовке, вооружении и руководстве – нельзя пренебрегать".

В сентябре 1940 года я обсуждал эту проблему лично с Черчиллем во время продолжительного ленча. Он отнесся к нашим мыслям благожелательно, заинтересовался деталями, и в результате этих бесед мы выработали программу из пяти пунктов. Первый пункт провозглашал "мобилизацию возможно большего числа палестинских евреев на военную службу с образованием из них еврейских батальонов или более крупных единиц". Третий пункт (ко второму я еще вернусь) говорил о том, что "офицерские кадры, необходимые на первых порах для еврейского подразделения, должны быть немедленно подобраны из числа палестинских евреев и пройти подготовку в Египте". Четвертый пункт был посвящен созданию еврейского отряда для войны в пустыне, а пятый касался набора зарубежных евреев в Англии.

Пункт второй был для нас неприятен, хотя бы пото-

му, что указывал на те трудности, которые ожидали евреев, пожелавших служить в английской армии. "Министерство колоний настаивает на приблизительном равенстве числа евреев и арабов, завербованных в особые еврейские и арабские подразделения в Палестине. Поскольку набор евреев наверняка окажется больше, избыточное число еврейских рекрутов должно быть отправлено для подготовки в Египет или иную часть Ближнего Востока". И в этом вопросе Черчилль уступил Министерству иностранных дел; во всех остальных он без колебаний с нами согласился.

К сожалению, с военными властями было не так легко справиться. Согласие Черчилля на изложенную выше программу было дано в сентябре 1940 года. Должно было пройти целых четыре года, прежде чем в сентябре 1944 года была сформирована Еврейская бригада! Я полагаю, одного этого достаточно, чтобы дать представление о разочарованиях, постигавших нас со всеми предложениями о сотрудничестве.

Глава 40

АМЕРИКА В ВОЙНЕ

В начале 1942 года я был приглашен к американскому послу в Лондоне Уайнанту. Когда мы встретились, он сообщил мне, что президент Рузвельт выразил желание, чтобы я приехал в Штаты для работы над проблемой синтетического каучука. Уайнант очень серьезно советовал мне сосредоточиться, насколько это возможно, на химических исследованиях; он считал, что этим я лучше всего послужу как союзникам, так и сионистскому делу. Я обещал, что постараюсь последовать его совету. В действительности, конечно, мне попрежнему приходилось делить свое время между наукой и сионистской деятельностью. Мы с женой наметили вылететь в Нью-Йорк 13 февраля и вечером 12-го были уже в Бристоле, где и заночевали. Утром следующего дня, когда мы уже готовы были отправляться на аэродром, меня вызвали к телефону, и Саймон Маркс сообщил нам ужасную весть о том, что наш младший сын Майкл пропал без вести ночью одиннадцатого февраля. Обратно по лестнице я спускался, не сознавая, что происходит вокруг. Жена спросила только: "Погиб или пропал?"

Продолжать путешествие было совершенно немыслимо. Мы вернулись в Лондон, и пути, горше этого, я не припомню за всю мою жизнь. За все время мы не обменялись ни словом. На станции нас встречали наш старший сын Бени, его жена Мэйди и леди Маркс. Мы молча доехали до гостиницы. Только там нам рассказали об обстоятельствах исчезновения Майкла. Он был

сбит над побережьем Франции, неподалеку от Сен-Назера, в ту ночь, когда "Гнейзенау" и "Шарнхорст" пробились через Ла-Манш. В погоню за ними были брошены все наличные самолеты, и на сигналы Майкла, повторявшиеся несколько раз с перерывами в двадцать минут, некому было ответить.

Только после ухода друзей я увидел первые слезы на глазах жены, и поистине – было облегчением то, что она вышла из своего состояния окаменевшей скорби. Потом мы с ней долго говорили. Мы думали об одном и том же и надеялись на одно и то же: может быть, Майкл все же сумел благополучно приземлиться; может быть он попал в лапы к немцам – в таком случае мы долго о нем не услышим, потому что он не раскроет им своего имени. Но, может быть, в один прекрасный день, мы снова его увидим. Это была тщетная надежда, которая жила в нас еще долгие годы потом и умерла только с окончанием войны.

Последний раз мы разговаривали с Майклом в ночь на 10 февраля. Обычно, когда мы звонили, он говорил бодро и жизнерадостно, но на этот раз голос его был печальным, и меня удивил его тон. Я пытался его подбодрить, убеждая, что мы скоро выиграем войну, но он в ответ только грустно усмехнулся. Как будто он что-то предчувствовал...

Мы вылетели в Америку 11 марта. Встреча с президентом Рузвельтом была очень короткой, в сущности – даже не встреча, а дружеское приветствие. Америка уже три месяца находилась в состоянии войны, и в данный момент Рузвельт видел во мне только научного работника. Я припомнил совет Уайнанта сосредоточиться на работе для войны и тем принести наибольшую пользу.

Боюсь, однако, что польза была не так велика, потому что я вскоре обнаружил, что для успешной научной работы нужно было быть куда больше политиканом, чем ученым, а меня эта перспектива не прельщала. Приходилось не столько думать о химических процессах и

производстве, сколько о том, как одолеть корыстные интересы крупных компаний – в частности, нефтяных. Мое предложение, сделанное заместителю государственного секретаря по экономике Вильяму Клейтону, состояло в том, чтобы попытаться ферментировать маис (миллионы бушелей которого производились в Канаде и Штатах) и превратить его в бутиловый спирт и ацетон с помощью разработанного мною процесса, который в широких масштабах уже применялся в Штатах. Бутиловый спирт можно без труда превратить в бутилен, а бутилен – в бутадиен, который является основой каучука. Я знал, что бутадиен уже производится в больших количествах из нефти, но догадывался, что этот бутадиен загрязнен примесями, и процесс его очистки требует времени и затрат, тогда как в моем процессе бутилен получался химически чистым и легче поддавался превращению в бутадиен. Но я выступил со своим предложением слишком поздно, когда правительство уже связало себя контрактами с нефтяными компаниями, а начало нового производства без одобрения этих компаний требовало сверхчеловеческих усилий.

У меня, однако, были и сторонники – вице-президент Уоллес и Национальный союз фермеров. В результате, к великому моему неудовольствию, я оказался в центре борьбы, принявшей политический характер: фермеры против нефтяных компаний. Хорошо, что в конце концов удалось переключить значительную часть производства на спирты и их производные. Несколько позже Уоллес оценил мою работу в Штатах следующими словами: "Мир никогда не узнает, какой значительный вклад внес доктор Вейцман в успешное осуществление программы синтетического каучука в то время, когда эта программа зашла в тупик и продвигалась чрезвычайно медленно".

Разочарование, которое я испытал в эти первые месяцы в Америке, усиливалось все возрастающей тревогой, связанной с ходом войны вообще и на Средизем-

ном море в частности. В то лето Роммель далеко продвинулся к Тобруку и Египту. Армейские коммюнике и газетные сообщения были одинаково неутешительными. Один корреспондент, который только что прилетел из Каира и пришел повидать меня, рассказал ошеломляющую историю: египтяне, оказывается, готовились встретить "победителей" с большой помпой; Муссолини готов был вылететь в Египет по первому сигналу, чтобы приветствовать свои армии у подножия пирамид, подобно Наполеону. Мысленным взором я видел этого человечка, наслаждающегося ролью великого полководца, и зрелище это было не из приятных.

Не менее тревожными, хотя и не без гротескового оттенка, были новости, привезенные корреспондентом из Палестины. Тамошние арабы, по его словам, уже готовились делить еврейское богатство. Некоторые из них уже помечали дома в Тель-Авиве и на поселениях, которые они намеревались занять; один араб, как говорили, был даже убит во время ссоры из-за дележа будущей добычи. Корреспондент утверждал, что генерал Уэйлвелл якобы вызвал к себе некоторых еврейских руководителей и по секрету сообщил им, что британская армия не может больше защищать ишув: войска должны быть переправлены в Индию, а евреи останутся в руках немцев, арабов и итальянцев. Корреспондент слышал, будто эти еврейские руководители собрались на совещание и решили, что ишув будет разделен на две группы: старики покончат самоубийством, а молодые уйдут в горы и будут там сражаться до последнего.

Новости были достаточно гнетущими, даже если не принимать все эти истории слишком буквально: чего могли ожидать палестинские евреи от Роммеля после всего, что произошло с еврейскими общинами в покоренной Европе? В те дни, когда исход войны в Африке висел на волоске и прилагались все усилия, чтобы побудить Америку послать туда как можно больше танков и самолетов, я тоже внес в эти старания

свою скромную лепту. Генри Моргентау представил меня генералу Маршаллу, и я объяснил тому, что ожидает Британию, если она не получит вовремя необходимое ей оружие. Маршалл выслушал меня внимательно и серьезно, почти не делая замечаний, внес в блокнот несколько пометок и поблагодарил за информацию. История о том, как американские боеприпасы были переброшены через Атлантический океан в Африку, как они поспели в самую последнюю минуту и как повернули ход войны, пересказывалась много раз. Но, пожалуй, никто не помнит этих мучительно напряженных дней лучше, чем палестинские евреи, для которых их почти чудесное спасение до сих пор звучит отголоском библейских рассказов о победе над Санхеривом, уже стоявшим у врат Иерусалима.

Глава 41

МИР – И УТРАТА ИЛЛЮЗИЙ

В последние годы войны два чувства преобладали в еврейском сознании – отчаяние и надежда. Трагедия европейского еврейства медленно разворачивалась перед нами во всем ее помрачающем рассудок объеме. Это была не только трагедия физических страданий, столь привычная в нашем мире, хотя и ни на кого не обрушившаяся с такой силой, как на евреев. Это была также трагедия унижения и предательства. Многие бедствия были неизбежны; но значительной их части можно было избежать, тысячи жизней как до, так и во время войны можно было спасти, если бы демократические страны и их правительства действительно были в этом заинтересованы. Я напоминаю об этом не для того, чтобы обвинять: наша трагедия слишком велика для сведения счетов. Я просто хочу быть понятым. Как и во всех человеческих трагедиях, мысль о том, что все могло быть по-другому, если бы меры были приняты вовремя, делает горечь нестерпимой.

Надежда, которая была противовесом отчаянию и горечи, рождалась из предчувствия приближающегося поражения нацистской Германии и веры, что теперь, наконец, с наступлением мира, демократические страны, меньше угнетаемые страхом и неуверенностью, осознают, что произошло с еврейским народом и сделают соответствующие выводы.

Первые послевоенные месяцы были периодом глубоких разочарований для всех евреев в целом и сио-

нистов в частности. Конечно, рухнули не только наши иллюзии: но мало было требований, столь обоснованных, как наши, и еще меньше таких, которые столь очевидно нуждались в немедленном удовлетворении. Все, о чем мы просили, сводилось к тому, чтобы нам дали возможность спасти нашими собственными силами остатки нашего народа. Только об этом мы думали и только на это надеялись.

Нужно ли объяснять, что эти надежды не были надеждами "вообще", как и не родились просто из преобладавшего тогда оптимистического настроения? Они были основаны на различных конкретных заверениях. Их крах был тем более ужасен, что они долго и сознательно взращивались теми, кто в силах был их осуществить, обещал это сделать -- и не сделал. Факты свидетельствуют об этом с мучительной ясностью.

Когда я отправлялся в Америку в 1942 году, Черчилль заверил меня, что у него есть "план", что они вместе с Рузвельтом осуществят этот план и что день победы будет началом изменения статуса еврейского Национального очага. "Белая книга", против которой он так яростно выступал в 1939 году, будет аннулирована. Под конец моего пребывания в Америке, целиком посвященного, как я уже говорил, работе для победы, я был принят Рузвельтом в присутствии Самнера Уэллеса и имел с ним продолжительную беседу. Позиция Рузвельта была полностью благожелательной. Он, конечно, отдавал себе отчет в наличии арабской проблемы и, в частности, в том, что фанатическая позиция Ибн Сауда чрезвычайно затрудняет дело. Я отстаивал мысль, что мы не можем ставить нашу судьбу в зависимость от согласия арабов: до тех пор, пока мы будем у них спрашивать согласия, они, естественно, будут в нем отказывать. Но если они поймут, что Рузвельт и Черчилль выступают в поддержку еврейского Национального очага, они смирятся. Стоит им ощутить ослабление этой поддержки, и они снова станут непримиримыми и агрессивными. Руз-

вельт заверил меня в своих симпатиях и в своем желании урегулировать эту проблему.

Уэллес поддерживал меня на протяжении всей беседы. В прежних беседах со мной он бывал сдержанным и осторожным, но на сей раз обнаружил большое красноречие, стараясь конкретизировать мои предложения. Он выразил уверенность в том, что Америка может оказать финансовую помощь становлению еврейского Национального очага. Мы не обсуждали деталей, но Уэллес сказал, что читал мою статью в "Foreign Affairs", и выразил полное согласие с изложенными в ней взглядами.

Я получил также повторные заверения в неизменности благожелательного отношения от Черчилля во время короткой беседы с ним в сентябре 1943 года. Более подробно мы обсуждали его планы во время продолжительного ленча, состоявшегося 4 ноября 1944 года. В этот раз Черчилль говорил очень конкретно. Он сказал, что имеет в виду раздел Палестины и высказался в пользу включения Негева в еврейскую территорию. И хотя он дал понять, что никакие активные шаги не могут быть предприняты до окончания войны, он намекнул, что уже установил тесный контакт с Вашингтоном по вопросам, касающимся еврейского Национального очага. Узнав, что я вскоре собираюсь в Палестину, он рекомендовал мне остановиться в Каире и повидаться с лордом Мойном, который, по его словам, сильно изменился за два последних года. Он спросил, какое количество евреев мы намерены принять в Палестине. Я ответил, что мы думали о цифре в сто тысяч человек в год в течение ближайших пятнадцати лет. Я сказал также о большом числе детей, которых необходимо доставить в Палестину. Черчилль заметил, что заботиться о детях – обязанность правительств, и предложил финансовую помощь. Я ответил, что если политические препятствия будут устранены, финансовые вопросы станут второстепенными.

По окончании ленча Черчилль повел меня в свой кабинет и там снова повторил пункты, уже упоминавшиеся в нашем разговоре. Его тревожило, что Штаты относятся к палестинскому вопросу несколько "академически". Он добавил также, что не очень высокого мнения о роли, сыгранной арабами во время войны.

В целом это была продолжительная и в высшей степени дружественная беседа. Это был также один из тех редких случаев, когда Черчилль давал говорить и другим. Я расстался с ним весьма ободренный и вскоре послал подробный отчет об этой встрече своим коллегам.

Все это укрепляло наши надежды. Теперь я позволю себе коротко вернуться к своим личным делам.

Я не был в Палестине с весны 1939 года, со времени тех лихорадочных дней, которые предшествовали опубликованию "Белой книги". Все это время мы с женой страстно жаждали снова увидеть страну и наш дом в Реховоте, который мы сумели построить после длительной подготовки и в котором прожили так мало. Мое семидесятилетие (осенью 1944 года) мы твердо решили встретить в Палестине. Война еще продолжалась, но исход ее был уже ясен. Мы чувствовали, что заслужили передышку. Мы нуждались в отдыхе, и дать его нам мог только наш дом.

6 ноября 1944 года, через два дня после моей беседы с Черчиллем и за пять дней до нашего отъезда, в Каире был убит лорд Мойн. На следующий день я написал Черчиллю: "Я не нахожу слов, чтобы выразить то глубокое нравственное возмущение и ужас, которые породило во мне убийство лорда Мойна. Я знаю, что эти чувства разделяют со мной евреи всего мира. Независимо от того, являются убийцы палестинскими евреями или нет, их поступок раскрывает нам глубину бездны, в которую ведет терроризм. Политические преступления такого рода особенно нетерпимы потому, что они позволяют возлагать вину немногих на целую общину или народ. Я хочу заверить вас, что па-

лестинское еврейство, в соответствии с декларацией его представительных органов, сделает все возможное, чтобы вырвать это зло из своей среды".

В этом письме нет ни одного слова, которое я хотел бы изменить. Я еще буду говорить об этом абсолютно нееврейском феномене. Здесь же хотел бы заметить, что вред, нанесенный убийством лорда Мойна и вообще террором нашему делу, состоял не только в глубоком нравственном ущербе и не только в том, что это изменило намерения англичан, а еще и в том, что это дало нашим врагам подходящий повод для оправдания собственного курса перед лицом общественного мнения.

Прием, оказанный мне евреями Палестины после моего более чем пятилетнего отсутствия, был теплым и искренним. Это было чудесное возвращение домой, большего нельзя было бы желать, точнее, нельзя было желать, потому что я увидел в стране определенные явления, вызвавшие мое сильнейшее беспокойство. С 1939 года Палестина претерпела существенные изменения. Однажды, когда Роммель стоял у Эль-Аламейна, она даже находилась на краю гибели. Военные годы сплотили общину в единый, сильный и осознающий себя коллектив, а огромные военные усилия, во всех отношениях превосходившие ресурсы ишува, вознаградили палестинских евреев возросшим чувством уверенности в своих силах, высоким уровнем технического развития, а также сознанием своих заслуг и достижений и обоснованности своих требований. Фактически Национальный очаг уже возник, он только не был признан. Палестина представляла собой общину из шестисот тысяч евреев, способных на широкие совместные действия по спасению остатков европейского еврейства, причем не "еврейства вообще", а в тысячах случаев состоящего из дорогих и близких для него людей. Ишув страстно желал предпринять эти действия – и не получал на это разрешения.

Частично – из-за этого, частично – из-за горького разочарования, вызванного крахом законных надежд,

в палестинской жизни появились и те отрицательные черты, о которых я говорил: там и сям можно было заметить упадок прежней, традиционной сионистской морали, привкус милитаризма и некоторую падкость на его посулы. Было заметно и кое-что похуже: трагическое, бесплодное, не характерное для евреев увлечение терроризмом, извращение чисто оборонительных функций Хаганы.

Эти деиструктивные элементы поощрялись внешними событиями. Главное обоснование "Белой книги" – необходимость успокоить арабов (которых, кстати, она не успокоила) исчезло задолго до конца войны. Победа, для которой арабы сделали так немного, была уже близка. Авторитет демократических стран был как никогда высок, и декларация в пользу создания Еврейского очага, провозгласи они ее в тот момент, имела бы несокрушимую силу. Вместо этого прежний довод был заменен новым: нужно обождать до завершения войны. Этот довод высказал в беседе со мной Черчилль, и он же выдвинул его в Палате общин 27 февраля 1945 года, после Ялтинской конференции. Война в Европе кончилась в мае 1945 года; но ничего так и не было решено.

В июле в Великобритании прошли всеобщие выборы, принесшие победу лейбористам. Их триумф поразил весь мир и обрадовал все либеральные круги. Лейбористская партия всегда последовательно и положительно высказывалась по вопросу создания еврейского Национального очага. Но в течение трех месяцев после прихода к власти она полностью отказалась от обещаний, которые в течение стольких лет так часто и недвусмысленно давала еврейскому народу. Анализируя задним числом обещания и заверения в дружбе, нападки на "Белую книгу" в Палате общин со стороны тех, кто позднее вошел в лейбористское правительство, официальные резолюции этой партии, можно увидеть, что во всем этом недоставало четкости и решительности: ничего удивительного, что лейбористы не

смогли устоять перед натиском сил, которые всегда выступали против нас.

13 ноября 1945 года лейбористское правительство официально отказалось от своих обещаний и вместо того, чтобы аннулировать "Белую книгу" и освободить евреев из лагерей для интернированных лиц, предложило нам... еще одну комиссию по расследованию. Непривычный дух, пронизывавший это заявление, можно было ощутить уже по вступительным фразам: британское правительство "не может согласиться с мнением, что евреи должны быть изгнаны из Европы или не иметь права снова поселиться в тех странах, где они жили, не испытывая дискриминации и внося свои способности и талант в дело восстановления процветающей Европы". Иными словами, британское правительство игнорировало тот факт, что шесть миллионов евреев были умерщвлены в той же самой Европе с помощью различных методов массового уничтожения и что европейский антисемитизм столь же злобно живуч, как и прежде. Британское правительство хотело, чтобы евреи остались, внесли свой вклад в восстановлении Германии, после чего немцы получили бы возможность уничтожить то, что осталось от еврейского народа (так я сказал позднее специальной Палестинской комиссии Организации Объединенных Наций).

Все остальное можно легко угадать. Вместо массового переселения в Палестину, идею которого лейбористская партия всегда поддерживала, нам предлагался крохотный ручеек в тысячу пятьсот эмигрантов в месяц; вместо честного выполнения положений Бальфурской декларации – возврат к старой, изворотливой и двуличной политике, из чего следовало, что обязательства по отношению к палестинским арабам имеют якобы тот же вес, что обязательства по отношению к евреям. Абсолютная низость.

Новый министр иностранных дел Бевин, подписавший это заявление от имени лейбористского правительства, видимо, решил показать, что в той мере, в какой

это от него зависит, он никому не позволит усомниться в своем стремлении осуществить все его пункты, даже при самых худших последствиях. На пресс-конференции, последовавшей вслед за опубликованием этого заявления, он сказал, видимо, намекая на наши требования выполнить Бальфурскую декларацию и наше напоминание о лейбористских обещаниях: "Если евреи хотят получить слишком много и без очереди, то, несмотря на все перенесенные ими страдания, они рискуют получить только новый антисемитизм".

Это был незаслуженно грубый, даже оскорбительный выпад, но я не могу сказать, что он меня удивил. Мои личные контакты с Бевином обычно складывались неудачно – по крайней мере, в том, что касалось еврейского вопроса. Он всегда был склонен к грубости. В первый раз я увидел его, когда обратился к нему по поводу сертификатов для беженцев. Нам предложили ничтожное количество их – то, что осталось неиспользованным после опубликования "Белой книги", и нам было просто стыдно явиться с этим к замученным, страстно надеющимся евреям в лагеря для перемещенных лиц. Мы отказались вообще от этих жалких сертификатов. Бевин встретил меня словами: "На что вы надеетесь, отказываясь от сертификатов? Думаете выкрутить мне руки? Если вы хотите драки, вы ее получите!" Он не сделал ни малейшей попытки понять нашу точку зрения; он понимал только разговор с позиции силы. Раньше, во время войны, когда он был министром труда, он вел себя со мной иначе; но тогда он нуждался в моих услугах.

За два с половиной года, прошедших со времени моего приезда в Палестину в 1944 году, ни британские, ни другие государственные деятели никак не отозвались на мольбу и протесты евреев Палестины и диаспоры. Любой беспристрастный анализ проблем европейского еврейства указывал на единственно возможное решение: массовую эвакуацию в Палестину в тех размерах, какие позволяет экономический потенциал

страны. Любой объективный анализ палестинской ситуации подтверждал заверения палестинских евреев в том, что они могут справиться с этой задачей. Но ничего так и не было сделано.

Осенью 1945 года Эрл Гаррисон после личного расследования на месте доложил президенту Трумэну, что он не видит иного выхода для большинства европейских евреев, кроме эвакуации их в Палестину. Трумэн предложил британскому премьер-министру Эттли немедленно впустить в Палестину сто тысяч евреев. Ответом на это предложение было уже упомянутое заявление Бевина. Это послужило толчком к созданию англо-американской комиссии 1946 года.

Комиссия пришла к положительным, хотя и осторожным, выводам, рекомендовав, среди прочего, разрешить въезд в Палестину ста тысячам "перемещенных лиц", как это предлагал Трумэн. Это не привело ни к каким результатам, разве что доказало, что британское правительство никогда и не помышляло что-либо предпринимать. Вся затея была просто уверткой. "Белая книга" оставалась в силе, а иммиграция – ограниченной трагически смехотворной цифрой в тысячу пятьсот человек в месяц.

Бедствия, постигшие еврейский народ в годы войны, и предательства, выпавшие на его долю в первые послевоенные дни, отозвались и на сионистском движении. Это было заметно на первой после войны Сионистской конференции, состоявшейся в Лондоне в августе 1945 года, и еще сильнее чувствовалось на первом послевоенном конгрессе, который состоялся в конце 1946 года в Базеле. Жуткое чувство испытывал я, стоя перед делегатами и обводя их взглядом, тщетно ища знакомые лица. Польское еврейство отсутствовало; немецкое еврейство Центральной и Юго-Восточной Европы отсутствовало: немецкое еврейство отсутствовало. Самыми многочисленными были палестинская и американская делегации; между ними сидели представители остатков европейского еврейства вместе с

небольшими делегациями Англии, ее доминионов и Южной Америки. Американская группа сразу же оказалась сильнейшей. Двадцать второй конгресс приобрел особый характер, в одном пункте существенно отличаясь от предыдущих конгрессов: большинство его делегатов потеряли веру в британское правительство и склонялись к таким методам действий, которые никогда не были популярны среди сионистов до войны.

Методы эти назывались по-разному: "сопротивление", "оборона", "активизм". Но какие бы оттенки значений ни вкладывались в эти различные термины (а оттенки эти не всегда были отчетливо различимы), все эти методы преследовали одну цель: бороться с британскими властями в Палестине, – а также в любом другом месте, если это окажется нужным. Моя позиция в этом вопросе была хорошо известна; я снова сформулировал ее на конгрессе. Я выразил убеждение, что наш протест против обмана и против несправедливости может быть заявлен с силой и достоинством и без применения методов, деморализующих движение. Как и в прошлом, я стал козлом отпущения за грехи британского правительства: понимая, что их нападки на англичан до тех даже не доходят, "активисты" или как они себя там называли, обратили свое оружие против меня. Почти половина американской делегации во главе с раввином Силвером и часть палестинской делегации во главе с Бен-Гурионом пришли в выводу, что я должен уйти с поста президента конгресса. Внешне это не выглядело как сведение личных счетов: спор шел из-за вопроса о том, следует ли нам посылать делегатов на Палестинскую конференцию, которая должна была возобновиться в Лондоне в январе 1947 года по настоянию британского правительства. Небольшим большинством голосов решено было не посылать – и это было расценено как выражение недоверия ко мне. Все это привело лишь к тому, что в отсутствие президента (конгресс не заменил меня никем) делега-

там, которые в конце концов были все-таки посланы, пришлось пробиваться на конференцию неофициально.

Я покинул конгресс, огорченный не столько своим личным поражением, сколько общим настроением. Но, видимо, иначе и быть не могло: ветераны – Шмарья Левин, Усышкин, Бялик и другие – покинули сей мир; промежуточное поколение было попросту истреблено. Казалось, что мы переживаем глубочайший кризис нашего движения.

Ранней весной 1947 года мы вернулись в Палестину и поселились в нашем доме в Реховоте. Я занялся научной работой, устройством нового научного Института, созданного к моему семидесятилетию, и диктовкой этих воспоминаний. Обсуждение палестинских проблем в Лейк-Саксессе на Палестинской комиссии Организации Объединенных Наций было еще впереди.

Глава 42

НАУКА И СИОНИЗМ

Читатель этих мемуаров давно уже убедился, что с давних лет между моими сионистскими и научными интересами существовала органическая связь. И это не просто особенность моей биографии, а скорее, отражение некой объективной закономерности. К примеру, вопрос о нефти, который так важен для решения сионистских проблем, – в сущности, даже для решения мировых проблем, – является и научным вопросом. Он составляет часть общей проблемы сырья, которой я занимался в течение десятилетий – и как ученый, и как сионист. И я всегда считал, что Палестина может стать центром нового научного направления, которое позволит миру выйти из трудностей, порожденных монополией некоторых стран на нефть. Это не означает, что вся наша научная деятельность должна быть посвящена исключительно этому вопросу, но он составляет одну из важнейших ее частей.

Именно в этом направлении я и мои коллеги работали в течение многих лет. Мы находимся еще в самом начале исследований, и дальнейшее продвижение потребует значительного количества химиков и определенного времени; но и сейчас уже сделано достаточно, чтобы наметить пути дальнейших разработок.

Другая тема, которая также занимала нас несколько лет, привела к нахождению новых способов производства дешевых, но хорошо усвояемых и ценных питательных веществ. Этот процесс можно коротко охарактеризовать как повышение качества кормов. Мы рабо-

тали в основном с соевыми бобами. Полученный продукт был испытан во многих больницах, в том числе на пациентах с язвенной болезнью, и обнаружил прекрасные свойства. Вдобавок он дешев в производстве и доступен даже беднякам Индии и Китая. Он имеет чисто растительную природу, высоко питателен и, хотя не содержит ни грамма мяса, обладает мясным вкусом. Он особенно уместен в тех восточных странах, где мясо слишком дорого или запрещено из религиозных соображений.

Третья проблема, привлекшая наше внимание сравнительно недавно, сначала разрабатывалась в Институте имени Зифа, а позднее – в Лондоне. Речь идет о процессе превращения тяжелых осадков, выпадающих после очистки нефти, в ароматические вещества вроде бензина, толуэна, ксилена, нафталена, и в некоторые газы, такие как бутилен, изобутилен и так далее. Мы хотели создать запасы толуэна, помня наш печальный опыт в последнюю войну, когда нам не хватало его для производства тринитротолуола.

Перечисленные мною идеи созревали долгие годы. Я пристально следил за соответствующей литературой, часто обсуждал свои мысли со многими химиками, в особенности с Габером и Вильштеттером. Я всегда полагал, что Палестина является тем местом, где они могут быть реализованы. Хотя эта страна небогата сырьем, она достаточно близка к Африке, чтобы проводить исследования без особых затруднений. Она обладает также тем преимуществом, что находится на границе двух зон – умеренной и тропической, и потому ее климатические условия особенно благоприятны.

В самой Палестине наилучшим местом начала исследований мне казался Реховот. Здесь располагалась Опытная сельскохозяйственная станция, и это позволяло привлечь к работе ботаников и физиологов растений, знакомых с особенностями флоры страны. Оставались только вопросы финансирования и привлечения большой группы ученых.

За средствами я обратился к моим давним друзьям – семействам Зиф и Маркс – и поинтересовался, не согласятся ли они построить планируемый мной институт, дабы увековечить Даниэля Зифа, умершего молодым и всегда интересовавшегося научными проблемами. Они тотчас согласились. Что же касается ученых, то многие из них, например Эрнст Бергман, его брат Феликс и другие выдающиеся химики присоединились к нам, будучи изгнаны из гитлеровской Германии. С ними и с моим давним коллегой Хэролдом Дэвисом, с которым я сотрудничал в течение тридцати пяти лет, мы и начали нашу работу.

Тех, кто хочет основать исследовательский институт в такой научно отсталой стране, как Палестина, подстерегает много трудностей. Прежде всего, имеется опасность скатиться к безалаберным привычкам Востока; другая опасность состоит в возможной утрате чувства адекватной оценки своего труда из-за отсутствия объектов для сравнения. В Египте или Палестине, где нет других химиков, всегда рискуешь оказаться лучшим из всех. И работу, которую в Америке или Европе сочли бы весьма скромной, невольно оцениваешь выше, потому что сделал ее в более трудных условиях. Вот почему надлежит особенно критически оценивать качество наших работ. Большинство научных публикаций отсталых стран, как правило, очень низкого качества, ниже принятого уровня, но их авторы гордятся ими по той простой причине, что общий научный уровень этих стран невысок. Я заранее решил, что ничего подобного не должно быть в Институте имени Зифа и что он всегда должен равняться на самые высокие стандарты.

Для преодоления упомянутых опасностей нужно было предпринять меры. Во-первых, подобрать соответствующий штат и воодушевить его на самую серьезную работу. Каждый сотрудник получал возможность тратить время на то, что его больше всего интересует, но не гоняться за публикациями. Во-вторых,

мы ввели за правило максимально держать своих сотрудников в курсе всего того, что происходит в научной жизни Европы и Америки, – и не только с помощью соответствующей библиотеки, где они могли знакомиться с исследованиями других ученых по научным журналам, но и посредством личных контактов. Мы ввели обычай приглашать ученых из других институтов на несколько недель в Реховот, чтобы они могли прочесть здесь лекции, поделиться своим опытом и обсудить работы наших молодых сотрудников. В свою очередь, мы посылали наших сотрудников за границу, в зарубежные университеты. Когда один возвращался, другой уезжал, и таким образом наши контакты с зарубежным научным миром никогда не прерывались.

Строительство Института имени Зифа было предприятием уникальным. Поначалу казалось, что здания лабораторий утонут в море окружающего песка – на всем огромном дворе, где возвышались два лабораторных корпуса, не было ни деревца, ни травинки. Я вспоминал зеленые лужайки английских университетов и думал, что нам грозит утрата эстетического чувства, если мы ограничимся только постройкой зданий и ничего не изменим вокруг. Поэтому мы начали строить дороги, соединявшие разные части института друг с другом, и обсаживать их травой и деревьями. У нас было много воды и хорошая почва, так что вскоре на территории стали появляться цветы и зелень. Спустя два-три года вся территория превратилась в сад, радующий взгляд каждого сотрудника и гостя.

За тринадцать лет своего существования Институт имени Зифа приобрел хорошую репутацию в научных кругах. Я думаю, мы проделали неплохую работу. Уровень наших публикаций неизменно высок, их принимают в лучших журналах Англии и Америки. Реховотский институт известен любому химику, и мы получаем много писем от исследователей, которые хотели бы поработать у нас.

Институт имени Зифа оказался только началом. По случаю моего семидесятилетия группа моих американских друзей затеяла еще более грандиозный проект – постройку научного центра, который занимался бы не только исследованиями по органической химии, но и по физической химии и по ряду других дисциплин. 3 июня 1946 года было заложено главное здание нового научного института. На церемонии присутствовали многие именитые ученые из разных стран, и некоторые из них согласились занять постоянные должности в этом институте, который было решено назвать Вейцмановским. Летом 1947 года мы завершили строительство главного здания, а сейчас, к зиме 1947 года, обеспечили его первоклассным оборудованием. Я надеюсь, что работа этого учреждения принесет нам удовлетворение и станет предметом нашей гордости.

Мы понесли во время последней войны страшные интеллектуальные потери. Создание научных институтов в Палестине необходимо, чтобы возродить развитие нашей науки. Нам может понадобиться не менее пятидесяти лет, чтобы восстановить свой уровень в этой области, и вся моя надежда – на то, что в Палестине появятся высококвалифицированные специалисты, которые воспитают у молодежи нужные навыки, дисциплину и целеустремленность.

Эти специалисты, разумеется, придут со своими собственными научными идеями. Многие из них уже сейчас интересуются современными физическими, химическими, электронными и изотопными исследованиями и будут, без сомнения, продолжать свою работу в новом институте, который мы к тому времени оборудуем соответствующими приборами. Но задачей будущего руководства института будет не простая имитация работ, которые проводятся везде и с большей эффективностью, чем у нас, а сосредоточение на проблемах, представляющих наибольший интерес для Ближнего Востока и Палестины, – вроде генетики, культивирования новых видов растений, создания но-

вых волокон, а также использования сырьевых запасов страны, которые сегодня не представляют значительной ценности, но могут представить такую ценность, если найдутся подходящие методы обработки этих запасов. Все это увлекательнейшие проблемы, разрешения которых я жду с большим нетерпением, хотя сам уже, в силу возраста и ослабевшего зрения, не смогу принять участия в работе над ними.

Глава 43

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

Можно сказать, что последняя фаза борьбы за создание еврейского государства началась после того, как Великобритания решила предоставить решение палестинской проблемы Организации Объединенных Наций. Это было весной 1947 года. К тому времени уже стало очевидно, что англо-американская комиссия и Лондонская конференция в январе 1947 года были затеяны лишь для оттяжки дела. Тем же стремлением, я уверен, было продиктовано и обращение в ООН. Вряд ли Бевин предвидел, что ООН более чем двумя третями голосов выскажется в пользу создания еврейского государства, как это произошло при историческом голосовании 29 ноября 1947 года.

Первой акцией ООН было учреждение Специального Комитета по Палестине, который отправился в страну летом 1947 года для ознакомления с положением дел на месте. Предложение этого Комитета о разделе Палестины, последующее обсуждение вопроса в Лейк-Саксессе в октябре и ноябре, решение Генеральной Ассамблеи ООН – все это события недавнего прошлого. Краткий отчет о моем участии в этих событиях позволит мне завершить рассказ о своей жизни.

Я выступал перед Специальным Комитетом ООН в Иерусалиме по просьбе "Ваад Леумми" (Еврейского Национального Совета) и в Лейк-Саксессе – по просьбе Еврейского Агентства. Нашими официальными представителями в Лейк-Саксессе были Абба Хиллел Силвер и Моше Шарет. Я уже не был президентом

Сионистской организации и Еврейского Агентства. Тем не менее я чувствовал, что выражаю мнение подавляющего большинства евреев всех стран, и думаю, что с моей стороны не будет нескромным после более чем полувека активной сионистской деятельности сказать, что я выразил и самый дух сионистского движения. Я не собираюсь давать точный хронологический отчет; все, что я рассказываю, имеет целью суммировать сущность моих представлений о сионизме в целом.

В Лейк-Саксессе я начал с того, что сказал, каким волнующим событием является для меня выступление перед ООН в этот поворотный момент еврейской истории. Затем я продолжил: "Я возвращаюсь в мыслях на четверть века назад, к тем временам, когда нечто подобное этому обсуждению происходило в Совете Лиги Наций, в результате чего и появилась наша программа восстановления еврейского Национального очага в Палестине". В действительности, мысли мои возвращались еще дальше к прошлому. Я хотел изложить основные принципы нашего движения, его нравственное и национальное значение, его исторический смысл, равно как и отношение к насущным проблемам. Я хотел дать общую картину сионизма.

Среда, в которой я родился и вырос, воспитание, которое я получил, сделали еврейское начало – чувство принадлежности к еврейскому народу ("национализм", как иные его называют) – органической частью моего существа. Я всегда был прежде всего евреем. Я не понимаю, как еврей может быть кем-то иным. Мне было крайне удивительно слышать, что Джамал Хусейни, арабский представитель в Лейк-Саксессе, утверждает, будто евреи – вообще не евреи, а хазары, татары или еще Бог весть кто. На эти утверждения я могу ответить очень просто: "Я ощущаю себя евреем, и я страдал как еврей".

"Ощущать себя евреем" означает для меня, как и для всех тех, кто воспитан в тех же традициях, быть сионистом и выражать через участие в сионистском

движении нравственный, равно как и национальный, характер еврейства. Все это содержалось уже в раннем движении Хиббат-Цион, возникшем, когда массы русского еврейства пробудились под воздействием идей Пинскера и Ахад-ха-Ама. Появление Герцля было событием огромного значения; но оно не было неожиданным. Создание Сионистской организации означало для нас больше, чем опубликование "Еврейского государства". Мы не нуждались в теории сионизма – она всегда жила в нас. Мы нуждались в определении пути и средств достижения наших целей.

Именно это дала нам Сионистская организация. Мы были свидетелями того, как она набирала силы от конгресса к конгрессу. Порой нам приходилось бороться с деструктивными элементами и реакционными силами, проникавшими в нее. Мне казалось, что эти элементы стремились любой ценой вовлечь в нашу организацию новых членов и готовы были, ради временной поддержки, пожертвовать чистотой наших основных принципов. Сиюминутные требования часто побуждали определенные элементы в еврействе поддаваться тому распространенному соблазну, который я называл "соблазном кратчайшего пути"; и по временам результаты этого были глубоко печальными. Чем был террор в Палестине, как не старым злом в новом и ужасном обличье? Я сказал, выступая перед Специальным Комитетом ООН в Иерусалиме: "Белая книга" повлекла за собой такие явления в еврейской жизни, которые не присущи еврейству, которые противоречат еврейской этике, еврейской традиции. "Не убий" – было заповедано нам на горе Синай. Десять лет назад немыслимо было подумать, что евреи нарушат эту заповедь. К несчастью, сегодня они ее нарушают, и никто не осуждает это резче, чем громадное большинство евреев. Я склоняю голову, испытывая стыд от того, что мне приходится сегодня говорить об этом".

В этом вопросе, как и в других, отклонения от основного принципа приводят не только к отходу от

нравственности; это еще и отрицание самой цели. Я никогда не верил, что Мессия явится на звук взрывов. Диссидентские группы, возникшие в Палестине и терроризировавшие правительство (а до некоторой степени – и все еврейское население), представляли, на мой взгляд, большую опасность для всего будущего еврейского государства.

Я позволю себе отступление. То, что я говорил об органическом характере своего сионизма и о своем отвращении к террору, выступая перед Специальным Комитетом ООН, было, по необходимости, очень кратким изложением моих взглядов. Мне кажется, что здесь об этом нужно сказать несколько подробнее. Имеется тенденция изображать дело так, будто именно действия Эцела* были главным фактором, который привлек мировое внимание к палестинской проблеме и вынудил поставить ее решение на повестку дня Ассамблеи ООН. Трудно судить, как именно повлиял на мировое общественное мнение террор в Палестине. Мы заслужили славу больше герострatовой, и я не думаю, что имеет смысл привлекать к себе внимание подобным образом.

Я уже сказал, что террористические группы в Палестине представляли собой опасность для всего будущего еврейского государства. Их действия, в сущности, граничили с анархией. Обычная аналогия между ними и событиями в Ирландии или Южной Африке объясняет лишь половину дела. Эта аналогия игнорирует один важнейший факт, с которым евреям приходится считаться в первую очередь, а именно – то обстоятельство, что у евреев есть заложники по всему миру. Палестина не должна, не имеет права угрожать положению евреев в других частях света. А кроме того, нужно помнить,

*Эцел (аббр. от *Иргун цваи леумми;* досл. Национальная воснизированная организация) – еврейская подпольная вооруженная организация, основанная весной 1931 года в Иерусалиме с целью активных оборонительных действий против арабских террористов.

что в конечном счете строительство и существование еврейского государства в значительной степени зависит от доброй воли этих самых евреев из других стран.

Но вернусь к своим выступлениям. Я остановился в них также на наших отношениях с арабами. Я повторил свое убеждение, – которое сохраняю, несмотря на все происшедшие события, – что наше сотрудничество с арабами возможно лишь в том случае, если мы будем пользоваться теми же правами, что они. Уже тогда я был убежден (и сегодня неизмеримо большее число людей так считает), что создание еврейского государства, даже в уменьшенных границах, является единственным выходом из тупика, в особенности – в наших отношениях с арабскими соседями. Проблема стабильности на Ближнем Востоке давно занимает умы государственных деятелей; существует распространенное опасение, что политическая или социальная катастрофа на арабском субконтиненте будет иметь тяжелые последствия и для окружающего мира. Но самая печальная черта арабского мира состоит как раз в том, что он разделен глубокой социальной пропастью, по одну сторону которой находится ничтожная кучка сверхбогачей, а по другую – огромная масса угнетаемого и несчастного населения. А те, кто декларирует свое беспокойство по поводу этого зла, не делают ничего существенного для изменения положения. Куда идут огромные доходы от нефтяных полей? Какая доля этих сумм расходуется арабскими магнатами для улучшения условий жизни населения?

Иногда начинаешь думать, что между определенными элементами европейских и англосаксонских стран и ближневосточными арабами заключено нечто вроде неписаного соглашения, которое гласит: "Мы стоим за невмешательство. Можете делать с вашими бедняками, что вам заблагорассудится. Нам нужна только возможность пользоваться вашими нефтяными ресурсами и путями сообщения". И снова так называемый "реализм" обращается против самого себя. Эти запад-

ные деятели отказываются понять, что такое идиллическое состояние не может длиться вечно; и потому они боятся примера и влияния еврейского государства. Вместо того, чтобы приветствовать этот пример и это влияние, они хотели бы устранить его. Они боятся евреев не потому, что те эксплуатируют феллахов, а именно потому, что они их не эксплуатируют. Они не осознали и, может быть, в своей погоне за наживой, никогда не осознают, что стабильности нельзя достичь, когда немногие угнетают многих; она достижима лишь путем более справедливого распределения богатств среди всех слоев населения.

Официальное изложение нашей программы перед Организацией Объединенных Наций было сделано с большим искусством и силой Моше Шаретом, главой политического отдела Еврейского Агентства в Палестине, и доктором Аббой Хиллелом Силвером, руководителем американской секции Еврейского Агентства. Интересно, что многие американские евреи, раньше далекие от сионистского движения, проявили активный интерес к обсуждению в ООН и оказали нам помощь. Это было подлинным осуществлением того, что я некогда предвидел, создавая Еврейское Агентство.

Решающему голосованию 29 ноября предшествовало много напряженных моментов, связанных не только с возможным распределением голосов. Некоторые американские делегаты, например, считали, что евреи получат слишком большой кусок Палестины и потому арабы могут выдвинуть законные возражения. По их мнению, из территории предполагаемого еврейского государства должен был быть изъят значительный кусок Негева и отнята Акаба, имеющая для нас большое значение. Я был встревожен, узнав об этих требованиях американской делегации и, после консультации с членами Правления Еврейского Агентства, решил отправиться в Вашингтон, чтобы встретиться с президентом Трумэном и лично изложить ему всю проблему.

Президент Трумэн принял меня очень тепло. Я рассказал ему сначала вообще о Негеве, который, по моему убеждению, должен был стать важным районом будущего еврейского государства. Его северная часть, от Газы до Беер-Шевы, – это великолепная земля. Разумеется, она нуждается в воде, которую мы сможем доставить либо с севера, либо путем опреснения соленой воды, в изобилии имеющейся в этих местах. В Реховотском институте мы уже занимались тогда разработкой этого второго варианта и сумели наладить экономически выгодное производство питьевой воды; но проблема производства большого количества воды, необходимого для ирригации, все еще требовала изучения. Поселения, которые уже получали воду по трубопроводам, достигли замечательных успехов. Генри Уоллес, только что вернувшийся из поездки в Негев, был поражен огромными полями моркови и банановыми плантациями. Это казалось фантастикой, особенно если вспомнить, что тысячелетиями в этих местах не росло ни травинки. Но это, как сказал я президенту, ничем не отличалось от достигнутого евреями в других частях Палестины.

Затем я заговорил об Акабе. Я просил, чтобы раздел Негева, если он так уж необходим, был вертикальным, а не горизонтальным; это было бы всего лишь справедливо, поскольку давало бы обеим сторонам и часть плодородных земель, и часть пустыни. Но существенно, чтобы при этом разделе еврейское государство получило Акабу. Сегодня это бесполезная бухта; она нуждается в расчистке и углублении, чтобы превратиться когда-нибудь в порт, способный принять корабли большого водоизмещения. Если Акаба будет отнята у нас, она навсегда или, во всяком случае, надолго останется пустыней. Уже сейчас легко предвидеть, что со временем от Средиземного моря к Акабе можно будет проложить канал. Это нелегкая задача, но такой проект уже набросан американскими и шведскими инженерами. Тогда возникнет водный путь,

параллельный Суэцкому каналу, который сократит маршрут из Европы в Индию на сутки или больше.

Я сказал также, что в случае, если египтяне окажутся с нами во враждебных отношениях (чего, я надеюсь, не будет), они смогут закрыть для нас Суэцкий канал, когда он станет их собственностью, – а это случится не позже, чем через несколько лет. Ирак тоже может затруднить нам плавание в Персидском заливе. И тогда мы окажемся совершенно отрезанными от Востока. Мы можем воспрепятствовать этому, прорыв канал из Хайфы или Тель-Авива в Акабу. Этот проект вообще имеет много привлекательных сторон, и уже само сознание, что это может быть сделано, послужит предостережением для тех, кто захотел бы закрыть евреям путь в Индию. Я был очень рад, когда обнаружилось, что президент быстро и со знанием дела разобрался во всей этой географии. Он обещал мне немедленно связаться с американской делегацией в Лейк-Саксессе. Он сдержал слово и уже спустя несколько часов дал необходимые инструкции своей делегации.

...Генеральная Ассамблея ООН 29 ноября 1947 года большинством в 33 голоса против 13 провозгласила: "Мандат на Палестину будет ликвидирован как можно быстрее, но ни в коем случае не раньше первого августа 1948 года... Независимые арабское и еврейское государства в Палестине (со специальным статусом для Иерусалима) должны быть провозглашены через два месяца после завершения эвакуации вооруженных сил мандатной державы, но в любом случае не позднее, чем первого октября 1948 года".

Глава 44

НА ПОРОГЕ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ

Эти строки пишутся на следующий день после исторического решения Организации Объединенных Наций.

По мере того, как 1947 год близится к концу, еврейский народ готовится принять великий вызов истории. Еще до истечения следующего года мы должны провозгласить еврейское государство. Мы должны подготовить конституцию, создать правительство, организовать оборону и приступить к реконструкции Национального очага с тем, чтобы он способен был абсорбировать от шести до восьми тысяч иммигрантов в месяц.

Эта последняя задача представляется чрезвычайно сложной. Прибытие ста тысяч иммигрантов в год означает увеличение на 12% нынешнего стапятидесятитысячного населения общины. Цифры отражают лишь одну сторону проблемы. В прошлые годы иммиграция включала большое число зажиточных людей – пусть не очень богатых, но никак не бедняков. Сегодняшний иммигрант совершенно лишен средств. Порой он нравственно и физически надломлен. Чтобы включиться в производство, он должен прежде пройти через длительный процесс восстановления сил и приспособления к обстановке. Уже эта задача ляжет тяжелым бременем на все еврейство, а поскольку европейское еврейство необычайно сократилось и, за исключением немногих общин, совсем обеднело, главная тяжесть создания необходимых для абсорбции новых репатри-

антов условий ляжет на плечи американской еврейской общины.

К этому следует добавить необходимость изыскания средств на нужды обороны, которые, как я слышал, уже сегодня исчисляются суммой в двадцать пять миллионов долларов, но, вероятно, еще возрастут. Нужно провести также ряд крупных технических мероприятий – обновление путей сообщений, дорог, транспорта и гаваней. Понадобится большое количество новых жилых домов. Все это потребует от нас привлечения займов и наивозможно быстрейшего введения налогов для финансирования нужд нового государства.

Перед нами стоят не только финансовые проблемы. Уместно спросить, достаточно ли у нас окажется людей. Не имея в виду обидеть тех, кто до сих пор нес на себе основное финансовое бремя, я все же полагаю, что мы должны обратиться не только к финансовой помощи американского еврейства. В Америке есть много молодых людей, сочувствующих нашему движению, имеющих большой опыт государственной службы и желающих нам помочь. Много таких и в Англии. Это будет суровое испытание их сионистских чувств. Им придется доказать, что они готовы отказаться от своего желания сделать карьеру в Америке и добиться именно там места, которого они заслуживают. Им придется признать, что интересы еврейского государства требуют привлечения новых сил и новых идей.

Многое будет зависеть от нашей конституции. Будет достойно сожаления, если конституция новой республики станет копировать устав Сионистской организации. Эта организация была основана на принципе пропорционального представительства, что порождало большое количество партий. Нужно попытаться избежать повторения выборов в "Ваад Леумми" (Еврейский Национальный Совет) – прежний представительный орган палестинского еврейства. Я думаю, что будет полезнее выработать конституцию по образцу аме-

риканской или отказаться от нее совсем (как в Великобритании), – по крайней мере, для начала, – чтобы нащупать собственный путь, прежде чем устанавливать незыблемые правила.

Но все эти проблемы, финансовые и конституционные, в действительности затрагивают лишь внешнюю сторону дела, поскольку государство есть только орудие. Необходимо определить, каким целям оно призвано служить. Говоря иными словами, государство – это судно, которое имеет груз, и необходимо знать характер этого груза.

На мой взгляд, залогом жизнестойкости общества является справедливость; и не как абстрактный принцип, а как принцип, четко выраженный в судебной и юридической системе. Не может быть одного закона для еврея и другого – для араба. Мы должны твердо держаться древнего правила, провозглашенного в Торе: "Один закон и один обычай для тебя и для чужеземца, живущего с тобой." Я не хочу сказать, что уже сейчас наблюдаю тенденцию к насаждению неравноправия или дискриминации. Я всего лишь хочу своевременно предостеречь от этого – тем более, что у нас будет значительное арабское меньшинство. Я уверен, что мир будет судить еврейское государство по тому, как оно будет обращаться с арабами, точно так же, как он будет судить о еврейском народе по тому, каким он сумеет сделать свое государство, получив наконец эту возможность после тысячелетних блужданий и страданий.

Это настолько грандиозное событие, что оно несомненно станет сенсацией века, и наши друзья, равно как и наши враги, – последние даже пристальней, – будут внимательно следить за нами. Палестина всегда была мощным мировым резонатором; это будет еще ощутимее с образованием еврейского государства. Наша безопасность будет в значительной степени зависеть не только от армии и флота, которые мы должны создать, но и от внутренней нравственной устойчивости

общества, которая, в свою очередь, будет влиять на его внешнюю политическую устойчивость.

Нам предстоит существенно реформировать всю систему образования, в особенности в начальных и средних школах. Я считаю важным постараться создать унифицированную школьную систему, за которую будет отвечать государство, а не политические партии, стремящиеся навязать свой образ мыслей ребенку с самой колыбели. Партийный контроль за образованием приводит к неэффективности результатов и создает предвзятость мышления уже в самом раннем возрасте. Он ослабляет, а не укрепляет государство. Партийной принадлежности мы должны противопоставить гражданственность, которая выше любых партийных интересов.

Уровень технического и высшего образования должен быть приведен в соответствие с современным и следует расширить сеть высших учебных заведений в соответствии с нашими потребностями. Нам нужны инженеры-железнодорожники, портовики и кораблестроители. Теперь мы получим также возможность развивать новые отрасли индустрии; для этого мы должны увеличить наш технический персонал и улучшить качество знаний. А это опять-таки требует длительной, порой с самого детства, подготовки. В Швейцарии, например, часовщики учатся шесть-семь лет; но именно поэтому Швейцария занимает такое высокое место в мировой часовой промышленности. И тот же принцип приложим также и к другим отраслям индустрии.

Палестине придется производить товары высокого качества; только так она сможет конкурировать с более крупными и более развитыми странами, которые наводняют рынок своей массовой продукцией. Но производство высококачественных товаров основано на добросовестном отношении к делу, на желании избегать брака, выпускать только самый лучший товар. Так приобретаются имя и репутация, которые являют-

ся весьма существенным фактором при экономической конкуренции.

Кое-кто соблазняется быстрой наживой и начинает производить дешевку, которая поначалу легко завоевывает рынок, особенно в отсталых странах; но такой путь разлагает производителя, и он в конце концов оказывается неспособным что-либо улучшить и остается на самом низком уровне в промышленном мире. Поэтому честность и последовательность в коммерческих и промышленных отношениях, эффективность и желание произвести самое лучшее и красивое – существенные элементы, которые помогают создать значительное производство даже в небольшой стране. Я снова напомню пример Швейцарии. Конечно, характер производства разный в разных странах, но принципы его везде остаются одними и теми же. Я бы назвал это нравственными принципами промышленного развития.

К счастью, мы отлично начали развивать свое сельское хозяйство. Я убежден, что наша система национализации земли и создание кооперативов позволили нам избежать многих ошибок, из-за которых и сегодня страдает экономика более старых и более сильных держав. У нас не было сельскохозяйственного пролетариата и не было феодальных магнатов. Мы опирались на крепкого, интеллигентного, образованного мелкого земледельца, который обрабатывает землю интенсивно, руководствуясь научными рекомендациями, способен полностью обеспечить свое существование, имеет свой дом и хозяйство и даже может отложить кое-что. Об этой стороне нашей жизни писали и говорили так много, что я не считаю нужным здесь повторяться. Я хотел бы только добавить, что если бы мне сейчас довелось начать жизнь сначала и снова воспитывать своих детей, я бы последовал, наверное, примеру наших поселенцев из Нахалала и Дгании.

Сейчас мы получаем возможность приобрести еще больше земли, основать новые поселения и установить

своего рода равновесие между деревней и городом. Вся человеческая культура связана прежде всего с землей и земледельческим трудом, какими бы привлекательными ни были отдельные особенности городской жизни. Именно в деревне и на земле рождается и обогащается язык, поэзия и литература. Прочность существования страны зависит не столько от городов, сколько от сельского населения. Чем оно более многочисленно и крепко, тем прочнее государство. В нашем случае нет оснований страшиться отсталости или консерватизма еврейского земледельца или возникновения класса кулаков. У нас эти явления не могут появиться. Нам следовало бы как-то остановить быстрый рост таких городов, как Тель-Авив или Хайфа. Нужно стремиться к децентрализации городского населения, а не к созданию таких уродливых городов-великанов, какие мы видим в Европе и Америке. Мы еще можем предотвратить эти крайности в своем городском и сельском планировании. Деревня в Палестине может иметь все преимущества города благодаря близости к последнему и в то же время – все преимущества сельской жизни.

На раннем этапе формирования еврейского государства несомненно возникнет много вопросов, связанных с религией. В Палестине существуют мощные религиозные организации, которые теперь, при демократическом режиме, справедливо захотят самоутвердиться. Я полагаю, что мы обязаны с самого начала заявить, что хотя государство намерено относиться с величайшим почтением к религиозным чувствам своих граждан, оно не может повернуть ход истории вспять и сделать религию ведущим принципом своего существования. Религия должна ограничиваться деятельностью синагог и домов верующих; она должна занимать определенное место в школах; нельзя допускать контроля религиозных институтов над государством.

Истинно верующие люди никогда не бывают полити-

чески агрессивными; напротив, они не ищут власти, они скромны и держатся в тени; скромность – одно из величайших достоинств наших святых учителей и древних мудрецов. Опасен новый, светский тип раввина, временами напоминающий членов клерикальной партии во Франции, Германии или Бельгии, которые агрессивно рвутся к власти, кичась в то же время своими религиозными убеждениями. Этим людям бесполезно указывать на то, что они нарушают основной принцип, провозглашенный нашими мудрецами: "Не сотвори из Торы корону, не сотвори из Торы лопату". Я предвижу большую борьбу. Я предвижу нечто, напоминающее "Культуркампф"* в Германии, и если мы хотим выжить, мы должны быть твердыми; мы должны четко отделить законные религиозные устремления и обязанность государства поддерживать такие устремления от той жажды власти, которую обнаруживают порой многие псевдорелигиозные люди и группировки.

Я уже говорил о проблеме внутренних взаимоотношений с нашим арабским меньшинством. Перед нами встанет также задача достижения взаимопонимания и сотрудничества с арабами всего Ближнего Востока. Успешное выполнение этой задачи зависит от двух факторов. Во-первых, арабы должны понять, что решение ООН является окончательным и что евреи не посягают на территории за пределами отведенных им границ. Такие опасения существуют у многих арабов, и эти опасения нужно всеми силами стараться развеять. Во-вторых, – и это связано с нашими внутренними проблемами, – они должны увидеть и убедиться, что к их собратьям, живущим внутри Израиля, еврейское государство относится так же, как к гражданам-евреям. Необходимо будет создать специальный

*"Культуркампф" (нем. Kulturkampf – борьба за культуру) – распространенное в литературе наименование мероприятий правительства Бисмарка в 70-х годах 19 века против католической церкви.

отдел, занимающийся нееврейскими меньшинствами. Задача этого отдела будет состоять в привлечении этих меньшинств к различным видам деятельности, которые возникнут в еврейском государстве, и в предоставлении им для этого всех условий. Эта задача требует такта, понимания, человеческого сочувствия и большой политической мудрости, но я убежден, что если мы будем следовать в намеченном направлении, столь желанное сотрудничество удастся наладить, пусть и постепенно.

Мы должны также обратить внимание на восточные страны, не входящие в ближневосточный регион. В судьбоносные дни заседаний в ООН мне посчастливилось близко познакомиться с индийской делегацией, включавшей много замечательных людей. Мы часто встречались и разговаривали, и индусы предложили, чтобы я посетил Индию, чтобы мы послали туда группу еврейских ученых и инженеров для разработки новых проектов развития и чтобы мы разрешили индийским студентам учиться в еврейских учебных заведениях в Палестине. Они рассматривали Палестину как форпост западной цивилизации на Востоке. Перед нами действительно открывается величественная возможность стать связующим звеном между Западом и Востоком, и это – самая благородная роль, которую может сыграть еврейское государство в Палестине.

Я говорил о Востоке. Но есть еще западный регион средиземноморья, в котором нам тоже нужно установить добрососедские отношения. Это – Греция, Италия, средиземноморские острова вплоть до Гибралтара. Есть еще Турция, которая тоже видит в Палестине форпост европейской цивилизации. Наше торговое и промышленное развитие будет в значительной степени зависеть от отношений с этими странами. Если это будут хорошие отношения, Палестина может превратиться в новую Финикию, суда которой будут совершать торговые рейсы до самых американских берегов.

Я не ставлю себе целью на этих последних страницах набросать всю программу развития еврейского государства. Многое следует предоставить времени и многому нам придется научиться самым трудным путем – на собственном опыте. Я указываю лишь ориентиры, обозначающие путь, по которому, я считаю, нам следует идти, чтобы достичь своей цели. А целью этой является построение прогрессивной цивилизации, основанной на строгих принципах еврейской этики. Мы не должны уклоняться от этих требований, как это сделали некоторые группы еврейства во время краткого периода существования еврейского Национального очага, когда преклонили колени перед чужими богами. Пророки неизменно и с величайшей суровостью осуждали еврейский народ за подобные поступки. Всякий раз, как он соскальзывал в язычество, всякий раз, как он оступался, его ожидало суровое наказание неумолимого Бога Израиля. Не знаю, появятся ли у нас пророки в ближайшем будущем. Но если евреи изберут путь достойной, трудовой и нравственной жизни, если они сосредоточат свои усилия на достижении подлинных ценностей, будь то в промышленности, сельском хозяйстве, науке, литературе или искусстве, Господь благосклонно взглянет на Своих детей, которые вернулись после долгого отсутствия служить Ему, вернулись, чтобы возродить свою древнюю страну и превратить ее в один из центров мировой цивилизации.

ЭПИЛОГ

Девять месяцев назад я закончил последнюю главу этих воспоминаний. Я полагал тогда, что моя задача выполнена и книга – может быть, чересчур пространная книга – завершена. Но события прошедших девяти месяцев приобрели такой характер, что это побуждает меня добавить несколько слов.

Мы восприняли резолюцию Организации Объединенных Наций от 29 ноября как ответственную международную декларацию. Мы предполагали – возможно, оценив ситуацию недостаточно верно, – что, даже если осуществление положений этой резолюции потребует вмешательства Организации Объединенных Наций, такое вмешательство не замедлит последовать; но мы предполагали также – и тут наши предположения были вполне обоснованными, – что основная ответственность за их осуществление ложится на нас самих.

Со своей стороны, я считал, что чем скорее окажусь в Палестине, тем лучше, и, соответственно, начал готовиться к возвращению в страну. Мне казалось, что в Англии практически уже нечего было делать, поскольку британское правительство заявило о своем намерении лояльно придерживаться решения Организации Объединенных Наций.

Однако буквально в считанные недели события приобрели тревожный оборот. Стало очевидным, что британское правительство весьма своеобразно трактует "лояльное выполнение" резолюции Организации Объединенных Наций. Отказываясь защищать еврейскую общину, оно в то же время отрицало право

этой общины защищаться самой. Военные власти задерживали и обыскивали патрули Хаганы. Ее бойцов арестовывали за то, что они защищали евреев. "Лояльное выполнение" резолюции в действительности обернулось политикой ее саботажа.

Этот саботаж не был только пассивным. Британское правительство не допустило в Палестину "Комитет Пяти", созданный Организацией Объединенных Наций; оно запретило организацию еврейской милиции, которая могла бы взять на себя задачи обороны; отказалось выполнить рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН об открытии портов для иммиграции; исключило Палестину из стерлингового блока; расформировало все административные учреждения, не передав их никому, допустив, таким образом, распад всего правительственного аппарата в Палестине. Но, закрыв Палестину для Комитета Объединенных Наций, оно одновременно открыло ее для вторжения нерегулярных арабских банд, дав им возможность переходить Иордан по фактически неохраняемому мосту Алленби. Неудивительно, что нападения арабов участились. Арабы решили, что все, чего они не сумели добиться в зале заседаний Ассамблеи Организации Объединенных Наций, они могут теперь получить путем вооруженного вторжения.

Это их убеждение усиливалось благодаря тому воздействию, которое их беззакония оказывали на общественное мнение Соединенных Штатов и других держав. Поспешно и поверхностно трактуя происходящее, многие стали утверждать, что палестинские евреи (руки которых связаны британской политикой) не способны сами защитить себя, и в определенных кругах начали поговаривать, что только вооруженное вмешательство Организации Объединенных Наций может спасти положение. Евреев открыто обвиняли в том, что, переоценив свои силы и недооценив военную мощь арабов, они чуть ли не обманом вырвали у ООН согласие на предоставление им государственности. И в

довершение ко всему Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставку оружия на Ближний Восток, тем самым как бы поставив на одну доску нападающих и защищающихся. Так была создана абсолютно искусственная ситуация, которая позволила врагам еврейского государства предпринять еще одну отчаянную попытку ревизовать решение Организации Объединенных Наций.

К середине января я был завален письмами и телеграммами от друзей из США. Непрерывно звонил телефон. Правление Еврейского Агентства официально попросило меня вернуться в Нью-Йорк, чтобы способствовать ликвидации надвигающегося кризиса.

Мы вернулись в Нью-Йорк 4 февраля, и в тот же день я выступил с заявлением для печати, в котором было сказано: "Я отдаю себе отчет в том, что осуществление резолюции ООН связано со многими трудностями, но все эти трудности – ничто в сравнении с той опасностью, которая подстерегает нас, если будет создан прецедент принудительного изменения политики Организации Объединенных Наций. Интересы Америки требуют укрепления авторитета ООН, урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и строжайшего соблюдения политики, верность которой она провозгласила... Непоколебимое мужество палестинских евреев наполняет меня величайшей гордостью. Они имеют основание надеяться, что цивилизованный мир, который признал их право на национальную независимость, не оставит их в беде в то время, когда им угрожает смертельное нападение, открыто подготовляемое сторонниками экстремизма и насилия в арабском мире... Сегодня самая неотложная задача состоит в том, чтобы с помощью конкретных фактов убедить арабское общественное мнение в том, что невозможно воспрепятствовать возникновению еврейского государства...".

Как это всем теперь понятно, такие конкретные факты были налицо, но в затеянной вокруг нас полити-

ческой игре их сознательно игнорировали. Я был глубоко убежден не только в том, что палестинские евреи вполне способны защитить себя, но и в том, что широко рекламируемая опасность полного административного хаоса, который якобы подстерегает Палестину с уходом англичан – это миф, порожденный главным образом действиями британских властей; в действительности же прочно сложившаяся структура палестинского ишува исключала такую возможность. Нелегко, однако, было в те дни убедить людей, что им просто внушают искаженные представления о палестинской реальности. В Вашингтоне уже готовы были принять как неизбежное, что "факты" якобы требуют радикального изменения курса и что ноябрьская резолюция должна быть пересмотрена или, во всяком случае, должно быть отложено ее выполнение на неопределенное время. Когда в конце февраля Совет Безопасности ООН начал обсуждать ситуацию, американская делегация обнаружила заметную растерянность. Из всех великих держав, поддержавших в свое время ноябрьскую резолюцию, только Советский Союз продолжал настаивать на уважении к авторитету ООН. В конце концов Совет Безопасности ООН так и не высказался в поддержку резолюции Генеральной Ассамблеи.

В эти дни я получил согласие президента Соединенных Штатов Америки дать мне аудиенцию. К несчастью, эта аудиенция многократно откладывалась – частично по причине моего нездоровья, вызванного перенапряжением. 18 марта, когда я наконец прибыл в Вашингтон, поворот в американской политике казался уже необратимым. Сам президент продолжал относиться к нашему делу сочувственно и заявлял о твердой решимости добиваться раздела. Но я сомневаюсь, отдавал ли он себе отчет в том, как сильно саботируют это намерение его подчиненные в Государственном департаменте. Уже на следующий день представитель Соединенных Штатов в Совете Безопасности сенатор

Остин провозгласил изменение американской политики. Он предложил приостановить осуществление раздела с тем, чтобы установить мир в Палестине, после чего созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, которая ввела бы опеку над Палестиной с момента истечения мандата. Несмотря на все предзнаменования, удар был неожиданным, тяжелым и, казалось, роковым.

Идея установления опеки над Палестиной была совершенно бессмысленной. Палестинское еврейство давно уже переросло тот уровень, на котором его можно было "опекать". Более того, те же причины, из-за которых провалился мандат, обрекали на заведомую неудачу и проект опеки, не говоря уже о том, что всего лишь несколько месяцев назад нас сочли достойными иметь собственную государственность. Согласиться после этого на опеку означало сделать себя посмешищем перед лицом истории.

25 марта я сделал очередное заявление для печати. Оно гласило: "План, выработанный Ассамблеей ООН, был результатом длительного и тщательного обсуждения противоречивых требований различных сторон, оцененных с точки зрения международной справедливости. Для того, чтобы найти компромисс между еврейскими и арабскими национальными притязаниями, было решено просить евреев удовлетвориться всего одной восьмой той территории, которая первоначально была отдана под мандат. Их просили также согласиться на такой статус Иерусалима, по которому преимущественно еврейский характер города приносился в жертву претензиям различных международных религиозных ассоциаций. Мы приняли все эти ограничения только потому, что они были предложены нам самым авторитетным международным судом, и еще потому, что надеялись обрести – на той маленькой площади, которую нам отвели – свободу, необходимую для возвращения нашего народа на родину, и неоценимые блага суверенного существования –

те блага, которые арабам были дарованы на огромной территории.

Теперь некоторые предлагают отсрочить это решение о разделе Палестины на том основании, что оно-де не обеспечено согласием всех сторон. Но ведь именно потому, что мандатная держава постоянно подчеркивала недостижимость такого согласия, вся проблема была передана в ООН! Я посвятил много лет жизни этой проблеме и убежден, что не существует решения более правильного и более способствующего – в дальнейшей перспективе – достижению стабильности, чем раздел. Справедливое решение не может быть найдено на пути создания единого арабского государства, отвергаемого всей совестью мира, или на пути учреждения так называемой "федерации", которая есть не что иное, как то же арабское государство, только под другой вывеской, или на пути совершенно нереальной попытки навязать палестинскому еврейству опеку и тем самым затормозить его движение к независимости.

Следует понимать, что, если бы не допущение в Палестину иноземных арабских сил, местная милиция, предусмотренная решением Ассамблеи ООН, вполне могла бы справиться сама с проблемой борьбы за безопасность. Я не могу понять, как могло мандатное правительство позволить этим силам свободно переходить мосты и беспрепятственно, не торопясь, готовиться к войне против евреев и против решения, принятого ООН! Я уже воздал должное той государственной мудрости, которую проявило британское правительство, согласившись с международным признанием нашего права на государственность. Но обрекая всех и все в Палестине на уничтожение от рук иноземных агрессоров, мандатное правительство действует сейчас в нарушение своих же традиций и отягощает трагическим наследием будущее Палестины...

Палестинские евреи получат поддержку евреев всего мира во всем том, что они сочтут необходимым предпринять для защиты своего существования и на-

циональной свободы по истечении срока мандата. Я призываю еврейский народ удвоить свои усилия для обеспечения обороны и независимости еврейского государства..."

В частном письме, направленном президенту Трумэну 9 апреля, я писал, развивая те же мысли: "Сейчас речь идет о выборе между государственностью и уничтожением. История и Провидение отдали этот выбор в ваши руки, и я уверен, что вы не примете решения, которое шло бы вразрез с духом нравственного закона".

События развивались так стремительно, что сейчас уже трудно описать, какой мрачной была ситуация всего лишь несколько месяцев назад и насколько распространилось тогда непонятное убеждение, что с сионистами "покончено". Вскоре после изменения американской политики ко мне в отель прибыла делегация в составе сенатора Остина, профессора Джессупа и мистера Росса, которые пытались получить у меня одобрение своему предложению об опеке. Они, вероятно, были крайне удивлены и разочарованы, когда я резко заявил им, что не верю в миф об арабской военной мощи и считаю намерение палестинского еврейства провозгласить свою независимость в день истечения мандата абсолютно правомерным и в высшей степени своевременным. К обеду явился представитель Франции М. Пароди, который возобновил попытку, предпринятую американцами. Я сказал ему то же самое, добавив, что евреи, если им дадут такую возможность, сослужат миру неплохую службу, развеяв легенды, которыми окружают арабских агрессоров. Пароди мне явно не поверил. Несколько месяцев спустя, когда все уже было решено, он сказал еврейским представителям в Лейк-Саксессе: "То, что я считал пропагандой, оказалось правдой".

Но самые резкие слова я приберег для британского представителя Крич-Джонса, секретаря по делам колоний, который явился ко мне во время моей болезни. Позиция Великобритании была абсолютно

противоречивой: повинная в провале (на данный момент) плана раздела, она в то же время не проявляла энтузиазма в отношении альтернативного плана опеки. Казалось, она хочет одного – чтобы евреи и арабы были предоставлены самим себе и ввергнись в пучину взаимного кровопролития. Англичане явно надеялись, что арабы захватят значительные части территории, предназначенной евреям, и создадут такую ситуацию, которая вынудит принять новое решение, более выгодное, как в политическом, так и в территориальном отношении, для арабов. Поразительно, что англичане, которые властвовали в Палестине тридцать лет, так ошибочно оценили положение вещей. Либо они действительно были убеждены, что арабы нас раздавят, либо – что свидетельствует о еще большем непонимании происходящего – считали, что мы откажемся от своих прав, даже не пытаясь сопротивляться. Мистер Крич-Джонс уверял меня, что вторжение семи с половиной тысяч арабов застало его правительство врасплох, но теперь, когда они уже вторглись, евреи обязаны с этим считаться. Я ответил, что мы не собираемся отдавать ни пяди земли, нам предоставленной. Мне было крайне огорчительно видеть, что мандатный режим приходит к концу в ситуации, столь отличной от той, в которой он начинался, но вина в этом не наша. Англичане всегда настаивали на том, что "пока они находятся в Палестине, они будут управлять ею безраздельно". Можно понять, что великая держава ревниво блюдет свой престиж, но почему же тогда она не блюдет его настолько, чтобы изгнать арабских мародеров? Разве их действия повышают престиж Великобритании? И как согласуется с добрым именем англичан их нынешнее стремление уйти из страны, создав в ней искусственный хаос? Мистер Крич-Джонс старательно избегал ответов на все эти неприятные вопросы.

Генеральная Ассамблея ООН снова собралась в середине апреля. К этому времени некоторые реаль-

ные факты стало попросту невозможно игнорировать. Так называемая "освободительная армия" Фаузи Каукджи была разгромлена под Мишмар ха-Эмек. В отдельных районах страны еврейские отряды перешли в наступление. Обнаруживая поразительную дисциплинированность и изобретательность, ишув начал строить новое государство на развалинах мандатного режима. Он создавал правительственные департаменты, бравшие под свой контроль все участки, откуда англичане уходили. Стало очевидным, что, пока Ассамблея ООН обсуждает проект опеки, в Палестине тем временем начинает жить еврейское государство.

Перед началом дебатов считалось, что проект опеки будет одобрен без особых затруднений; но за те два месяца, которые прошли с момента его внесения в повестку дня Ассамблеи ООН, ситуация изменилась радикально. Примечательным было выступление на Ассамблее ООН новозеландского депутата сэра Карла Берендсена, который потребовал, чтобы ООН придерживалась своих собственных решений. "Сегодня, – сказал он, – нам нужны не решения, а решительность". Его выступление было дружески встречено делегатами Австралии и восточноевропейских стран; рыцарскую поддержку еврейскому делу оказали делегат Уругвая профессор Фабрегат и делегат Гватемалы доктор Гранадос, с которыми я находился в постоянном дружеском контакте. Тогда же я познакомился с генеральным секретарем ООН Тригве Ли, который, опираясь на свои полномочия, ревностно отстаивал авторитет возглавляемой им организации.

И все же борьба была трудной. Когда стало ясно, что план опеки не имеет никаких шансов на успех, был предложен новый проект, имеющий целью оттянуть решение ООН, – так называемый проект "временного мира", по которому обе стороны должны были прекратить боевые действия и разрешалась – на несколько месяцев – ограниченная еврейская иммиграция, а в обмен на эти сомнительные гарантии евреи

должны были отказаться от провозглашения своего государства. На первый взгляд предложение было безвредным; в действительности оно таило в себе огромную опасность – уже хотя бы потому, что любой отказ от прежней резолюции подрывал авторитет ООН и внушал врагам еврейского государства надежду, что можно предотвратить создание такового.

Все это время я постоянно поддерживал связь с Шаретом и другими членами еврейской делегации. Они понимали опасности, таящиеся в проекте "временного мира"; но они сознавали также, что этот проект может показаться привлекательным нерешительным элементам в нашей собственной среде. Самым сильным аргументом за принятие этого проекта, по-видимому, было то, что, провозгласив еврейское государство вопреки явному американскому несогласию, мы лишим себя могущественного союзника. К тому же требовалось немалое моральное мужество, чтобы отказаться от мира в тот момент, когда наша зарождающаяся армия была так плохо оснащена и предугадать исход борьбы было не так легко. Шарет, Гольдман и другие считали, что в такую минуту мои взгляды могут оказать заметное влияние как на самих евреев, так и на нееврейский мир.

По вопросу о "временном мире" у меня ни на минуту не возникало никаких сомнений. Мне было ясно, что любое отступление будет роковым. Наш единственный шанс – сейчас, как и в прошлом – состоял в том, чтобы ставить мир перед "свершившимся фактом" и двигаться дальше. Независимость не даруют; она должна быть завоевана; а будучи завоевана, она нуждается в защите. Что же касается Соединенных Штатов, то я был уверен, что многие из тех, кто сегодня советует нам отказаться от независимости, будут уважать нас куда больше, если мы не последуем их совету. Я был убежден, что как только мы возьмем свою судьбу в собственные руки и провозгласим Республику, американский народ будет приветствовать нашу

решимость и не преминет увидеть в нашей борьбе за независимость повторение той борьбы, которую он сам вел 175 лет назад. Я был убежден в этом настолько, что в то самое время, когда американская делегация на Генеральной Ассамблее ООН продолжала возражать против провозглашения нашей независимости, я уже начал подготавливать почву для будущего признания Соединенными Штатами еврейского государства.

Многие мои друзья и коллеги считали, что я оторвался от реальности, и пытались отговорить меня от шагов, которые, по их мнению, могли навлечь на нас беду. В самой Палестине, куда все эти сомнения и колебания не доходили, никто и не помышлял об отказе от предоставленных нам национальных прав и самоубийственном акте возврата дарованной нам государственности. Но из-за хаоса, который преднамеренно создала британская администрация, связь между Америкой и Палестиной была ненадежной и нерегулярной, и из-за этого наша позиция была не вполне понятна руководству ишува. Бен-Гурион, тогдашний председатель Правления Еврейского Агентства, тщетно пытался выяснить, на чем же я стою. В начале мая Шарет отправился в Палестину для разъяснений, а во второй половине месяца я усилил свои контакты с друзьями в Вашингтоне и объявил о своем намерении открыто призвать американское правительство признать еврейское государство как только оно будет провозглашено. 13 мая я направил президенту Трумэну следующее письмо:

"Мистер президент,

я надеюсь, что печальные события последних месяцев не вытеснят из вашей памяти то, что вы сделали для окончательного и справедливого решения давнего и сложного палестинского вопроса. Курс, принятый американским правительством под Вашим руководством, сделал возможным создание Еврейского государства, что – по моему глубокому убеждению – будет немало способствовать решению всемирного ев-

рейского вопроса и явится необходимым условием прочного мира между народами Ближнего Востока.

Насколько позволяли реальные обстоятельства в Палестине, еврейский народ следовал плану, намеченному резолюцией ООН от 29 ноября 1947 года. Завтра в полночь, 15 мая, срок британского мандата истекает, и Временное правительство еврейского государства, воплощающего все лучшие стремления еврейского народа и утвержденного резолюцией Организации Объединенных Наций, возьмет на себя всю ответственность за поддержание закона и порядка внутри границ еврейского государства, защиту этих границ от любого агрессора и выполнение обязательств еврейского государства перед другими народами мира в соответствии с международным правом.

Учитывая все трудности, шансы на справедливое урегулирование арабо-еврейских отношений в данный момент не представляются неблагоприятными. Самой настоятельной потребностью сейчас является прекращение всяких попыток выдвижения новых решений, которые не столько облегчат, сколько затруднят достижение такого урегулирования.

На этом основании я позволю себе выразить искреннюю надежду на то, что американское правительство, так много сделавшее под Вашим руководством для достижения справедливого решения, незамедлительно признает Временное правительство нового еврейского государства. Я убежден, что подобный шаг величайшей из современных демократий, первой приветствующей нового члена международного сообщества, будет надлежащим образом оценен всем миром.

С уважением,

Хаим Вейцман".

14 мая президент и его советники заседали непрерывно. Генеральная Ассамблея ООН не отвергла и не подтвердила свою резолюцию от 29 ноября. В Палестине шли последние часы британского мандата. В тот же день в Тель-Авиве было созвано историческое собра-

ние представителей ишува, которое возвестило всему миру, что независимое еврейское государство будет провозглашено одновременно с истечением срока мандата.

За несколько минут до шести часов вечера по американскому времени в Лейк-Саксесс поступило неофициальное сообщение о том, что еврейское государство признано правительством Соединенных Штатов. Делегаты не могли поверить своим ушам; даже делегация США ничего не знала об этом решении. Наконец, после длительного замешательства, профессор Джессуп поднялся, чтобы зачитать заявление Белого дома: "Правительство Соединенных Штатов получило извещение, что в Палестине провозглашено Еврейское государство и что его Временное правительство обратилось с просьбой о его признании. Соединенные Штаты настоящим признают Временное правительство правительством нового государства Израиль де-факто".

15 мая волна огромной радости захлестнула весь еврейский мир. Мы не заблуждались насчет опасностей, которые нависли над только что возникшим государством. Пять арабских армий стояли у его границ, угрожая вторжением; наши силы не были еще организованы; мы были отрезаны от международной помощи. Но жребий был брошен. Мы оказались лицом к лицу с суровой действительностью, но это было именно то, о чем мы просили. Если государство Израиль сумеет само защитить себя, выжить и сохранить силы, оно будет обязано этим главным образом самому себе; и зависеть это будет, как мы того всегда хотели, от прочности и надежности той общественной структуры, которую мы создавали все эти 50 лет.

15 мая было напряженным днем. Израиль был признан Советским Союзом и Польшей, за которыми вскоре последовали несколько стран Восточной Европы и Латинской Америки. Великобритания отмалчивалась, и я получил сообщение о том, что Бевин оказыва-

ет давление на Западную Европу и британские доминионы, побуждая их воздержаться от признания. Но тут я вспомнил о единственном из оставшихся в живых авторов Бальфурской декларации и телеграфировал генералу Сматсу. Вскоре последовало признание со стороны Южной Африки.

В тот же день я получил телеграмму, подписанную пятью лидерами Рабочей партии, входившими в состав Временного правительства, – Давидом Бен-Гурионом, Элиэзером Каплаком, Голдой Меерсон (Голдой Меир), Давидом Ремезом и Моше Шаретом: "По случаю провозглашения еврейского государства приветствуем Вас, который сделал больше всех остальных для его создания. Ваша уверенность и поддержка вдохновляли всех нас. Мы надеемся, что настанет день, когда мы увидим Вас во главе нового государства".

Я ответил: "Сердечно приветствую Вас и Ваших коллег в этот великий день. Пусть Господь даст Вам силы выполнить возложенную на Вас задачу и преодолеть все трудности, стоящие перед Вами. Я прошу передать от моего имени следующее послание ишуву: "В памятный день, когда после двухтысячелетнего перерыва вновь возникло еврейское государство, я шлю выражение любви и восхищения всем слоям ишува и самые теплые пожелания его правительству, взявшему на себя тяжелую и вдохновляющую ответственность. Я абсолютно уверен, что нынешние и будущие граждане еврейского государства приложат все свои силы, чтобы использовать возможность, предоставленную им историей. Нам предстоит создать учреждения и ценности свободного общества в духе тех наших великих традиций, которые обогатили мысль и дух всего человечества.

Хаим Вейцман".

Два дня спустя, когда я отдыхал в своем отеле от напряжения предшествующих недель, я получил сообщение, что Временный государственный совет избрал

меня президентом Израиля. Я не придал этому значения, полагая, что у совета достаточно более важных дел. Однако несколько часов спустя это сообщение было повторено по радио, а вскоре его подтвердил Обри Эвен, один из наших молодых представителей в ООН, который вернулся с массового митинга на Медисон-Сквер, где нью-йоркские евреи праздновали создание еврейского государства. В тот же вечер в нашей комнате собрались друзья, желавшие поднять бокал за первого президента Израиля.

На следующий день я узнал подробности своего избрания. Моя кандидатура была предложена министром юстиции доктором Феликсом Розенблюмом, поддержана премьер-министром и министром обороны Давидом Бен-Гурионом. Бен-Гурион не стал скрывать расхождений, разделявших нас в предшествующие годы. Но закончил свое выступление словами: "Я не уверен, что доктору Вейцману так уж нужно это президентство, но президентство доктора Вейцмана морально необходимо государству Израиль". Я позволил себе процитировать эти слова, рискуя быть обвиненным в нескромности, только из желания подчеркнуть то единство целей, которое в сути своей характерно для нашего движения при всем множестве существующих в нем разногласий. Не стану отрицать того, что это избрание наполнило меня чувством глубокой гордости и смирения. Я отправил Бен-Гуриону такую телеграмму: "Благодарю за сообщение от 17 мая. Горжусь великим доверием, оказанным мне Временным советом правительства государства Израиль, избравшим меня своим первым президентом. В смирении принимаю это избрание и глубоко благодарю Совет за возложенную на меня ответственность. Отдаю себя в распоряжение страны и народа, которым имел счастье служить столько лет. Шлю Временному правительству и народу Израиля выражения моей глубочайшей и сердечной любви и молю за них Господа. Молю Его о том, чтобы навязанная нам борьба скорее завер-

шилась эрой мира и процветания для народа Израиля и тех, кто жаждет присоединиться к нам в строительстве нового государства".

Моим первым официальным шагом в качестве президента государства Израиль было принятие приглашения президента Соединенных Штатов Америки быть его гостем в Вашингтоне. Я проследовал из Нью-Йорка в Вашингтон специальным поездом. Пенсильвания-авеню была украшена государственными флагами США и Израиля. Меня доставили в Белый дом, где уже ждали представители американского правительства и Элияху Эпштейн (Эйлат), которого Временное правительство назначило нашим послом в США. Я обратился к президенту с выражением благодарности за то, что США первыми признали наше государство, и преподнес ему свиток Торы. Затем мы перешли к практическим вопросам – к обсуждению той политической и экономической помощи, которая понадобится Израилю в ближайшие критические месяцы. Президент проявил особый интерес к вопросу о займе на проекты развития, а также обратил внимание на мысль об использовании американской поддержки в деле обеспечения безопасности Израиля – либо путем приложения сил для предотвращения арабской агрессии, либо, если война все же будет нам навязана, путем поставки нам необходимого оружия.

На следующий день я отплыл в Европу. Прежде я предполагал посетить Англию, на что у меня был ряд личных и семейных причин. Но я понимал, что теперь не имею на это права. Арабские армии атаковали Израиль с земли и с воздуха; во главе нападавших был Арабский легион, экипированный Великобританией, финансируемый Великобританией, обученный британскими офицерами. По горькой иронии судьбы главный удар этого легиона был направлен против Святого города. Еврейский университет и медицинский центр Хадассы подверглись обстрелу. Еврейские святыни,

пережившие вторжение средневековых варваров, теперь были разрушены. Весь мир был потрясен. В такой Великобритании для меня не было места. Мне было очень горько сознавать, что я не могу ступить на землю страны, чей народ и чьи традиции я так глубоко уважал и с которым я так долго и упорно пытался объединить еврейский народ узами взаимных интересов и сотрудничества. Мы ехали через Францию, откуда направились в Швейцарию, где я хотел немного отдохнуть перед тем, как приступить к обязанностям президента.

Здесь, в гилонской тиши, я дописываю строки истории, которая не рассказана еще и наполовину и вообще, может быть, только началась. То, что я написал, – лишь введение, возможно – одно из многих введений, которые еще будут написаны к новой истории Израиля. Но если эта книга поможет читателю лучше понять творимую нами сейчас историю, я буду считать себя вполне вознагражденным.

Гилон, Швейцария, август 1948 года.

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.
אגף לתרבות השכלה ואמנות, חמחי לספריות
הספריה הצבורית ע"ש ש. פבזנר
מס'
70129/1

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1–2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11 Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ

32. С.Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА

66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник.
И. Кауфман. БИБЛЕЙСКАЯ ЭПОХА.
Л. Финкелстайн. ЕВРЕЙСКАЯ ВЕРА И ПРЕТВОРЕНИЕ ЕЕ В ЖИЗНЬ.
Ш. Эттингер. КОРНИ СОВРЕМЕННОГО АНТИСЕМИТИЗМА.
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х.Н. Бялик и И.Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС – 1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов.
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ.
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ.
92. М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ.
93. Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ

96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Граде. БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА
100. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית אהרונסון - ספריה
מס. מלאי.....

ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ

Наши книги можно заказать
также по адресу:
P. O. B. 39298
61392 Tel-Aviv
ISRAEL

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

ИЗ СЕРИИ "КОРНИ". Сборник.

В сборник включены 4 семейные хроники, получившие премии на конкурсе "Отчий дом", организованном Еврейским университетом в Иерусалиме, 1982 г.

Михаэль Бар-Зохар. **БЕН-ГУРИОН. Биография.** Пер. с иврита.

М. Бар-Зохар (1938) – единственный исследователь, кому Бен-Гурион, первый глава Государства Израиль, дал полное право доступа к личному архиву, дневникам, письмам, согласился отвечать на поставленные ему вопросы. Книга (1980) – плод восьмилетнего труда автора – была с энтузиазмом встречена литературной критикой и стала бестселлером.

Гершом Шолем. **ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ.** Пер. с англ.

Г. Шолем (1897–1982) – первый исследователь каббалы и еврейской мистики вообще. Благодаря его неутомимым трудам, история каббалы и других мистических течений в иудаизме превратилась в серьезную науку и проливает новый свет на многие явления религиозной жизни еврейства. Книга читается с интересом и необычайно обогащает читателя.